

63.3(2-2СПб)

К93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

• Выпуск 9 •

②

63.3(2-2СПб)
К93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Выпуск 9

Краеведческий
отдел

170042/2

ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга

ОСТРОВ

Санкт-Петербург

2014

Центральная библиотека им. М. Зощенко
ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга
197706, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, д. 7, тел.: 434-71-57

УДК 908(470.23–25)
ББК 26.89(2–2Санкт-Петербург)
К 93

К 93 Курортный район. Страницы истории. Выпуск 9. – СПб: ООО
«ИТД «ОСТРОВ», 2014. – 128 с., илл.

В очередной сборник вошли статьи о Сестрорецке, Зеленогорске, а также об экспонатах музея-усадьбы «Пенаты», связанных с писателем Л.Н. Андреевым. Статья Л.М. Травиной продолжает тему дач в Комарове, впервые подробно рассказывая об архитекторе Г.В. Барановском.

ISBN 978-5-990128-99-0

УДК 908(470.23–25)
ББК 26.89(2–2Санкт-Петербург)

На обложке:

- 1-я стр. *Зеленогорский парк культуры и отдыха. На переднем плане скульптура Г. Вицина. Автор Ю. Кряквин. Фото А.Е. Браво.*
- 2-я стр. *А.А. Оль. Вилла «Аванс» Л.Н. Андреева в Ваммельсуу. Проект северо-восточного фасада. Из книги «Архитектор Андрей Андреевич Оль. 1883–1958». Каталог. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. СПб. 2008.*
- 3-я стр. *И.Е. Репин. Три портрета: слева Анна Ильинична Андреева. 1921 г., Холст, масло 125×88; в центре Беатриса Леви. 1918. Линолеум, масло, 80×66; справа актриса М.Ф. Андреева. 1905.*
- 4-я стр. *Ю.И. Репин. Портрет Л.Н. Андреева. Фанера, 73×40. Начало 1920-х гг. Из фондов музея-усадьбы «Пенаты».*

© Авторы. 2014 г.

© Библиотека им. М.М. Зощенко. 2014 г.

© Музей-усадьба «Пенаты». 2014 г.

© ООО «ИТД «ОСТРОВ». 2014 г.

И.Н. Аверина

Моя семья

*Моим дорогим
Оленьке и Сашеньке*

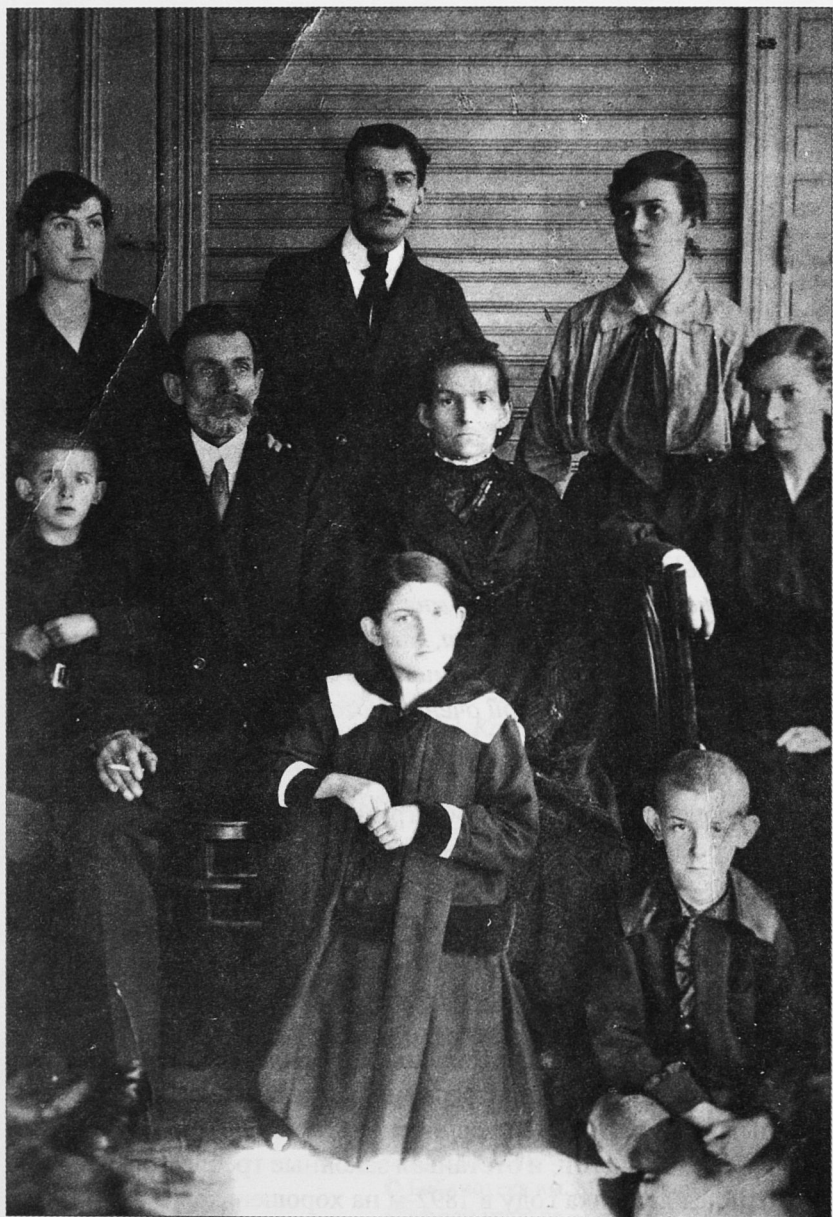
Недавно мне исполнилось 85 лет! Наверное, поэтому меня торопят писать воспоминания о моих предках по маминной линии, о папиных я писала.¹ Сделать это мне трудно, так как мои дедушка и бабушка Андреевы рано умерли, мне не удалось их видеть. Все что я знаю о них, исходит из воспоминаний моей мамы Анны Семеновны, которая мне с сестрой очень много и подробно рассказывала о них. Попробую...

Сестрорецкий оружейно-инструментальный завод, основанный Петром I в 1721 году, перестал существовать. За три века на нем выросло много поколений рабочих высокой квалификации, создались целые семейные династии, построен сам город Сестрорецк, а потом и рабочий поселок Разлив. Несколько поколений моих предков работало на заводе, в том числе мой дедушка – Семен Георгиевич Андреев.

Родился дедушка в Сестрорецке примерно в 1865 году. У нас сохранились старинные фотографии: красивое, волевое лицо, элегантный костюм. Работал дедушка мастером на заводе. Он состоял в рабочем комитете и отстаивал законные требования рабочих.

Женился дедушка году в 1892-м на хорошенькой 19-летней се-

¹ См. Аверина И.Н. Мой дедушка Кондратьев Петр Андреевич // Курортный район. Страницы истории. Выпуск 4. СПб, 2009. С. 140–151. — Прим. ред.

Семья Андреевых в начале XX в.

сторечанке Машеньке с Дубковского шоссе, 17 – Марии Петровне Николаевой. Моя мама вспоминала, как она девочкой 8 – 9 лет бегала из Разлива по этому адресу к своей больной бабушке и, как Красная Шапочка, носила ей теплые пирожки.

На выделенных заводом под жилую застройку землях в поселке Разлив дед построил собственный дом № 5 на 3-й Тарховской улице. Разрослась большая семья — семь человек детей: Михаил (1893), Параскева (1896), Анна (1899), Вера (1900), Анфиса (1905), Павел (1907), Александр (1909). Для поддержки такой оравы держали корову.

Дедушка был хорошим отцом и семьянином. Он был справедливым, смелый, сильный человек, откликнувшийся на чужие беды. Так, в дни получек на заводе в дом к бабушке прибегали женщины с детьми укрываться от разбушевавшихся пьяных мужей. Дедушка ходил в эти дома, разбирался с пьяными дебоширами, наводил порядок. Его боялись и уважали. Как-то в морозную зиму поздно вечером дед привел в дом замерзшего незнакомого старика и тот какое-то время жил у них на кухне.

В масленицу финны (чухны) приезжали в Разлив на лошадях-санях (их называли «вейки») катать народ. Ребята кричали: «Чухня-вейка, грош-копейка, дай прокатиться». Взрослые парни забирали лошадей, чтобы самим их погонять, а потом заезженных, распряженных, заиндеветавших бросали их на морозе у ворот. Дедушка выбегал и заставлял парней укрывать лошадей мешковинами, чтобы те не простудились.

Одним из первых в Разливе дед провел в доме электричество, но получилось что-то не так, и проводка задымилась, хорошо, что он был дома и быстро ее сорвал, предупредив пожар. Бабушка очень испугалась, ей стало плохо. А дом еще долгое время освещался керосиновыми лампами.

Дедушка был очень музыкален, обладал отличным слухом и голосом. Несмотря на скромный достаток семьи, он взял напрокат рояль и арфу, еще были гитара, мандолина и балалайка. Дед играл на всех инструментах. Получался целый оркестр: дед за роялем, старшая дочь Таня играла на арфе, старший сын Миша — на гитаре, моя мама и Вера — на мандолине, один из младших,

Павлик, — на балалайке, а самому младшему, Саше, разрешалось ударять в такт деревянными ложками. У всех были хорошие голоса. Прохожие останавливались послушать «концерт». Мама вспоминала, как однажды летом дед пришел с какого-то торжества слегка навеселе, сел за рояль и громко заиграл Марсельезу. Перепуганная бабушка бегала от окна к окну, закрывая створки и ругая деда: «Чёрт — красная сотня, пустишь детей по миру».

Семья была дружная, сплоченная. А вот здоровья семье Бог не дал. Бабушка была очень болезненная, это закончилось туберкулезом легких. Она умерла в 1915 году в 45-летнем возрасте, оставив семерых сирот, младшему было шесть лет. Незадолго до смерти бабушки моя мама в 16 лет стала работать в бухгалтерии завода счетоводом, чтобы как-то помочь семье. Вскоре тяжело заболел дедушка — рак пищевода, и в 1917 году он умер в 52 года, оставив семерых круглых сирот.

Дедушка очень любил свою жену, скучал по ней. Он с детьми часто ходил на её могилку, вокруг вставали дети, а он брал длинный железный прут, протыкал землю, тихо стучал в крышку гроба, говоря: «Машенька, это мы к тебе пришли». Дед был атеистом. Последнее воспоминание о дедушке я услышала году в 1968-м от соседа, отставного генерала Квятковского. Он сказал, что окончил Сестрорецкое заводское профтехучилище, и его учителем был мой дед Семен Георгиевич Андреев. Много хороших слов сказал он о дедушке.

Моя мама в 18 лет осталась одна с четырьмя младшими ее сестрами и братьями на руках. Двое старших Миша и Таня к этому времени создали свои семьи и покинули родительский дом. Шла Первая мировая война, Миша был на фронте, где и погиб в возрасте 26 лет. А старшая сестра Таня куда-то уехала с ребенком.

Моя мама работала на заводе и обихаживала всю семью. Ей помогала 16-летняя сестра Вера. Мама очень хорошо шила. Ей в 15 лет отец подарил швейную машинку «Зингер». Вечерами допозд она обшивала всю семью, зато все были хорошо одеты. Она во всем себя урезала, чтобы все были накормлены.

Жилось очень тяжело, да еще это были голодные годы. В 1919 году в августе месяце Петроградский Совет решил отправить

голодающих детей в хлебородные губернии. Маме знакомые посоветовали отправить ее братьев: Павлика 12 лет и Сашу 10 лет. Перед отправкой детей собирали в Зимнем дворце, чтобы вывезти всех вместе. Уже после войны дядя Саша вспоминал и рассказывал мне, как он с ребятами бегал по дворцовым залам. Около дворца был яблоневый сад, и ребята наелись еще не зрелых яблок, заболели. Павлик в августе 1919 года заболел дизентерией и умер. Сашу мама забрала обратно. Моя мама была редкой красавицей, пользующаяся общим вниманием, но это ее только тяготило. Она дала себе зарок — не выходить замуж, а вырастить оставшихся детей. Вначале зимы 1919 года собралась ехать куда-то за мукой Вера. Были сильные морозы, а валенки у них заняла соседка и не отдала, сказав, что их у нее украли. Вера поехала плохо утеплившись. Вернулась очень простуженная, сильно заболела, у нее началась скоротечная чахотка и она вскоре, весной 1920 года, в Пасху умерла в возрасте 19 лет. Семья редела, их осталось трое: маме 21 год, Асе 15 лет и Саше — десять.

Еще при жизни Веры мама поехала с ней в Горскую поискать картошку. Там ее увидел военный из артиллерийской части — Николай Кондратьев. Оказалось, что он из Разлива со 2-й Тарховской 46. Он с первого знакомства «прикипел» к ней, а она была верна своей клятве — не выходить замуж. Николай знал о неизлечимой болезни Веры и как-то перед Пасхой 1920 года принес маме кусок говядины, чтобы она сварила крепкий бульон для Веры и отнесла в больницу. Но Вера уже не могла глотать, это было перед ее смертью, она только сказала маме: «Выходи замуж за Колю, он очень добрый и заботливый». Но мама не выходила еще почти два года, Николай ждал.

Молодость есть молодость. И мама, несмотря на сыпавшиеся беды, усталость, недосыпания, выбиралась с подружками в «Читалку» — местный красивый деревянный клуб, при котором был любительский драмкружок, много ставивший Островского, оркестр русских народных инструментов, вокальный кружок. Шли интересные постановки, хорошие концерты, были и танцы. Мама была очень красивая, изысканная и легко танцевала. Мама всегда восхищалась интеллигентностью сестрорецких рабочих. Когда

она в антракте возвращалась на свое кресло там лежала то коробка конфет, то красивая открытка. Летом мама иногда ездила в Курорт в Курзал — очень красивое здание на берегу Финского залива. К сожалению, в войну оно было разрушено и исчезло. Там давались симфонические концерты под управлением знаменитых дирижеров, пели известные певцы, в том числе Собинов и Шаляпин. Устраивались танцы под симфонический оркестр, как в Павловске. Съезжалось много публики — от светской до простых людей. Допускались все прилично одетые, на танцах мужчины обязательно должны были быть в белых перчатках, которые можно было там же приобрести. Ходил специальный поезд-подкидыш — «кукушка» от Новой Деревни до Курорта.

Замуж мама вышла в январе 1922 года за Колю Кондратьева. Асе исполнилось 17 лет, Саше — 12. Николай сразу перешел из своего родительского дома по 2-й Тарховская, 46 жить в мамин дом на 3-ю Тарховскую, 5. И их стало четверо: мама, Коля, Ася, Саша. Коля сумел создать хорошие отношения с детьми, они стали жить дружно и мирно при скромном достатке. Коля учился в Военно-инженерной артиллерийской академии, получал немного.

В 1922 году у них родилась Лидочка, а в 1928 — я. Папа окончил в 1929-м академию, был назначен на военный завод в город Ковров, где с семьей вчетвером пробыл 11 лет и перед самой войной и блокадой все вернулись в Разлив, но уже в папин дом на 2-й Тарховской 46, где жили папины родственники. Мама прожила долгую жизнь, она умерла в 1977 году в возрасте 78 лет.

Красавица Ася вышла замуж в 1924 году в 19 лет за финна Александра Киппо — весельчака и балагура из ее молодежной компании. Он работал на заводе. Дедушкины друзья уговаривали мою маму отговорить Асю от этого замужества, так как Киппо был склонен к спиртному, но Ася не послушалась и вышла за него замуж. У нее родились три дочери: Женя, Клёра и Нина. А Киппо начал спиваться, стал алкоголиком, доходил до белой горячки.

Как губит людей водка! Киппо считался на заводе слесарем — золотые руки, талантливым рабочим, без его участия не могли выпустить готовую продукцию. И в периоды запоев с завода при-

бегали за ним домой, ждали по несколько дней, когда он придет в норму.

Семейная жизнь превратилась в ад. Ася разошлась с мужем и пошла работать на завод. А потом — война, блокада, истощение, эвакуация с младшей дочкой Ниной. Старшие эвакуировались из Сестрорецка отдельно с ремесленным училищем, спасшим их от голода. В эвакуации у тети Аси заболели легкие, а у Нины начался костный туберкулёз. В 1944 году, еще шла война, тетя Ася с Ниной вернулись в Разлив, боясь потерять дом, но почти сразу обе попали в больницу — у тети Аси туберкулез легких, у Нины туберкулез костей. Нину вылечили, а тетя Ася умерла в больнице в январе 1945 года, немного не дожив до сорокалетия, оставив троих сирот. Вот, как верна пословица: не родись красивой, а родись счастливой.

Саша после отъезда моей мамы в Ковров остался один в возрасте 20 лет. Он закончил заводское профтехучилище, стал хорошим токарем. Потом был призван в армию, служил на флоте, сигнальщиком на корабле. Отслужив, вернулся домой, работал на заводе токарем высшего разряда. Женился, было у него двое детей — сын и дочь. Саша поддерживал дом и рыбачил, хорошо играл на гитаре, но жизнь ему отравляла тяга к спиртному. Его сына в 51 год убил сосед-пьяница. Жизнь дочери тоже кончилась как-то нехорошо в 55 лет. Сам дядя Саша умер в возрасте 80 лет. Он мне часто говорил, что считает мою маму — свою старшую сестру — своей родной матерью. Еще бы! Ведь она его вырастила с 6 до 20 лет.

Старшая дочь дедушки, Таня, всегда жила отдельно своей семьей, у нее было двое детей. Она пережила всю блокаду, умерла в возрасте 49 лет в 1945 году, немного не дожив до Дня Победы.

Вот такая судьба выпала в жизни Андреевых — дедушки Семена Григорьевича, бабушки Марии Петровны и их семерых детей. Сейчас их дом стоит, но уже не Андреевых, он продан.

Мне бы хотелось, чтобы потомки прочитали мои записи, и память о наших предках не исчезла бесследно.

Июль 2013 года

Л.П. Кряжева¹

**О книге Вадима Соловьева
«Живите радостно.
Сестрорецкая скоропись»
и не только о ней**

Эту книгу я прочла, как говорится, взახлеб. И хотя я родилась в больнице им. Эрисмана на Петроградской стороне (мы жили на Пионерской улице), мама сразу же отвезла меня в Курорт на Садовую улицу к тетке Мане (Марии Николаевне Малыгиной).

Мой отец, Кряжев Павел Иванович, (1900) служил начальником погранзаставы в Карелии. Родом он был из состоятельной крестьянской семьи в Девеевском районе под Арзамасом. Мой дед по отцу работал механиком на Волге, плавал. Выстроил на родине самый высокий дом, а это не разрешалось крестьянину до революции. После революции он, как специалист, работал на мельнице, маслобойне. Все его дети получили хорошее образование.

Мой отец пошел служить в Красную армию, попал на погранзаставу. В это время моя мама работала официанткой в доме отдыха в Сестрорецке. На нее написали донос, что она ворует продукты. Ночью пришли с обыском. У нее ничего не нашли. Но одновременно проверили других работников. Все работники жили на

¹ Людмила Павловна Кряжева, кандидат биологических наук, выпускница 1950 года школы пос. Разлив, автор многочисленных публикаций по защите растений, соавтор книги «Хлебная жужелица и меры борьбы с ней», монографии «Агроэкология озимой пшеницы», опубликованной в 2013 году. Книги написаны по материалам многочисленных экспедиций Л.П. Кряжевой и ее коллег. Прим. ред.

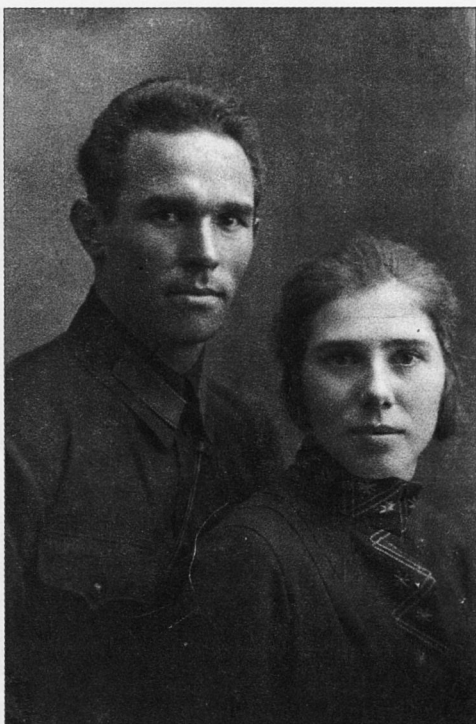
территории дома отдыха. Больше всего продуктов нашли у заведующей домом отдыха. Тогда проверяющие предложили выбрать новую заведующую. Коллектив проголосовал за маму. Так она стала начальником.

Отец, вероятно, бывал в Сестрорецке, где и познакомились мои родители. Отец увез мать в Карелию. Когда его послали учиться в Академию связи, семье дали комнату на Пионерской улице.

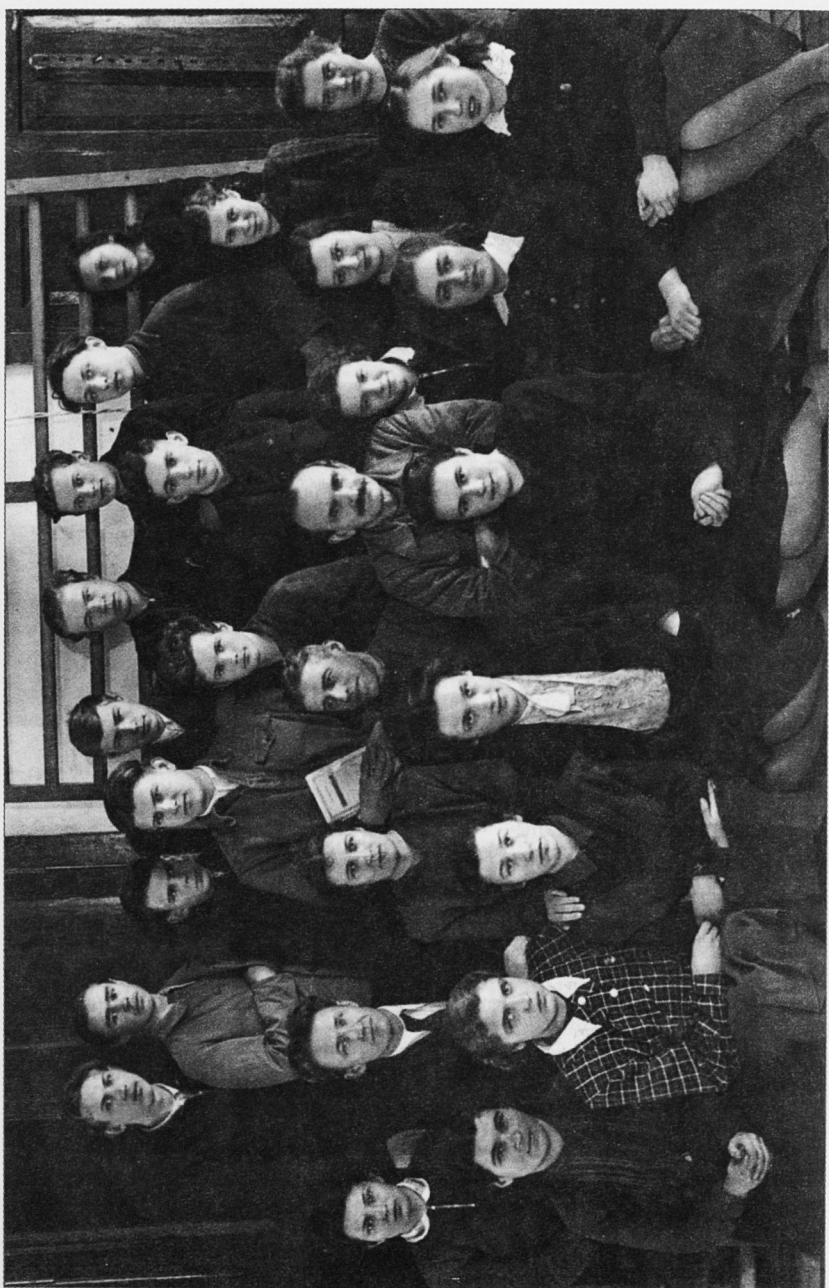
Я росла, временами жила там же, а временами у тети Шуры (Александры Николаевны Власовой) на Базарной ул. г. Сестрорецка.

Я хорошо помню довоенный «крытый» рынок, угловой магазин в бывшем доме купца Леонтьева и его пекарню, в которой до войны выпекались хрустящие лепешки под названием «подошвы». Их продавали утром прямо из нижнего окна пекарни, расположенного на уровне 30 см от земли. Мы, дети, их очень любили, но не всегда удавалось купить эти лепешки.

Окончательно в Сестрорецк мы переехали после войны. На Пионерской улице дом был с печным отоплением, мама всегда запасала дрова. Именно поэтому в блокаду в этой комнате собрались все родственники: тетя Тоня с тремя детьми, бабушка, тетя Маня с двумя детьми и мужем, дядя Саша — муж тети Тони. Мы с мамой выехали из блокадного Ленинграда 26 августа. Тетя Шура

*Валентина Николаевна
и Павел Иванович Кряжевы. 1933 г.*

Разливская школа.

Верхний ряд слева: 1. Романов Сергей, работал преподавателем в Политехническом институте; 2. Шахлин Лев, капитан 1 ранга; 3. Дойников Николай Иванович, профессор, кандидат физико-математических наук; 4. Дмитриев Лев, военный в высоком звании, работал в правительстве Москвы, предположительно был депутатом Верховного Совета СССР; 5. Фролов Владимир Викторович, кандидат технических наук, работал всю жизнь на Сестрорецком заводе программистом; 6. Трифонов Сергей Викторович, кандидат физико-математических наук, написал несколько трудов по специальности; 7. Трофимов Анатолий, жил в Лисьем Носу. Стал летчиком; 8. Калифицкий Вячеслав из Лисьего Носа; 9. Морозова.

2-й ряд: 10. Буньков Николай, морской офицер, служил на Тихоокеанском флоте, рано умер;

11. Шубик Лев, врач, кандидат медицинских наук, профессор; 12. Рыкова Ирина.

3-й ряд: 13. Лукьянова Дина, окончила сельскохозяйственный институт, вышла замуж за венгра.

Живет в Венгрии; 14. Макаревский Федор Захарович, учитель русского языка и литературы;

15. Чернецова Раиса Михайловна, химик; 16. Александр Иванович, преподавал черчение; 17. Братславич Евгений Михайлович, географ; 18. Пасынкова Маргарита Ефимовна, юрист; 19. Лифшиц Инна, врач, живет в США; 20. Лукосяк Валентина, сестра учителя Бронислава Лукосяка, историка.

4-й ряд: 21. Жалнина Людмила, кандидат сельскохозяйственных наук, работала в Мичуринске, в Крымской сельскохозяйственной академии, фитопатолог; 22. Федорова Нина, окончила Медицинский институт, работала окулистом, позднее зав. детской поликлиникой Сестрорецка; 23. Шахмейстер

Лиля, окончила Политехнический институт; 24. Малыгина Белла, троюродная сестра Кряжевой Л.П. Отец ее был военным, они жили в большом 2-этажном доме на углу 2-й Тарховской и 2-й Поперечной; 25. Ситнянская Наташа, окончила Педагогический институт в Ленинграде, работала директором школы в Калининском районе; 26. Хургина Нанна Григорьевна, окончила университет немецкое отделение, работала в детских здравницах. Общественница Сестрорецка; 27. Кряжева Людмила Павловна, окончила сельскохозяйственный институт, г. Пушкин, кандидат биологических наук, работала в НИИ, автор двух монографий по защите растений

*Людмила Павловна Кряжева.
1955 г.*

жила в Лахте. Но как только смогла выехать — добралась с сыном, 18-летним дистрофиком до нас в Горьковской области. После войны все родственники сказали маме: «Если ты вернешься на Пионерскую улицу — никто из нас к тебе не придет — слишком тяжело вспоминать минувшую блокаду». Поэтому из эвакуации мы вернулись в Сестрорецк. Жили то у одной тетушки на Садовой, № 10, то у другой — на Средней улице — до тех пор, пока не получили комнату на Морской улице, потом — на ул. Володарского.

Сначала я училась в 433-й школе, потом — в 434-й в Разливе. У меня сохранилась фотография нашего 9-а класса Разливской школы. Почти все ученики через год поступили в высшие заведения и училища. Привожу развернутую подпись к фотографии 1949 года нашего 9-го класса Разливской школы (на предыдущей странице).

Аллея вдоль школы, посаженная нами, называлась «аллеей 5-го выпуска». После окончания школы мне хотелось поступить в Горный институт — одолевала страсть к путешествиям, внушенная нам учителем географии Е.М. Братславичем, или в медицинский. Но все сомнения разрешил случай. С двумя своими одноклассницами я заехала в Ленинградский сельхозинститут. Девочки собирались туда поступать. В рекламе я увидела, что на факультете защиты растений от вредителей студенты на практику выезжают в разные точки России и другие республики СССР. Это склонило меня к поступлению в этот институт.

В 1953-м я уже окончила 3-й курс института и попала по рекомендации декана в экспедицию Всесоюзного НИИ (ВИЗР), воз-

главляемую доктором с/х наук П.В. Сазоновым. Он разрабатывал методы борьбы с вредителями озимой пшеницы. С этого началась моя практическая научная работа. После защиты диплома меня направили в Ростовскую область бороться с вредителями, но из-за болезни мамы пришлось вернуться в Сестрорецк.

Я поступила на работу в тот же ВИЗР сначала лаборантом, а после окончания аспирантуры стала работать научным сотрудником.

Почему об этом я пишу? Да потому, что вся моя жизнь всё время была связана с Сестрорецком, хотя в 1970 году мы с мамой переехали в Калининский район, на Гражданский проспект, где нам с мамой дали двухкомнатную квартиру. Но в Сестрорецке остались родственники, одноклассники, друзья. И как не бросала меня судьба в разные сельскохозяйственные уголья нашего государства – от Молдавии до Казахстана и Киргизии – Сестрорецк был и остается моей малой родиной с заложенными семейными традициями порядочности, работоспособности, культуры поведения.

Вот почему мне не безразлично то, что происходит в Сестрорецке. Но читая книгу Вадима Соловьева, я все время ловила себя на мысли: «Господи! Да в этой книге отражается не только «ско-ропись» о Сестрорецке – она о нас, нашей эпохе, о моем поколении, рожденном в 1930-е годы XX века».

Мне наряду с другими специалистами приходилось доказывать своими исследованиями вред безумного решения Н.С. Хрущева, тогдашнего руководителя нашей страны, применять «влагосберегающие» поверхностные обработки почвы, совершенно неприемлемые в зоне возделывания озимой пшеницы. Рекомендации честных земледельцев не были услышаны: лучше поцарапать землю сверху, чем обернуть вглубь. Доцарапались до того, что площадь распространения опасного вредителя зерновых культур — хлебной жужелицы, достигла 1 млн гектар.

Очередной «земледел» М.С. Горбачев закупил в Англии технологию возделывания озимой пшеницы. Позднее оценка этой технологии показала, что на третий год ее применения значительно возросло развитие фитопатогенов: корневых гнилей,

*Хлебная жужелица
на колосе озимой пшеницы*

фузариоза зерна, токсичного для всех теплокровных, в том числе и человека. Отстаивать правоту своих исследований и в ту пору было очень сложно.

Намыв островов вдоль побережья Финского залива — это очередной абсурд власть предержащих, направленный лишь на получение прибыли в ущерб экологии, который придется исправлять будущему поколению землян.

Но вернемся к книге Вадима Соловьева. Как далека была от насущных проблем населения В.И. Матвиенко, уроженка Шепетовки, оглашая необходимость продажи Сестрорецкого инструментального завода. Наше семейное предание гласит, что при основании оружейного завода на реке Сестре среди вывезенных Петром I из Олонецкого края знатных рудознатцев были представители рода Малыгиных. С тех пор судьба наших предков была тесно связана с оружейным заводом, потом инструментальным. После Великой Отечественной войны на заводе работали Голяков Юрий Александрович, сын тети Тони Малыгиной, в замужестве Голяковой, Вера Михайловна Ниткина, в замужестве Кайдаш, моя мама — Валентина Николаевна Малыгина, в замужестве Кряжева.

С болью с сердце читаю строки в книге Вадима Соловьева, адресованные американскому бизнесмену, вполне разделяя унижение и оскорбление памяти Петра I, всех наших предков, для которых завод был главным делом их жизни.

Хочу поблагодарить всех, кто принимал участие в создании и издании этой замечательной, правдивой книги о нашем поколении советского, такого разношерстного XX века.

И.М. Александрова

ИРИНКИНЫ РАССКАЗЫ (байки «местного разлива» из Разлива)

Животные-аниматоры **Муська**

Кошка Муська, до войны воспитанная моей мамой, была крайне приветливой. Каждый входящий в дом человек, будь то член семьи или гость, обязан был уделить ей внимание. Она садилась перед входящим и протягивала ему лапу. Входящий отмахивался и проходил в комнату. Кошка за ним. Однажды дошло до абсурда. Гости сели уже за стол и кошка рядом. Бегает от одного к другому, дергает за платье, за рукав, пытается пристроиться к тарелке с салатом и все тянет лапу. Гости в недоумении. «Да пожмите, наконец, кошке лапу. Хватит ее мучить», взмолилась бабушка. А гости на этот раз были новые и кошачьего ритуала не знали. Получив весомую порцию пожатий, она удалилась. Напряжение вмиг спало, и все расхохотались. Так и в жизни бывает – излишнее внимание приводит к замешательству.

Ласковый и нежный «мародер»

В нашем доме всегда любили собак и держали одну или две со дня основания дома. Перед Великой Отечественной войной у деда Андрея (Клевиц Андрей Константинович) был доберман — коричневый, гладкошерстный, доброжелательный и спокойный, но... очень прыгучий. Из рассказов соседей, дед Андрей неожиданно

197706, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, д. 7, тел.: 434-71-57

170042/2

узнает, что у его любимой собаки, добропорядочной, чистых кровей, абсолютно домашней, появилось сомнительное увлечение «на стороне». Андрей Константинович вставал рано и много успевал сделать до работы: натаскать воды, растопить плиту, накормить собаку и коз, зимой очистить дорожки от снега. Доберман прилежно сидел во дворе, внимательно следя за утренними хлопотами хозяйна. Где-то в девятом часу, заслышав ребячьи голоса на соседней улице, доберман в один прыжок перемахивает через калитку и ложится поперек дороги (у него еще с вечера был задуман план-перехват!). Вытянув лапы и положив на них голову, пес смиренно ждал. Голоса приближались. Собачье сердце радостно трепетало от предвкушения долгожданной встречи. Из-за угла показались школяры 7–9 лет с пухлыми ранцами за плечами и такими же пухлыми щечками. Сжав лапы «в кулачек» и собрав всю собачью волю, доберман ждал их, храня дистанцию. Ему так хотелось сорваться, побежать навстречу, кинуться на каждого и... облобызать! И только когда группа ребятешек поравнялась с его калиткой, он дал волю нежности. Школьники, смеясь и подпрыгивая, шли по Разливной набережной. Они любили этот маршрут вдоль берега озера. К тому же она прямиком выводила их родную деревянную школу 1-й ступени.

Доберман, обнюхав ранец каждого, и найдя один, наиболее привлекательный, валил пацана наземь. Горячо дыша в лицо, призывно урчал и нервно дергал хвостом. Догадливый парнишка лез в ранец, доставал бутерброд с колбасой и делился с собакой. Облизываясь, довольный провернутой операцией и собой, доберман провожал ребят до переулка. Его долгий взгляд как будто говорил: «До завтра, малышня! Пока. Буду ожидать вас с нетерпением!»

Дед негодовал. Как гордый, честолюбивый доберман мог унижаться до «рейдерского захвата»?

Дворецкий, или Жар-птица

В хозяйстве Натальи Степановны, моей бабушки, куры всегда присутствовали. До войны держали курочек-пеструшек, а вот петух был белый, крупный, с кокетливо-подвернутым алым гребешком. Это по рассказам мамы. И после войны «скотный двор» она восстановила заново.

Так появился первый кот по кличке Барсик, первая собака (взятая в аренду) Мурза, а так же первый и единственный боров Васька.

По случаю мама достает курочку-наседку и от разных хозяев берет по яичку. Через некоторое время вылупляются цыплятки: девять штук беленьких и один черный. Мне черная «курочка» так понравилась, что я заявила маме: «она только моя и я сама буду за ней ухаживать». Время шло. Цыплята выросли и превратились в белоснежных холеных кур. Белых — породы леггорн. Мама звала — «былиночки», а черная «курица», моя любимица, превратилась в роскошного петуха! Его и оставили предводителем этого небольшого «курячьего войска». Назвала я его Типок. Чем он старше становился, тем краше и наряднее. Черный цвет ушел. А из-под него вышло оперение Жар-птицы! Гордая посадка головы, блестящие темные глаза, величавая поступь, сильные сизые ноги со шпорами, гребень алый, низкий (что спасал от морозов) в мелкое «гофре». Головку вправо — золотой отблеск, головку влево — зеленовато-лиловый, а то вздохнет и крылья приподнимет — сине-фиолетовый заиграет. А хвост — песня отдельная; просто фонтан радужных брызг. Однажды пошла я в сад нарвать себе букет сирени, залюбовалась на петуха, онемела, да ему и подарила. В другой раз вынесла полотенце на веревку вешать, засмотрелась — оно в руке и высохло. Петух взмахнёт крыльями, ножку приподнимет — как оперение заволнуется, заиграет переливами. А если солнце выйдет, жар такой — береги зрение!

Типок во всем любил порядок: курочек накормит, с улицы во двор загонит, а к закату всех пересчитает и на шесток! Однажды он обнаружил непорядок. Одна белянка уносила яйца «налево», не в гнездо, как положено, а в укромный уголок в зарослях сирени. Он вычислил ослушницу и строго наказал. Громким кудахта-ньем и хлопаньем крыльев он привлек мамино внимание. Так был обнаружен куриный склад ее 12-дневной носки.

На даче в тот год жила девочка лет двух. Ее мама, необдуманно разрешила ей делать туалет в песочек у крыльца. Типок, увидев такое грубое нарушение этикета, бежал во весь опор через двор, завидев оголенную розовую попу. Да как клюнет. Реву было до

вечера! И синяк остался. Второго раза уже не было. Ребенок сидел на горшке и на веранде.

Регулярно патрулируя по улицам Разлива, участковый Велихотский однажды заметил живописную картину – нашего Типочка со своим «гаремом». Узнав, чей это красавец, подъехал к маме. «Зоя Ивановна, давай меняться, я тебе белого, а ты мне своего». Мама резко отказала, ошарашенная его наглостью. Уходя, участковый пригрозил: «Не хочешь по-хорошему меняться — приду и выкраду».

«Не будет по-твоему, лучше я его съем», — еле сдерживая дрожь, заявила мама. На следующий день курочки осиротели. Не передать словами нашей печали. Так иногда бывает. Чей-то злой умысел убивает красоту.

Мы всей семьей целый месяц его поминали (9 кг). А я до сих пор храню его перышки.

Бородатое очарование

В первый же послевоенный год мама задумала приобрести козу. Ребенок я была слабенький: то ангина, то пневмония. Зная целебные свойства козьего молока не понаслышке, мама изо всех сил искала козочку, ну хоть какую-нибудь в ближайших поселках. И, наконец, в Горской такая нашлась. Коза оказалась старой и очень запущенной. Почти весь световой день мама с козой Камкой шли от Горской до Разлива. Коза задыхалась, останавливалась, ложилась отдыхать. И вот уже к вечеру они входят во двор. Голова у козы опущена, впалые бока с выступающими ребрами ходят ходуном. Я бросаюсь ее обнимать. Мама отстраняет меня, говоря, что ее надо обработать и помыть. Привязав козу к тополи, мама наскоро перекусила и сама легла отдохнуть – ноги «гудели», да и ночь предстояла бессонная.

Приготовив керосин, тряпки, щетку и гребень, мама взялась за обработку козочки. Коза была не просто пожилая, а старая, 13 лет. Глаза потухшие, позвонки проглядывали без рентгена. Мы с бабушкой давно спали, а мама всю ночь возилась с Камкой, приводя ее в надлежащий порядок. Обильно смазав шерсть и тело козы керосином для уничтожения паразитов – вшей и блох, и тщатель-

но замотав все ее больное тельце ветошью, взялась и за мордочку, вымыв ее теплой водой с дегтярным мылом. Потом козу вдоволь напоили чистой водой и дали через рожок геркулесовой болтанки на молоке. Наверное, впервые за много месяцев коза спала спокойно – не вздрагивала и не чесалась. Мама тут же сидела, притулившись у дерева, караулив каждое ее движение, не давая облизывать грязные бинты.

Утром, награв много воды, мы мыли козу на солнце. Но перед этим надо было снять бинты. Их резала мама ножницами по кускам. Черные квадраты ткани лежали на песке. Черными они были от трупов вшей и блох... Следующий этап очищения – мытье с дегтярным мылом и тщательное расчесывание частым гребнем. К вечеру умытая, обсохшая, накормленная и счастливая коза ушла спать на сено в старую баню. Так началось ее возрождение.

Примерно через месяц ее было уже не узнать. Веселое бляение и быстрая походка говорили о хорошем самочувствии. Я брала ее на поводок, и мы ходили с ней вдоль берега. Свежий ветер, запах воды, постоянное движение да «диетическое» питание – сделали свое дело. Она окрепла, глаза оживились, шерсть стала густой и блестящей, да и «щечки порозовели». Короче, к осени она так окрепла, что закрутила хвостом, а это значит – пора ее «выдавать замуж». На свидание с козлом снова ходили в Горскую, к той же хозяйке, у которой и брали Камку. Хозяйка, внимательно взглянув на козу, спросила: «Сколько вашей красавице лет? И были ли у нее роды?». Мама больше не могла быть серьезной, заулыбалась и отвечала вопросом на вопрос: «Мария Ивановна! Неужели вы не узнаете в ней своей бывшей “замухрышки”?». Та всплеснула руками, долго ойкала, позвали соседей и те были в большом изумлении. Ведь Мария Ивановна была уверена, что коза не только не выживет, но и до Разлива-то не дойдет. Так она была плоха. Через положенный срок Камка-мама разродилась тройней. Первый вышел как смоль – Борька, второй – рыже-белый Римка, а третий – слабенький Яшка, белый как снег. Мама решила козлят подержать до осени, летом пусть тело нагуливают.

Весной же 1947 года мама покупает и лодку, правда, плоскодонку на паях с одним ленинградским рыбаком. Рыбак каждую

весну на берегу ее чинил, конопатил паклей, а потом густо смазывал горячем гудроном. Запах горячей смолы тек по берегу, по дворам, по улицам. Многие хозяева своих лодок именно так и встречали весну! И теперь, когда ремонтируют дороги, и я слышу щекочущий ноздри запах, я возвращаюсь в 50-е годы, в ту «весну мою далекую», где нет меня.

Все лето я перевозила Камку с козлятами на лодке на остров, что напротив моего дома. Там они щипали травку, обгладывали редкие кустарники и просто отдыхали, смотря на наш дом. Часам к 6 вечера я еду за ними и везу домой. На острове они были не единственные, там были и козы соседей, штук 10–12. Как-то получалось, что я всегда подъезжаю первая. Некоторые козы рогатые и наглые прыгали в мою лодку, требуя: «Вези!». А мои скромницы стояли в сторонке, опустив белесые реснички. Так иногда приходилось делать две – три ходки, перевозя чужих коз. Завидя родной берег, они ловко выпрыгивали из лодки и мчались к своим калиткам. А я возвращалась за своими. Наконец, моя козья семья в сборе и я отчаливаю. Не успела отойти и метров пять, как вижу бежит опоздавшая, крупная, черная с белой звездой и огромными рогами соседская коза. Она с разбегу бросается в воду, догоняя нас. Я гребу изо всех сил к ее берегу. Смотрю, она то уйдет под воду, то вынырнет. Сама грузная, вымя тяжелое – только бы не потонула. Перепуганная, я гребла изо всех сил. Подойдя к ее берегу и оставив своих коз в лодке, бегу к хозяину козы – спортсменки с криком: «Дядя Петя, скорее! Ваша коза тонет!». Я осталась на берегу, смотрю, чем закончится спасательная операция. Хозяин гребет не спеша, а хозяйка держит козу за рога, не давая ей уйти под воду. Наконец, коза коснулась земли. Слава Богу! Спасена! Мокрая, прилизанная, оттого «похудевшая» она медленно брела во двор. Лодку на буюк моя мама ставила уже сама, у меня еще долго тряслись руки от напряжения.

Наши козлята иногда гуляли по берегу самостоятельно. Ухоженные и ласковые — их дачники очень любили. Вечером, когда надо было загонять их в стойло, мама своим сильным, хорошо поставленным певческим голосом зазывала: «Борь-ка! Рим-ка! Яш-ка!»

Козлят я любила водить в Тарховский парк. И мне хорошо и им «интересно». Походка у меня была быстрая, но Борька с Римкой шли со мной вровень, а вот Яшка всегда отставал. И чтобы его не забыли, он на всю улицу протяжно, всхлипывая, блял: «ма-мм-а, м-ам-ма!» Я думала, что это только мне кажется. Так нет же, прохожие останавливались, оборачивались и говорили мне: «Ты слышишь? Твой беленький-то козленок “мама” говорит». Когда пришла осень, мама Яшку резать не дала. Просто подарила кому-то, более бедным, чем мы сами.

За три года счастливой жизни у нас Камка все равно старела. Если раньше она давала два стакана молока в день, то теперь полстакана и только утром. Пришло время с ней прощаться. Но мясо на всякий случай пришлось нести в ветлечебницу. Ветеринар, едва взглянув, процедил: «Бруцелез». И спрашивает грозно маму: «Надеюсь, вы молока от нее не пили?». – «Как же, три года поила дочурку», – едва шевеля онемевшими губами, выдавила мама. Теперь в шоке был доктор. «Ливер закопать и поглубже, а мясо варить не менее семи часов!».

Как коза держалась? Наверно, ей силы давала наша любовь. А меня потом затаскали на рентгены и всякие анализы... Слава Богу, все обошлось. Я не заболела, но и не поправилась.

Козья дружба

Спустя ещё три года появилась новая коза. Родилась она весной, в мае. Имя дали Майка – Маечка. В Разливе в середине прошлого века уже у многих были козы. Хозяева этих коз работали на заводе, и у них не было времени пасти их самостоятельно. Тогда владельцы весёлых парнокопытных договорились взять внаем пастуха всем миром – в складчину. Им оказался молодой человек лет семнадцати с нашей улицы. Довольно большое рогатое стадо пастух встречал у проходной туберкулезной больницы рано утром. Сюда каждая хозяйка приводила свою козу-озорницу на поводке и сдавала ему с рук на руки. Он их объединял и вел в Тарховский парк на прогулку. Часов в семь вечера хозяева приходили за ними.

Взяв из дома нарезанные овощи – картошку, брюкву или

морковь и сжимая их в руке, я ждала прихода стада. Первым показывается столб пыли, затем слышится гул и топот. Козы бегут так радостно и резво – хочется вдоволь напиться и отдать молоко, которое тянет набухшее вымя. Скорей, скорей домой! В азарте коллективного бега они могут пролететь мимо своих хозяев. Поэтому я стояла «циркулем», руки вперед для «объятий», главное – успеть остановить козу, взять за ошейник и надеть поводок. Я всегда боялась, что не успею вовремя схватить Майку, и стадо меня снесёт и затопчет. Ведь это не коровы, которые с пастбища идут домой самостоятельно, степенно, мыча и позвякивая колокольчиком.

Стоял август месяц. Лето заканчивалось, а с ним и козы прогулки. Дружбу между моей мамой и тетей Галей заметили и наши козы. Они уединялись, ходили бок о бок, шептались, рядышком щипали травку.

Как всегда я пришла за полчаса до прихода стада. А вот и наши кормилицы бегут. Я смотрю во все глаза, но не нахожу своей Мачеки. Я к пастуху: «Дядя Паша, где моя коза?» Он замешкался, а потом отвечает: «Ваша коза и коза Ваших друзей ушли из стада инкогнито ещё днём. Я их проглядел. Но они тонко чувствуют время, сейчас появятся». Хозяева уводили своих коз домой, оглядывались и смотрели на нас. Все ушли, а я и тетя Галя стоим, ждем и не знаем, куда идти искать. Место, где мы встречаем коз – проходная туберкулезной больницы, как раз рядом с железной дорогой у станции Разлив. Отсюда хорошо виден приближающийся поезд.

Прошло немного времени, слышим пронзительный и долгий гудок. Мы побежали к рельсам. И что за картина предстала нашему взору! По рельсам медленно и с достоинством, не обращая внимания на грозные гудки и шипение пара приближающегося поезда, шли, задумчиво жуя траву, две своевольные козы-подружки. В их козких головах не было и тени сомнения, что поезд подождет, что они – главное, пусть поезд идет себе как паж за господами. Мы обе рванулись к железной дороге. Поезд тормозил, но скорость мгновенно погасить нельзя, и он долго шел по инерции. Машинист кидал поленья, уголь, кричал, чертыхался, чтобы напугать животных – ничто не помогло.

И когда козы увидели нас, побежали навстречу, перескочив через рельс. И только задняя правая нога одной из них покинула шпалы, поезд с рёвом пролетел мимо.

Ошеломлённые, убитые страхом, мы с тетей Галей сели тут же на насыпь перевести дух. А козы тыкались в нас мордами, лизались, прося вкусенького, и ни капли волнения не было в их спокойных глазах.

Карманный охранник

Дядя Шура (Александр Иванович Леонтьев), старший брат моей мамы, 1903 года рождения, был кадровым офицером – подполковником. Всю войну и блокаду служил на Ленинградском фронте. По характеру он был человеком организованным, ответственным и с большим чувством юмора. Всю жизнь его окружали животные – собаки. Крупные овчарки оставались дома, в квартире. Маленьких, с ладонь, он держал при себе. В кармане шерстяной шинели им было тепло и уютно. По службе дяде был положен автомобиль с водителем. По необходимости Александр Иванович весь день на нем и передвигался. В выходные дни он позволял себе шутейные поездки в трамвае. С 1920-х по 1950-е годы в Ленинграде в транспорте, на рынках, вокзалах процветало карманное жульничество. Мы об этом хорошо знали по кинематографу. Но здесь другое дело – жизнь.

И вот в один из выходных дней, сев в трамвай, дядя Шура решил наказать «щипача», вора-карманника. В кармане его шинели сидела его любимица, маленькая, лысенькая, величиной с ладонь, собачка. Она любила тепло и запах его руки и отвечала ему взаимной любовью. Собака чувствовала, что в тот день её взяли на «работу» и была настороже. Александр Иванович положил в карман червонец и ласково погладил собаку. Чтобы вор скорее заметил, в каком кармане деньги, кончик купюры высунул наружу. Долго ждать не пришлось. Вот он ощутил за спиной какое-то движение, вот рука вора скользит по бедру... Дядя Шура напрягся, но руки с поручня не снимает – ждет, когда воришка поглубже опустит руку в карман. И вот, наконец, страшный визг вора, ласкающий ухо «охотника». Молниеносно перехватив

запястье «щипача» и подняв руку вверх, он показал всему вагону, как маленькая карманная собачка, отважно вцепившись в палец вора, поймала его с поличным. На руке мошенника висела собака, а между ними – червонец. Победенный орал и визжал от боли, а пассажиры гоготали, топали ногами и улюлюкали. Александр Иванович освободил собаку от пальца преступника, поблагодарил её и, обернувшись к пассажирам, сказал: «Господа-товарищи! Живите спокойно. Одним карманником на земле стало меньше!»

Невидимая сила

*Собаки – моя симпатия,
отважные спасатели,
бескорыстные спасители.*

Ноябрь 1992 года, сырой, ветреный и недружелюбный. Чтобы как-то скоротать свою тревожную жизнь в эти суровые переломные года, я – как человек творческий, пошла учиться на частные курсы флористики. Моя учительница жила на ул. Токарева. Возвращаясь, когда уже стало темно, я шла на свет фонарей на Литейном мосту по тропинке вдоль канала. Тропинка была узкая. Я собиралась дойти до моста и подняться вверх по насыпи. Дойдя до моста, я остановилась. Почти черная вода с металлическим блеском пугала меня. Обернувшись назад, увидела черное пространство без единого огонька. Один выход – подняться на насыпь, потом на мост, мимо библиотеки Зощенко и домой по Гагарке. Но... насыпь размыли постоянные дожди, глина раскисла, да и сапоги на ногах абсолютно «лысые», без протектора.

Я пробовала лезть лесенкой, но было так скользко, что я чуть не оказалась в воде. Тормозить было нечем. Первая мысль была – стоять до утра, пока не появятся первые прохожие. Они кинут мне веревку и спасут. Вторая мысль – обратится к собаке за помощью. – «Собака! Приди! Помоги мне одолеть насыпь. Я замёрзла, хочу домой».

Откуда ни возьмись – огромная, холеная овчарка показалась на гребне откоса. Её хорошо было видно в свете фонаря. Я вытя-

нула руку и всем телом подалась вверх. Нет, расстояние слишком велико.

«Спустись ко мне ближе», – взмолилась я. Она подошла! Я вцепилась в загривок, потом в ошейник. Успела заметить, что собака почти распласталась по откосу, вся голова вниз. Один рывок, и я, не касаясь ногами глины, была уже на гребне насыпи у дома № 12 по ул. Токарева. Собака тут же исчезла. Я стала оглядываться, чтобы поблагодарить хозяина собаки. И звала и свистела. Кругом ни души. Мистика какая-то. Но я ощущаю ее собачью шерсть до сих пор.

Цепь прорвана

Теплый тихий вечер неспешно вошел в дивную белую ночь. Я шла из Тарховки домой после напряженной 10-часовой работы. Советский проспект был пуст и безмолвен. Дома спят. Затухают огни. Редкий огородник забренчит ведром, лягнет колодезная цепь. И снова – тишина. Слева показались этажи строящейся турбазы «Разлив». Иду я не спеша, с чувством хорошо выполненной работы. В дипломате много новых договоров и немалая сумма денег. Я — страховой агент. Иду, размышляю, составляю план на завтра: сдать выручку, оформить отпуск, передать дела. Неожиданно послышались пьяные голоса и на дороге с гоготом и матом выскочила группа южных гастарбайтеров. Сердце вздрогнуло, ноги прилипли к асфальту. В голове молнией прокручивались варианты спасения. От меня до них метров триста. Они меня уже заметили и, взявшись за руки, перекрыли дорогу. Мне уже сорок лет, я плохо бегаю, и назад хода нет. Единственно, что я могла сделать в этой ситуации – это молиться: «Господи! Помоги! Пошли собаку во спасение». От страха не могу сделать и шагу. Заметив мое замешательство, парни медленной цепью шли на меня. Я как заклинание повторяла: «Собака! Собака!» Слева, в канаве послышалось какое-то движение. Я туда. На дне сухой канавы лежал пес внушительных размеров, лохматый, черный и с аппетитом грыз косточку. Он был так ею увлечен, что меня и не заметил. Подойдя к краю канавы, я твердым, волевым голосом отдаю приказ незнакомой собаке: «Ко мне, рядом!» Заслышав команду,

собака тотчас оставила кость и вмиг оказалась возле меня. У нее высокие ноги и ее кудлатая голова с блестящими глазами оказалась возле моего бедра. Мне полегчало. Даю вторую команду: «Рядом, вперед!» Он так прижался ко мне, что я ощутила ее тепло. Боясь, что он убежит, я левой рукой ищущо ошейник. Шея пуста. «Ничейный», – промелькнуло в голове. Мы подошли к цепи разгоряченных алкоголем мужиков. Завидя собаку, голоса смолкли, цепь разомкнулась, давая нам дорогу. Сердце бешено колотилось. Пронесло. Я продолжаю идти прямо, гордо, до онемения сжимая ручку дипломата. Машинально иду вперед, не оглядываясь, дабы не выказать свой страх.

Вдруг собака заволновалась, вышла вперед и остановилась, я не сразу сообразила, что она ждет команды: «Бегом, на место». Она машинально развернулась к оставленной ею косточке. Еще немного пройдя вперед, я оглянулась. Ни орущих мужиков, ни собаки... Кругом тишина и покой, призрачный свет загадочной белой ночи.

На следующий день, купив фарш и большую мясную косточку, я отправилась к той же канаве, в поисках моего неожиданного спасителя. К моему прискорбию, жильцы коммунального дома, те, что опекали собаку, поведали мне печальную новость – утром пса увели собачники.

Коварное озеро Война догоняет

Наступило лето 1947 года – послевоенное, с кажущейся спокойствием и тишиной. У многих разливчан появились собственные лодки. Руки за время войны соскучились по дереву, по запаху стружки, по красоте. Так, Евгений Иванович Ахрапотков, уже смастерил свою любимицу – яхту «Забава». Она восхитительна! И в будущем ей обеспечено в гонках только первое место.

В один из воскресных дней к берегу подходит яхта, треща парусами и блестя своей красотой. Я стою во дворе и любуюсь происходящим. С яхты слышны голоса, смех и небольшая перебранка – кто-то кого-то отговаривал нырять. Слышу шлепок в воду. Голова давно не показывалась. На яхте заволновались. Вода в озе-

ре мутная, тяжелая, потому, что щелочная. Попрыгали в воду и другие парни – безрезультатно. Парень, нырнув, попал всем телом в колючую проволоку, завернутую в спираль. А спираль лежала в яме. Вытащили его спасатели вместе с проволокой. Во время войны по берегу шло глухое ограждение. По всей вероятности, вместо того, чтобы вывезти, его просто скинули в воду. Так, Герой войны, потеряв бдительность от радости бытия, погиб в мирное время от простой неосведомленности.

Рисковый прыжок

На пляже, у сосны, загорала семья: папа, мама и сын лет семи. Устав жарится на солнце, мужчины уходят искупаться. Немного поплавав, сын умоляет отца разрешить ему нырнуть в озеро с его плеч. «Рискованно, – говорит отец, – дно незнакомое, еще уто-нешь». «Я не буду прыгать на глубину. Ты встань в воду по плечи, а я прыгну в сторону берега», – ответил сын.

Так и сделали. Пацан с силой оттолкнулся от отцовских плеч и нырнул. Мама внимательно следила за ними с берега, радуясь дружбе её мужчин. Видит, сын вынырнул, а муж вдруг пропал. На крики: «Спасите! Помогите!» в воду бросилось несколько молодых людей с пляжа. Отца нигде нет. Видя в бинокль переполох на нашем берегу, подъехали водолазы – спасатели. Мужчину-то достали, а откачать уже не смогли. Озеро тем и опасно, что вода сильно щелочная. Две-три минуты под водой – и уже не помочь. Да ещё непредсказуемые ямы с водоворотами. От неожиданности, падая вниз, у многих разрывается сердце.

Призер

К бабушке на дачу, которую она снимала много лет в Разливе, приехал внук. Выпускной класс. Надо набраться сил перед учёбой. А главное, здесь – озеро. Он пловец, ему нужны постоянные тренировки. Молодой человек только что вернулся с юношеских соревнований по плаванию из Владивостока. Занял первое место. Отдыхающие любовались широкоплечим рослым юношей, плывущим красивым кролем и брассом к Козьему острову и обратно. Так было и в это утро. Отдыхающие на пляже подняли головы,

чтобы насладиться красивыми движениям и ярким стилем. Паренёк поднял руки и плавно вошел в воду. Проплыв метров пять – пропал. Искали долго, с водолазами. Холодное течение, судороги, водоворот... А медики высказали предположение – переходный возраст, полное онемение. Победил в море. А озеро поглотило.

Кувшинки

«Жучкой» называли небольшой водоем у пирса, который находился в начале 4-й Тарховской улицы. Сейчас он зарыт, и на нём открыта детская площадка. Здесь по выходным открывали «дикий» минипляж приезжие питерцы. Так и в это летнее утро. Бабушка с внучкой, только что окончившей школу с медалью, решили порадовать себя поездкой за город. Да и внучка много занималась, на воздухе совсем не была. Расстелив одеяльце, осмотревшись, блистая новеньким купальником, девушка заметила невдалеке на воде прелестные цветы – кувшинки. Они так манили к себе. Она попробовала ножкой воду. Вода оказалась теплой. «Бабуля, я купаться пока не буду, я просто поброжу по воде. Здесь мелко и можно дотянуться до кувшинок. Они такие милые», – сказала девушка. До цветов метров десять. Это и был диаметр этого водоема, то есть «Жучки». На берегу импровизированного пляжа стояли и стоят два дерева. Величественная ольха – большая «модница», вся в сережка и под стать ей – величавая сосна, в широкополой зеленой шляпе. В тени этих «красоток» и пряталось старшее поколение от солнца, наблюдая поверх страниц книг за чадами.

Девушка, войдя в воду и закинув косу за спину, уверенно двинулась к цветку. Этот небольшой круглый карьер заполнялся водой из озера и дождями. По краям на мелководье появилась растительность. Вода была по щиколотку, потом по колено. Девушка перешла середину и до цветка рукой подать... И вдруг она взмахнула руками и ушла под воду. Бабушка думала, что внучка играет. Но прошла минута, другая, а ее все нет. На стоны пожилой женщины сбегались отдыхающие. Из-за пирса со стороны спасательной станции это место не просматривается. Кто-то побежал в ближайший дом звать «Скорую» и спасателей. Нашли ее быстро,

но откачать, увы, опять не удалось. Тяжелая, разлившаяся вода, попав в легкие, забирает человека мгновенно. Идя по дну котлована, девушка попала ногой в воронку. Но, потеряв опору, растерялась. А надо было эту яму переплыть.

За первые 5–10 лет послевоенных лет каждое воскресенье на одном из разливских пляжей недосчитывались одного – двух отдыхающих!!

Не зная броду — не суйся в воду

Народная мудрость гласит: «Не зная броду – не суйся в воду». Для будущих приезжих из Питера сообщаю:

1. Опасные места на озере в предзимье:
 - Мыс вокруг Водоканала;
 - Под шоссейным мостом;
 - У дома Черняевых (Петровская наб.);
 - У Козьего острова, с восточной стороны (в этих местах сильное течение. Вода долго не замерзает).
 - И, конечно, все пространство за мостом, когда открыта «Шипучка».
2. Выходя в «открытое» море, бери две пары весел – крутая волна расколется;
3. Плавай в проверенных местах;
4. Чаще консультируйся у местных жителей;
5. Нырять можно с подводного камня на пляже «У сосны», с западной стороны;
6. Уважаемые отдыхающие! Уважайте себя! Берегите реликтовую сосну, что на пляже, на Разливной набережной. Этой одинокой красавице около 200 лет. Не оставляйте мусор, не поджигайте корни. Она так беззащитна. И она верит Вам.
7. Вода не любит самонадеянных...

Послевоенное Созерцание

Солнечный май 1945 года. Просветлённые лица людей и сложная послевоенная жизнь. Одни за другими возвращались из эвакуации разливчане. Возвращение шло вплоть до пятидесятого. Наша семья

вернулась одной из первых, в августе 1944-го. Чтобы вернуться на родину, в Ленинград, необходим был вызов. Завод им. Воскова еще в Сестрорецк не вернулся, и поэтому надо было попросить вызов от другого завода. Им оказался завод им. Сталина (позже он назывался «им. XX съезда КПСС», Ленинградский Металлический завод). В то время было постановление: возвращающихся из эвакуации сестроречан направлять на работу в Выборг. Выборг надо было обустроить и обживать. Но это касалось тех, кто согласится сам или у кого нет дома. Нас же обманули. Мама сделала запрос из Ярославля в сестрорецкий военкомат с одним вопросом: «Стоят ли наши дома в Разливе?» Ответ был отрицательный. Но бабушка и мама этому ответу не поверили, и правильно сделали.

Итак, мы — дома. Мне пять лет! С момента возвращения дальше двора я никуда не выходила. И вот мама предлагает мне впервые пойти с ней за хлебом в магазин № 17, «деревяшку» — в тот самый, что работал всю блокаду в Разливе. Мы шли по 2-й Тарховской улице и прямо вышли на него. Высокие двухстворчатые двери распахнуты настежь. Перед входом много людей. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, дыша в затылок. Если кто-то отходил в сторону, люди смыкались, и обратно встать не было возможности.

Мама, спросив, кто последний, встала в «хвост».

«Почему мы сразу не идем в магазин?», — поинтересовалась я удивленно. На что последовал терпеливый ответ: «Это очередь, дочка. Пока все вперед не пройдут — нам хлеба не выдадут». Зигзагообразная очередь двигалась медленно. Я шагала взад-вперед, всматриваясь в усталые, серые лица. Впервые, выйдя в «большой свет», я вслушивалась в речь взрослых и крутила головой, фиксируя события того дня. Я была любознательным, впечатлительным и очень ранимым ребёнком.

Все молчали. Изредка кто-нибудь здоровался с подошедшим. И снова тихо. Люди в очереди выглядели одной серой массой. В теплый майский день кто был в распахнутом ватнике, одетом на майку, кто в потертом пальто, а вот и бабушка в линючем фланелевом капоте, с крест-накрест затянутой рваной шерстяной шалью. Единственный дед, заросший щетиной, был до ушей замотан длинным кашне, а вот девочка-подросток с длинными, тонкими

ногами и почему-то в капоре – наверное, уши болели. Переводя взгляд на мамочку, я заметила, что у неё на ногах валенки! А потом оглядела себя – шаровары, сбитые ботинки, непонятного цвета джемпер и моя любимая, стёганая, ватная жилетка, голубоватая в белый горошек.

Наконец и мы переступили порог в магазине. До прилавка еще идти и идти. Отпустив мамину руку, я пошла оглядывать стены, прилавков, витрины. У самой двери – большой красный плакат: цветы, шары и что-то ещё.

«Мама, что здесь нарисовано?». – «Не стой так близко. Отойди и увидишь».

На плакате – огромная единица и три буквы: М А Я.

«Ага, получилось: 1-е Мая!».

А напротив входных дверей, от прилавка до потолка, почти всю стену занимала картина в позолоченной резной раме. На картине изображен кабинет, стол с зелёным сукном, за ним сидит мужчина в военной форме с пышными чёрными усами, в высоких, чёрных блестящих сапогах. На столе стакан с чаем в серебряном подстаканнике. Мужчина, задумавшись, пыхтит трубкой, поддерживая её одной рукой, а другой помешивает сахар изящной серебряной ложечкой. Серебро ярко вспыхивало от падающего солнечного лучика. Повернувшись к маме, я громко спросила: «Кто этот дядя?». Мама чуть замешкалась с ответом и тут молчаливая очередь ожила и одним дыханием выплеснула: «Это же товарищ Сталин. Как же можно не знать?».

Я подошла к прилавку. За ним стояла молодая женщина, вся в белом. Особенно великолепен был её воздушный головной убор из туго накрахмаленной марли. Перед ней весы с двумя круглыми тарелками. На одной – прехорошенькие, разнокалиберные гирьки, а на другой – хлеб! А между тарелками – два красных клювика. По этим-то «клювикам» определялась точность взвешивания. Хлебный запах щекотал ноздри. Ровно взвесить ей долго не удавалось. «Клювики» уходили то вверх, то вниз. И поэтому она постоянно резала довески. Влажный мякиш лип к ножу, приходилось счищать его другим ножом. А счищенный мякиш снова шел на весы. Хлебный кислый запах преследовал меня повсюду. Но я пошла дальше,

привлеченная витриной. Большое светлое окно, в промежутке между рамами две широкие полки. Чего тут только не было! У меня перехватило дыхание: в центре узорный каравай, а вот румяные калачи, золотистая творожная ватрушка, пышная хала с маком, чёрный кирпичик хлеба с аппетитной корочкой, а выше – кренделя, бублики, венские булочки... На нижней полке по центру – огромная тыква, а по обеим сторонам – объемистая корзина с ручками. В них изобилие фруктов: вот яблоки с розовым бочком, сочные груши, ворсистые персики, черешня, сливы... На изогнутой ручке повисли, грозя подломить её, тяжелые гроздья прозрачного зеленого и чёрно-сизого винограда, словно подёрнутого дымкой...

Я почувствовала тошноту, в глазах потемнело, пол уплывал из под ног и я упала. Падая, я услышала возгласы толпы: «Чей ребёнок? Где мать? Голодный обморок!». Очнулась я на маминых руках уже по дороге домой. У моего носа, под мышкой у мамы лежал кусок хлеба и вкусно пах... Несколько малюсеньких довесков тотчас были отправлены в мой рот. Я ожила. Придя домой, мама мне объяснила: «На витрине всё не настоящее. Это вылепили и раскрасили художники. Это – муляж!» Впечатлительному ребёнку, чтобы насытиться, достаточно лишь одного созерцания...

Лебединая шейка

Декабрь 1959 года. Скоро Новый год! Зимний день такой солнечный, мороз градусов 25. Кажется, воздух звенит. Куда не брошишь взгляд – кругом алмазов россыпь. А снег искрится, переливается, манит и радостно скрепит под валенками. Мне нравится идти по заснеженному льду через озеро, по белому бесконечному полю, по протоптанной заводскими рабочими тропинке. Я шла в дальний магазин на Красноармейскую улицу мимо Козьего острова с редкими деревьями и заиндевшим кустарником до Офицерского моста, потом на насыпь, направо метров 700, четыре ступеньки вверх и вот он большой деревянный магазин. На втором этаже были коммунальные квартиры. На этой же улице с левой сторон, ближе к мосту, в серо-голубом 2-этажном доме жили две одинокие подруги – мои любимые учителя: литератор Иссадская Зоя Алексеевна и биолог Екатерина Григорьевна Кондрашина.

Они всё свое время и душу отдавали нам – ученикам. Любовь к слову и земле – это они привили мне. Вечная им память! Далее был дом замечательного сестрорецкого ветеринара, работавшего в 1950–1960-х годах. Помню, как в воскресный летний день мы пришли к доктору за срочной помощью – спасти кота Мышку. В соседнем дворе сушилась рыбацкая сеть. В ней застряла мелкая рыбешка. Съев рыбку, кот заглотил и крючок. Из его полуоткрытого рта торчала тонкая палочка, как черешок от вишни. До понедельника ждать было опасно. И мы пошли к доброму доктору. Он ловко вывернул крючок, освободив страждущего. Нервное напряжение спало. Я домой шла подпрыгивая. Кот спокойно сидел на руках, изредка облизывая мне руку. Мы были все счастливы и благодарили доктора за любезный прием в его выходной день.

Я вошла в магазин. Купила по списку кирпичик черного хлеба и солёной трески. Из неё получалось недорогое и сытное блюдо. Предварительно вымочив, из неё готовили салаты, делали начинку для пирогов, запекали с луком и картошкой. Любимое блюдо у сестроречан, однако. Осмотрев прилавок, я заметила сдобную белую булку «Лебедь». Очень дорогую – 45 копеек. Но ведь скоро праздник. В авоську он не помещался, я несла его под мышкой. Рядом продавались мандарины. Но какие-то сморщенные. Обращаясь к продавцу, я попросила гладеньких и блестящих. На что он ехидно заметил: «Гладкими бывают только женщины». Это меня обидело, я ушла от него, ничего не взяв. Расстроенная, я шла очень быстро. «Лебедь» трясся у меня под локтём, видимо желая улететь. Подавая маме покупки, заметила, что лебедь не весь – нет шеи с головой. Мама меня отговаривала снова выходить на мороз, убеждая, что её съели собаки уже. Где-то на уровне дачи Черниковых, на узкой снежной тропке, лежала голова – с глазом – изюминкой и с длинной изящной шеей. Она смотрелась очень аппетитно – румяная, свежая, обсыпанная сахарной крошкой. Я ей так обрадовалась! Ну, как родной!

Зеленые яблоки

Целый день я крутилась в городе по делам. И вот уже возвращаюсь. До отхода электрички около часа. На обратном пути мама

наказала купить курицу, десяток яиц и что-нибудь вкусенького. В 1960–80-е годы электричка на Сестрорецк отходила всегда с 1-й платформы и был боковой вход через ажурные чугунные ворота со стороны выхода из метро на ул. Лебедева. Теперь они закрыты. А было чрезвычайно удобно для имевших проездной или обратный билет — не было необходимости идти через вокзал.

Купив петуха и десяток яиц, я быстро пошла к платформе. У самого входа на перрон девушка-продавец, окруженная ящиками, торговала яблоками. Яблоки были такими притягательными, ароматными, крупными, желтыми с красным бочком. Очередь была приличная, но двигалась быстро. Все брали желто-красные и верхние ящики быстро опустели. Очередь хотела только таких. Девушка-продавец скоро попросила: «Мужчины, помогите передвинуть ящики!» Тишина, никто не шелохнулся. Я дальнороякая и лучше вижу вдаль. Оглядев очередь поверх голов, я заметила, что стоят одни женщины. Тут я решила идти сама, но мой взгляд уперся стоящего впереди — шляпа, плащ, брюки. О! Мужчина! Я обошла его, чтобы взглянуть в лицо.

«Простите, Вы призыв продавца слышали: “Мужчины, помогите!”? Отчего не пошли?»

Человек, стоящий впереди, как-то вяло, бесцветно, потухшим голосом произнес: «Я не мужчина, я пенсионер!». «Вы меня поражаете, — продолжала я беседу, — разве звание пенсионера лишает звания мужчины?». Мой звонкий голос привлек внимание всей очереди, девушка-продавец тоже замерла. Все ждали окончания нашей словесной дуэли. «Вы разве не знали, — продолжала я с напором, что мужчина до тех пор мужчина, пока может говорить комплименты!»

Человек, на вид пожилой, круто обернулся ко мне. Лицо оживленное, плечи развернуты, глаза блестят — и он готов, идти и двигать ящики. Я взглянула на часы и заметила, что электричка вот-вот уйдет. Вышла из толпы и обратилась к плотно стоящим людям: «Уважаемая очередь! Разрешите взять семь штук зеленых яблок, у меня электричка отходит». Продавщица с зелеными положила одно красно-желтое, видимо из сострадания.

*Ю.Д. Балащенко,
музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты»*

«S.O.S.»
Портрет Леонида Андреева
кисти Юрия Репина
(из фондов музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты»)

В фондах Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты» среди многочисленных живописных работ Юрия Ильича Репина (1877–1954), хранится удивительный портрет писателя Л.Н. Андреева (1871–1919). Эта работа сына великого русского живописца в оригинальной раме размером 73×40 см написана маслом на куске фанеры, потрескавшейся по краям, и на ней нет даты создания. Хотя в музейной описи фондов картина числится, как относящаяся к 1920–1930-м годам, вероятнее всего, она была написана вскоре после смерти Л.Н. Андреева, то есть в начале 1920-х годов.

Писатель внезапно умер 12 сентября 1919 года от сердечного приступа в местечке Нейвола (ныне Горьковское) на Карельском перешейке. Неожиданная смерть известного писателя глубоко потрясла всю читающую Россию. Его портрет, написанный Юрием Репиным, стал своеобразной реакцией на эту непоправимую утрату. В нижнем правом углу портрета художник написал «S.O.S.» Этот сигнал-возглас — название последнего произведения Л.Н. Андреева, опубликованного 23 марта 1919 года в Парижской газете «Общее дело». Статья пронизана пессимизмом и неприятием большевистской власти в России. По мнению старейше-

го работника музея «Пенаты» Е.В. Кириллиной как статья, так и картина Юрия Репина – это «крик о нем самом и о русской интеллигенции, оказавшейся в бедственном положении в эмиграции».

Еще одно любопытное свидетельство приводит Г. Кирдецов в книге «У стен Петрограда», изданной в 1921 году в Берлине. Рассказывая о финском терроре 1918 года он пишет: «Покойный Л.Н. Андреев, живший в то время в Тюрисево (Тюрисевя, ныне Ушково. – Ю.Б.), рассказывал мне впоследствии об этой эпохе много печальных страниц. Он едва ли сгущал краски, потому что его рассказ относился к моменту наивысшего напряжения его гнева именно против большевиков (январь 1919 года), когда он почти на моих глазах писал свой «S.O.S.» и истерически взывал к вооруженной борьбе с коммунистическим террором – к интервенции Вильсонв и Ллойд-Джорджа, Фоша и Клемансо.

Когда я спросил, не думает ли он, что в России дело обойдется без ужасов белого террора., он ответил, что в силу особенностей русского характера, русский белый террор, буде он разразится, не будет похож на финляндский, и прибавил:

– А от своей, русской, пули мне приятнее умереть, чем от чужой...»¹

Как считает искусствовед Л.И. Андрущенко, «это изображение писателя больше походит на плакат, чем на реальный портрет». И в этом смысле можно провести параллель между этим портретом и посмертным портретом Льва Николаевича Толстого 1912 года кисти И.Е. Репина, где великий писатель изображен в цветущем саду (существует два варианта этого портрета, один из них находится в Музее-усадьбе И.Е. Репина «Пенаты»). Что же касается картины Юрия Репина «S.O.S.», то Леонид Андреев на ней представлен держащим в правой руке зимнюю шапку. В этой же шапке он сидит на скамье зимой, запечатленный на одной из своих известных цветных фотографий, изданных в 1989 году в

¹ Кирдецов. Г. У ворот Петрограда (1919–1920гг.). Берлин. 1921. С. 24. Кирдецов (Дворжецкий) Григорий Львович (1880–1938) – журналист, переводчик, сотрудник «Биржевых ведомостей». С 1918-го в Ревеле занимал пост редактора газеты Северо-западного правительства «Свободная Россия». В 1919–1920-х – в отделе агитации и печати Политического совещания при Главнокомандующем Северо-западной армией генерала Н.Н. Юденича. с 1921 – в Германии. В 1922–1923 гг. заведующий отделом печати посольства СССР в Германии. В середине 1920-х вернулся в СССР, сотрудник НКВД. В 1936-м арестован, погиб в заключении.

Англии литератором и хранителем архива Андреева Ричардом Дэвисом. В этом альбоме собраны цветные фотографии Леонида Андреева, сделанные им в Ваммельсуу (ныне Черная речка) в 1910–1914 годах.

Появление этого интереснейшего портрета далеко не случайно, так как судьбы Леонида Андреева и Юрия Репина достаточно тесно переплелись в начале двадцатого столетия, когда они оба жили на Карельском перешейке. В те годы перешеек входил в состав Великого Княжества Финляндского. Для понимания, что объединяло эти две творческие личности необходимо немного подробнее остановиться как на их биографиях, так и на тех незаурядных людях, которые их окружали. И необходимо понять ту уникальную атмосферу, царившую в ту пору в дачных поселках перешейка.

Леонид Николаевич Андреев родился в Орле 9 (21) августа 1871 года. Леонид был впечатлительным юношей с хорошо развитым воображением. Эти его качества иногда приводили к неожиданным результатам. В 17 лет он, решив испытать силу воли, лег между рельсами перед приближающимся паровозом. Эксперимент закончился удачно и будущий писатель не пострадал. Во время учебы на юридическом факультете сначала Санкт-Петербургского Университета, а потом Московского он жил очень скромно. Как и многие студенты перебивался случайными заработками – занимался репетиторством и писал портреты на заказ. В 1894 году начинающий юрист попытался застрелиться из-за безответной любви, в результате приобрел порок сердца, что в конечном итоге привело его к безвременной кончине. В 1897 году Андреев, успешно сдав выпускные экзамены в Университете, стал практикующим адвокатом. К этому же времени относятся его первые опыты в журналистике. Леонид Андреев начал писать фельетоны в газетах «Московский вестник» и «Курьер» под псевдонимом «James Lynch». Началом его писательской деятельности можно считать рассказ «Баргамот и Гараська», опубликованный в 1898 году в «Курьере». Максим Горький, заметив начинающего автора, пригласил его в книгоиздательское товарищество «Знание». На рубеже веков это издательство объединяло многих молодых

писателей. Первые произведения Л.Н. Андреева проникнуты критическим анализом современного ему мира. Всероссийская слава пришла к молодому писателю в 1901 году после выхода в свет рассказа «Жили-были». В 1902 году Леонид Николаевич женился на Александре Михайловне Велигорской (1881–1906) – внучатой племяннице Тараса Шевченко и в том же году уже признанный писатель завершил свою адвокатскую деятельность. Александра Михайловна была матерью старших сыновей писателя – Вадима и Даниила. После рождения второго сына она умерла от послеродовой горячки.

Надо полагать, что знакомство Андреева с обитателями «Пенатов» падает на первые годы жизни И.Е. Репина в Куоккале. Андреева к Илье Ефимовичу привел А.М. Горький, с которым Леонида Николаевича связывали дружеские отношения. После первого визита писатель стал частым гостем в «Пенатах». Первый портрет Л.Н. Андреева в белой рубаше кисти Репина относится к 1904 году. Вскоре общение писателя и художника переросло в дружбу.

В монографии «Репин в «Пенатах» Е.В. Кириллина писала, что Репину «очень нравились произведения Андреева, и он сам».² К.И. Чуковский, вспоминая своих современников, заметил, что «...Илья Ефимович Репин не раз утверждал, что Леонид Андреев не только наружностью, но и характером напоминает ему одного из обаятельнейших русских писателей – Гаршина. Он говорил, что оба они – каждый по-своему – равно продолжали традиции высокой гуманности, свойственные русскому искусству со времен Федотова и Гоголя».³

Естественно, что сын Ильи Ефимовича Юрий также стал общаться с Леонидом Андреевым, тем более что по возрасту, они были достаточно близки. Правда, надо отметить, что жизненный опыт у них был очень разным.

Юрий Ильич Репин родился 29 марта (10 апреля) 1877 года в городе Чугуеве Харьковской губернии, на родине отца. Единственный сын из четверых детей Репина Юрий в семилетнем возрасте перенес тяжелое заболевание. Чем болел Юрий доподлинно неизвестно, но, возможно, эта болезнь, как-то сказалась на его

² Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Лениздат. 1977. С. 53.

³ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М. Молодая гвардия. 1963. С. 300.

дальнейшем развитии. Ему трудно давалось учение. Репин осенью 1893 года, забрав 16-летнего сына из реального училища, увез его на полгода в Италию. Путешествие настолько ярко врезалось в память юноши, что уже в преклонном возрасте он описывал все, что увидел в мельчайших подробностях в письмах к своему сыну Гаю.

Продолжительный вояж Юрия с отцом по Европе стал первым и последним его путешествием. Посещение музеев и художественных выставок практически во всех крупных европейских городах не только расширило кругозор начинающего художника, но и стало для него своеобразным «университетом». Эта поездка, став наиболее значимым событием жизни Юрия, заменила ему целый курс гуманитарных наук, от изучения итальянского языка до истории европейских народов и истории искусства.

Вернувшись в Россию, отец и сын поехали в имение «Здравнёво», купленное старшим Репиным в 1892 году. Усадьба, расположенная в красивейшем месте на берегу Западной Двины неподалеку от Витебска, стала для Юрия местом становления его, как художника. Илья Ефимович, являясь первым учителем сына в области искусства и всячески помогая ему, взял его учиться в частную художественную студию княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, где преподавал. Через некоторое время Юрий поступил на Высшие художественно-педагогические курсы при Императорской Академии Художеств. Там он занимался в разных мастерских. Некоторое время его руководителями были П.О. Ковалевский и признанный мастер батальной живописи Ф.А. Рубо. Ко времени овладения Юрием живописного мастерства относятся и серьезные изменения в жизни семьи Репина.

В 1899 году Илья Ефимович купил в Куоккала на территории Великого Княжества Финляндского имение на имя Натальи Борисовны Нордман (1863–1914). Усадьба, расположенная на берегу Финского залива примерно в 50 километрах от Санкт-Петербурга, получила название «Пенаты» в честь древнеримских богов – хранителей домашнего очага. Наталья Борисовна стала постоянной спутницей Репина за несколько лет до покупки усадьбы на Карельском перешейке. Именитый художник пока строился но-

вый дом, а территория имения благоустраивалась, жил там периодически, наблюдая за строительством. После возведения мастерской, в которой он мог работать, Илья Ефимович окончательно переселился в «Пенаты».

Несмотря на новые обстоятельства, Илья Ефимович не забывал следить и за успехами сына. В 1901 году начинающий художник, получив заказ написать «портреты» знаменитых лошадей от конезаводчика А. Бутовича, с блеском его выполнил. Сейчас эти полотна находятся в Музее коневодства в Москве.

В 1904 году Юрий Репин должен был писать конкурсную картину, но просил Совет Академии Художеств разрешить перенести её подачу на следующий год. Просьба молодого художника была вызвана тем, что в январе 1905 года Юрий обвенчался с Прасковьей Андреевной Андреевой племянницей прислуги Репиных. Как писал В.Ф. Леви отношения Юрия с отцом стали натянутыми «после того, как сын женился на «неровне» (с точки зрения Репина, стремившегося к продвижению вверх, в образованные слои общества)».⁴

Молодая семья осталась жить в усадьбе Ильи Ефимовича «Пенаты», но в собственном доме, названном Юрием «Вигвамом». Об этом событии Репин писал Дмитрию Ивановичу Яворницкому: «Сын, слава Богу, купил себе дом и живет в соседстве со мною — шагов 30 от меня...»⁵

В отличие от Ильи Ефимовича Наталья Борисовна с сочувствием относилась к Юрию и его жене. Она всячески старалась сгладить некоторое напряжение между отцом и сыном, возникшее после женитьбы Юрия Ильича. В 1908 году Наталья Борисовна оформила купчую на «Вигвам» на имя Юрия. Этот документ давал ему полную самостоятельность во владении домом.

Конкурсную картину Юрий так и не написал, но к 200-летию Полтавской битвы подготовил большой холст «Петр I. Великий вождь». Картина эта имела успех и получила первую премию Общества поощрения художеств. Сейчас это полотно находится в музее Полтавской битвы города Полтавы.

⁴ Леви В.Ф. И.Е. Репин в годы революции. Репин. Художественное наследство. Издательство АН СССР, М.-Л. 1948. Т. 1. С. 309.

⁵ Репин И.Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М. 1952. С.189.

Надо заметить, что Юрий Репин считал себя внешне похожим на Петра I. Вера Леонидовна Андреева (1910–1986) дочь писателя, отмечая это сходство, писала в своих воспоминаниях: «Наружность у Юрия Репина весьма примечательна: огромного роста, могучего телосложения, черноволосый, с небольшими усиками, он чрезвычайно напоминал Петра Великого. Сходство становилось еще более разительным, когда с мрачным вдохновением он начинал рассказывать что-нибудь, и лицо подергивалось где-то около губ легкой судорогой».⁶ На автопортрете Юрия, который находится в экспозиции Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты» сходство особенно хорошо заметно. Портрет не датирован, но, по мнению создателей путеводителя по Музею-усадьбе, «его можно отнести к 1915–1918 годам», и как они считают, «...портрет очень точно характеризует автора, его душевную неуравновешенность и его постоянное недовольство собой».⁷

В 1906 и в 1907 годах в семье у младшего Репина родились два сына – Гай (Георгий) и Дий (Дмитрий). Волосы внукам Репина не стригли, а заплетали в тонкие косички, считая, что так они больше похожи на североамериканских индейцев, в которых они очень любили играть. Правда, на фотографиях той поры Гай и Дий больше похожи на маленьких девочек, чем на индейцев. Об этих играх вспоминал друг семей Репина и Андреева К.И. Чуковский, описывая прогулку Ильи Ефимовича по парку. «...Переходя из аллеи в аллею, вдоволь насладившись и белыми китайскими розами, и флоксами, и зарослями оранжевых лилий, постояв у тихого пруда, на берегу которого вечно играли в индейцев его насупленные внуки Гай и Дий, одетые как девочки (с косичками!), он приблизился, наконец, к гордости своего сада – к абиссинскому колодцу».⁸ Речь здесь идет об артезианской скважине, которую пробурили в 1914 году на глубину 72 метра. Скважина стала последним сооружением на территории усадьбы.

Вероятно, необычное имя дома и игры детей Юрия в индейцев были навеяны рассказами хозяйки «Пенатов» Н.Б. Нордман об Америке, где она путешествовала в юности.

⁶ Андреева В.Л. Эхо прошедшего. М. Сов. Писатель. 1986. С. 101.

⁷ Пенаты. Музей-усадьба И.Е. Репина. Путеводитель. Под редакцией Е.Г. Левенфиш, Л.-М. Сов. Художник. 1965. С. 95.

⁸ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М. Молодая гвардия. 1963. С. 559.

Детские игры и дружба с собаками отца и деда, нашли отражение на многих фотографиях, где дети сфотографированы играющими с домашними животными. Показательна фотография К.К. Буллы, сделанная в парке «Пенатов» в 1912 году. Гай и Дий сидят в санках, в которые запряжена собака Юрия Ильича. Стоящий на заднем плане Илья Ефимович, наблюдает за этой сценой в сопровождении черного королевского пуделя Мика, весьма колоритное описание которого, дала в своих воспоминаниях дочь К.И. Чуковского Лидия. Судя по этим фотографиям, Юрий Ильич принимал самое активное участие в их играх.

С годами общение Андреева и его семьи с обитателями «Пенатов» становилось все более тесным. Осталось множество фотографий, сделанных как в «Пенатах», так и позже на даче Андреева, подтверждающих их постоянное общение. Творческих людей, какими были отец и сын Репины и Л.Н. Андреев, связывало не только огромное взаимное уважение на протяжении всех лет знакомства вплоть до внезапной кончины знаменитого писателя, но и любовь к живописи, литературе, природе и к домашним животным.

В 1906 году Леонид Николаевич вторично женился на Анне (Матильде) Ильиничне Карницкой (1885–1948) в девичестве Денисевич. У Леонида Николаевича и Анны Ильиничны было трое совместных детей – Савва, Вера и Валентин. По воспоминаниям внучки писателя Ирины Рыжковой-Андреевой, Леонид Николаевич в шутку говорил: «... у нас дети свои, чужие и общие». Двое старших сыновей от первого брака, дочь Анны Ильиничны Нина, от первого брака, и трое совместных. Все они прекрасно между собой общались и поддерживали друг друга.

Существует немало свидетельств того, что дети Андреева от второго брака, которые были практически ровесниками детей Юрия Репина, проводили много времени вместе, участвуя в совместных играх и развлечениях. Они были частыми гостями «Пенатов». Близкие отношения с семьей Репина нашли отражение в воспоминаниях дочери писателя Веры: «... меня почему-то отдали в семейство Ильи Ефимовича Репина, с которым маму связывала давнишняя дружба и который был нашим соседом». Воспоминания Веры Леонидовны (1910–1986) можно по праву считать одним

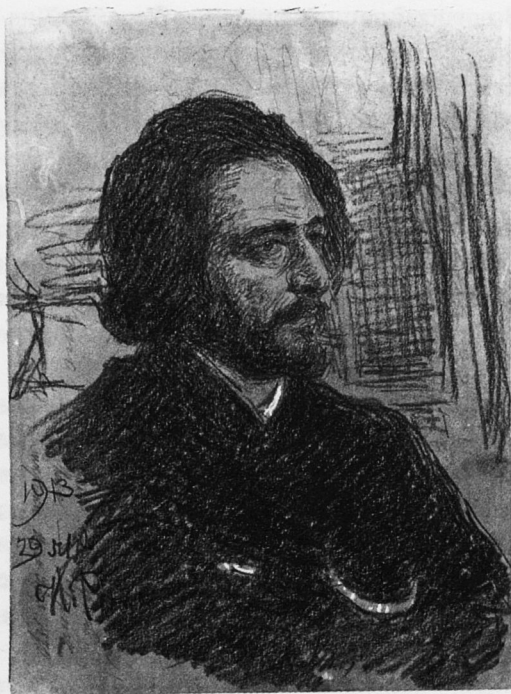
из таких свидетельств. В воспоминаниях она с необычайной наблюдательностью описала, как внешний вид и жизнь репинской усадьбы, так и дала чрезвычайно интересный и точный портрет Юрия Репина приведенный выше.

Написанные Ильей Ефимовичем в разные годы четыре портрета писателя и двух его жен – Александры Михайловны и Анны Ильиничны, также указывают на их взаимную привязанность. Об этом же говорит и выполненная в 1908 году иллюстрация к «Рассказу о семи повешенных», помещенная на обложку книги Андреева. Репин много работал над этой иллюстрацией, неоднократно ее переделывая.

Здесь было бы уместно упомянуть еще об одном великолепном портрете Л.Н. Андреева, выполненным в 1907 году любимым учеником И.Е. Репина Валентином Александровичем Серовым (1865–1911) для журнала «Золотое руно» Н.П. Рябушинского. В.А. Серов жил с семьей летние месяцы в собственном доме неподалеку от Андреева в деревне Ино (ныне Приветнинское). В книге «Валентин Серов в Петербурге» Г.И. Чугунов писал, что «интересно сравнить работу Серова с портретом Андреева кисти Репина, исполненного чуть раньше. По живописи репинский портрет, безусловно, интереснее Серовского, но по характеристике модели он не то что беднее, а, скорее, невысказаннее. Конечно, за два года, что разделяют эти портреты, писатель немало пережил, и все же его образ, созданный Репиным, лишен страданий за судьбу своего народа и человечества, которое с такой силой выразились в Андреевской прозе. ... Сам Андреев в одном из писем своему другу С.С. Голоушеву заметил о репинской работе: “Идиллия, а не портрет”».⁹

О желании общения и теплых чувствах, которые испытывал Л.Н. Андреев к Репину, свидетельствует письмо писателя от 20 января 1916 года. «...и как я ни стремлюсь в Куоккала, а все выходит так, что не могу выбраться, да и только. Это тем более невероятно и дико, что ни к кому из людей не отношусь с таким глубоким уважением, как к Вам, дорогой Илья Ефимович, и люблю Вас крепко и глубоко. Ваше ко мне отношение, неизменно доброе и та-

⁹ Чугунов Г.И. Валентин Серов в Петербурге. Лениздат. 1990. С. 181.

*Портрет Л.Н. Андреева,
выполненный И.Е. Репиным. 1913 г.*

красивое, смуглое, точеное, декоративное лицо, стройная, немного тучная фигура, сановитая, легкая поступь – все это гармонировало с той ролью величавого герцога, которую в последнее время он так превосходно играл». ¹¹ Это правдивое и точное описание нашло прекрасное отражение в портретах Л.Н. Андреева кисти Ильи Ефимовича и Юрия Ильича. Необходимо, правда, отметить, что Леонида Андреева связывали более тесные и глубокие взаимоотношения со старшим Репиным, несмотря на большую разницу в возрасте.

Можно заметить, что судьба обитателей «Пенатов» достаточно тесно переплеталась с судьбой Андреева и его семейства с момента их знакомства и вплоть до отъезда Анны Ильиничны с детьми из Финляндии. В их жизни было много схожего, начиная с

кое сердечное, всегда было для меня огромной ценностью и внутренне поддерживало и ободряло в тяжелые минуты, давало основания даже гордиться собою». ¹⁰

К.И. Чуковский, оценивая творчество Л.Н. Андреева и его самого, писал: «Гиперболическому стилю его книг соответствовал гиперболический стиль его жизни. Недаром Репин называл его “герцог Лоренцо”». Далее Корней Иванович дал великолепный словесный портрет знаменитого писателя: «Его

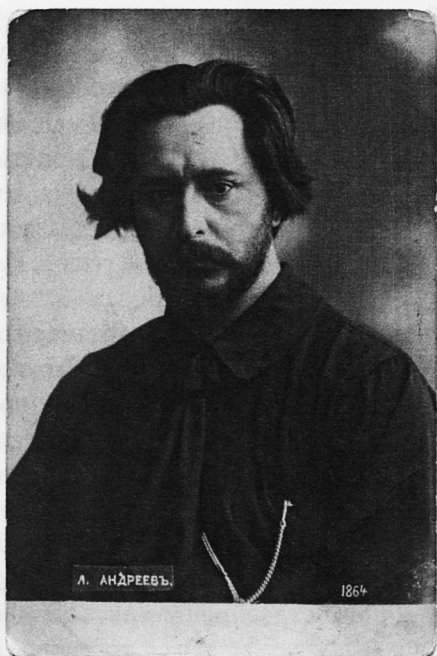
¹⁰ Письмо Л.Н. Андреева к И.Е. Репину от 20.01.1916. НБА РАХ. Ф. 25. Оп.1. № 499.

¹¹ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М. Молодая гвардия. 1963. С. 290.

самого места жительства на территории сначала Великого Княжества Финляндского, а после 1918 года — независимой Финляндии и кончая необычными домами с диковинными именами, созданными по их проектам. Писатель, также как отец и сын Репины, очень любил Карельский перешеек с его суровой северной красотой. В первые годы знакомства Репиных с писателем, Леонид Андреев жил на съемных дачах в разных местах Перешейка. Но уже в марте 1908 года он поселился в еще недостроенном собственном доме в местечке Ваммельсуу. Дачу в шутку Леонид Николаевич назвал — «Вилла Аванс», так как она была построена

на денежный аванс, выданный писателю издателем. Как писала Л.Н. Иванова, «осталось немало свидетельств о дружеских отношениях, взаимном интересе, связывавших писателя и художника. Известно, что Репин высоко ценил творчество Андреева, ставил его «выше Горького».¹²

Огромный дачный дом, имевший два этажа и пятнадцать комнат, был возведен по проекту молодого архитектора Андрея Андреевича Оля (1883–1958), мужа сестры Андреева. Как отмечала Н.В. Григорьева в книге «Путешествие в русскую Финляндию»: «Оль подхватил и развил планы самого хозяина. Свою задачу он видел в том, чтобы эти планы архитектурно реализовать. Весь замысел

Одна из открыток с фотопортретом Л.Н. Андреева, которых в начале XX в. было выпущено огромное количество

¹² Иванова Л.Н. Илья Репин и Леонид Андреев // Репинские чтения. СПб, 2004. С. 39–49.

будущего дома, каким он виделся Андрееву, был столь необычен и причудлив, как все, что связано с личностью этого человека. ... Главным помещением на втором этаже был огромный кабинет Андреева. Его размеры, отделка и мебель больше, чем другие интерьеры, отражают вкус писателя, понятый архитектором».¹³

Изучая творчество писателя, его увлечения, внешность, отраженную на портретах и фотографиях, можно смело присоединиться к тому, что писал в 1908 году К.И. Чуковский, хорошо знавший и любивший писателя: «Все свойства своих современников Андреев увеличил до грандиозных размеров, и все совместил в себе».¹⁴

К.И. Чуковский, не раз бывавший в гостях у писателя, дал точное, правда, немного ироничное описание «Виллы Аванс» в своих воспоминаниях: «Камин у него в кабинете был величиной с ворота, а самый кабинет точно площадь. Его дом в деревне Вамельсуу высился над всеми домами: каждое бревно стопудовое, фундамент – циклопические гранитные глыбы».¹⁵ Можно отметить, что на сегодняшний день от всего этого великолепного и необычного строения остались только вросшие в землю гранитные плиты фундамента, да и то, скорее всего не все.

Надо сказать, что в начале XX века творчество Леонида Андреева, которого считают родоначальником русского экспрессионизма, и которого по праву относят к ведущим представителям Серебряного века русской литературы, пользовалось невероятной популярностью среди образованной читающей публики. Внучка писателя Ирина Рыжкова-Андреева, живущая в Москве, писала, что «до революции Андреев получал в России бешеные гонорары – пять рублей золотом за строчку (это в то время, когда курица стоила 14 копеек). Причем из прозаиков он один получал построчно, так платили, только поэтам. Поэтому он мог себе позволить такие дорогие увлечения, как цветная фотография или морские прогулки – у него на Черной речке был целый флот, несколько морских яхт, он на них ходил в шхеры».¹⁶

¹³ Григорьева Н.В. Путешествие в русскую Финляндию. СПб. 2011. С. 31.

¹⁴ Чуковский К.И. От Чехова до наших дней. СПб. 1908. С. 218.

¹⁵ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М. Молодая гвардия. 1963. С. 289.

¹⁶ И. Рыжкова-Андреева. На родину нам помог вернуться Климент Ворошилов. К 140-летию великого русского писателя. Русскоязычная газета «Русский дом». Атланта, США. 30.04.2011.

Объяснением невиданному писательскому успеху Леонида Андреева в какой-то степени может служить самооценка творчества, сделанная самим Леонидом Николаевичем: «Хорошо я пишу лишь тогда, когда совершенно спокойно рассказываю о беспокойных вещах, и не лезу сам на стену, а заставляю стену лезть на читателя».¹⁷

Технические новинки, появившиеся в начале XX века, становились на время самыми серьезными увлечениями Леонида Николаевича. Одно время он увлекся граммофоном, потом велосипедом, но, пожалуй, основным его увлечением стала цветная фотография, делавшая свои первые шаги. «Технология цветной фотографии (автохрома), – писала Н.В. Григорьева в выше цитированной книге, – была изучена и усовершенствована Андреевым. Сначала на стекле изготовлялись три клише – желтое, красное и синее, а затем все переносилось на бумагу. Так каждый уголок чернореченского дома, все родственники и друзья, живописные окрестности Ваммельсуу и морское побережье навсегда остались увековеченными на цветных фотографиях».¹⁸

Среди множества цветных фотографий, сделанных Л.Н. Андреевым в период с 1910 по 1914 годы, есть ряд прекрасных фотопортретов И.Е. Репина, как одного (конец мая 1910 года), так и в кругу семьи Леонида Николаевича, где Илья Ефимович сидит между писателем и его матерью Анастасией Николаевной.

Многогранность таланта Л.Н. Андреева, позволявшего ему быть одновременно великолепным писателем и театральным критиком, художником и архитектором, фотографом и мореплавателем, да еще незаурядным юристом, отмечали его современники и друзья.

Что еще кроме самозабвенного творчества роднило Леонида Николаевича, Илью Ефимовича и Юрия Ильича, так это привязанность и искренняя любовь к домашним животным, особенно к собакам.

В семье Андреева было несколько огромных и добродушных сенбернаров, которых можно видеть не только на фотографиях, но и в документальных кадрах кинохроники. К.И. Чуковский,

¹⁷ Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М. 1965. С. 212.

¹⁸ Григорьева Н.В. Указ. соч. С. 41.

вспоминая свои визиты к Андрееву, дал прекрасный портрет, как самого писателя, так и одной из его собак: «Иногда, глядя на него, как он хозяйским, уверенным шагом гуляет у себя во дворе, среди барских конюшен и служб в сопровождении Тюхи, великолепно го пса, или как в бархатной куртке он позирует перед заезжим фотографом, вы не верили, чтобы этот человек мог носить в себе трагическое чувство вечности, небытия, хаоса, мировой пустоты». Можно отметить, что в этом описании Корней Иванович предугадал трагическую кончину Леонида Николаевича.

В творческом наследии писателя также нашлось место собаке. Главным героем рассказа «Кусака» стала собака. И этот персонаж у Леонида Андреева далеко не случаен. В письме к Чуковскому писатель абсолютно точно и недвусмысленно выразил свое отношение к тем, кого он описывал: «Мне не важно, кто «он» – герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина, ... в рассказе «Кусака» героем является собака, ибо все живое имеет одну и ту же душу, все живое страдает одними страданиями и в великом безличии и равенстве сливается воедино перед грозными силами жизни».¹⁹

Собаки попали не только на многочисленные фотографии, сделанные в «Пенатах», но и на живописные полотна, как Ильи Ефимовича, так и Юрия Ильича. По авторитетному мнению известного искусствоведа Е.В. Кириллиной: «Юрий Ильич восхищался простодушием животных и считал, что людям неплохо бы поучиться верности и преданности у собак. В картине “Христос и собачка” он уподобляет себя этому маленькому существу».²⁰

Юрия Репина, также как и его отца, многое связывало с Леонидом Андреевым. Они были близки по возрасту, Андреев был старше Юрия всего на шесть лет. Как творческие люди Юрий Ильич и Леонид Николаевич, оба были влюблены, как в живопись, так и в литературу. Кроме того увлечение писателя спиритуализмом и религией, отразившееся в его позднем творчестве, также было близко Юрию Репину. С течением времени в картинах сына Репина также стали преобладать религиозно-мистические мотивы.

¹⁹ Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М., Молодая гвардия. 1963. С. 302.

²⁰ Кириллина Е.В. Аннотация к выставке живописи Ю.И. Репина в Музее-усадьбе И.Е. Репина «Пенаты» в 2011 г.

*Л.Н. Андреев с собакой в Ваммельсуу.
Из собрания С.В. Ренни*

Надо заметить, что В.А. Серов, часто бывая на «Вилле Аванс» одним из первых оценил талант живописца у Л.Н. Андреева, хотя справедливости ради надо сказать, что и И.Е. Репин, и Н.К. Рерих, бывавшие на Черной речке, тоже отмечали его способности как художника. «Кабинет Андреева, – писала Н.В. Григорьева, – был завален холстами, мольбертами, ящиками с мелками. Если бы Андреев не стал писателем, он бы, вероятно, нашел себя в живописи».²¹ Набор его красок и кистей летом 1920 года вдова писателя Анна Ильинична подарила Илье Ефимовичу.

Здесь было бы уместно привести высказывание секретаря Андреева В.В. Брусянина, говорившего, что «один любил литературу и служил ей, другой любил эту литературу. Один был предан живописи и любил ее, другой любил эту живопись».²² Правда, эта характеристика касалась Леонида Николаевича и Серова, но

²¹ Григорьева Н.В. Указ. соч. С. 36.

²² Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 179.

эти, же слова в равной степени можно отнести к старшему и младшему Репиным.

После неожиданной кончины Леонида Андреева его молодая вдова, оставшись с пятью детьми на руках, переселилась на дачу г-жи Химонен между поселками Оллила (ныне Солнечное) и Куоккала. В их «Вилле Аванс» к тому времени уже невозможно было жить, так как дом стал постепенно разрушаться из-за ошибок при строительстве. Оказавшись неподалеку от «Пенатов», Анна Ильинична стала чаще там бывать. Кроме того, как писала Вера Леонидовна: «Мама, однако, ходит к ним обоим, и они оба пишут ее портрет, так как Юрий Репин тоже художник. ... Не знаю, как получилось, что мама согласилась позировать Юрию Репину для портрета, не помню и самого портрета. Знаю только, что он был недокончен, так как мама поссорилась с художником и отказалась от сеансов».²³ Портрет Анны Ильиничны, написанный Ильей Ефимовичем, был закончен в том же 1920 году. Сейчас он находится в музее финского города Тампере, портрет же работы Юрия Репина, вероятно, не сохранился.

После отъезда Анны Ильиничны с детьми из Финляндии в жизни обитателей «Пенатов» мало что изменилось. Юрий Ильич продолжал жить и работать в своем доме. В 1926 году в Куоккалу приезжала делегация советских художников во главе с учеником Ильи Ефимовича И.И. Бродским (1884–1939). Одной из основных задач делегации было пригласить И.Е. Репина переехать жить в СССР. После их визита в «Пенаты» Юрий Репин в августе 1926 года ездил в Ленинград, где его прекрасно принимали. Его поездка в СССР была обусловлена, намечавшимся заказом Советского Правительства написать по эскизам И.Е. Репина картину «Конец самодержавия», но этот замысел не был реализован.

Серьезные изменения в жизни Юрия Ильича произошли после смерти в 1929 году жены Прасковьи, которую он очень любил, отца в 1930-м и сестры Надежды в 1931 году. Практически он остался совсем один. Сыновья выросли и разъехались. Старший Гай уехал в Прагу поступать в университет, а младший Дий отправился в плавание. Е.В. Кириллина привела дневниковые запи-

²³ Андреева В.Л. Указ. соч. С. 101.

*Мастерская Юрия Репина после того,
как Куоккала была занята Красной армией.
Слева внизу – портрет Л.Н. Андреева. 1940 г.*

си Юрия: «21 мая 1934 года. ... Я шел один по дороге и думал: Я лишился матери, я потерял отца, я лишился жены, я потерял детей и даже двух собак, теперь я потерял себя...»²⁴

Одинокая, но более или менее спокойная жизнь Юрия Репина в «Пенатах» продолжалась до осени 1939 года, когда Правительство Финляндии, в преддверии войны с СССР, начало эвакуацию жителей Карельского перешейка. Юрий вместе с другими жителями Куоккалы был эвакуирован в деревню Леванто близ местечка Мянсяля в Южной Финляндии.²⁵

В декабре 1939 года в первые же дни «Зимней войны», как ее называют финны, Красная армия заняла Куоккалу. Финская армия оставила эту территорию без боя. Все постройки, находившиеся в приграничной полосе, в том числе и усадьба И.Е. Репина

²⁴ Кириллина Е.В. Аннотация к выставке живописи Ю.И. Репина в Музее-усадьбе И.Е. Репина «Пенаты» в 2011 г.

²⁵ Репин и его знаменитые ученики. Каталог выставки в Морском центре «Велламо». Котка. Финляндия. 2011. С. 56.

остались нетронутыми. Вслед за войсками в «Пенаты», приехали сотрудники Академии Художеств, которой И.Е. Репин по завещанию, составленному им еще до 1917 года, оставил свою усадьбу на Карельском перешейке. Они обнаружили в домах отца и сына, находившиеся в беспорядке картины, рисунки, книги и архив. На фотографиях той поры, сделанных в доме Юрия Ильича, хорошо виден портрет Л.Н. Андреева, стоящий на полу его мастерской. Впоследствии эти многочисленные фотоматериалы составили отдельный фонд И.Е. Репина в Научно-библиографическом архиве Академии Художеств.

Объяснением того, что застали специалисты Академии Художеств в «Пенатах» могут служить трагические, но искренние воспоминания Юрия Репина о тех днях. «В 1939 году октябре месяце всех жителей Куоккала стали выселять. Я жил, пока не пришли два полицейских и сказали мне: «Вам надо удалиться на пять дней». Поэтому я оставил все, даже золотую медаль мою и даже краски. Взял только Евангелие, и одел теплое пальто. И, и, – больше не пришлось возвратиться» – писал Юрий Ильич своему старшему сыну Гаю 16 декабря 1949 года.²⁶

В 1954 году Юрий Ильич умер на 77-м году жизни при странных обстоятельствах. Он разбился, выпав из окна пятого этажа дома Армии Спасения.²⁷

Что касается судьбы произведений Леонида Андреева и Юрия Репина, то их, в какой-то степени можно сравнить, так как творчество того и другого было предано забвению как в Советской России, так и за рубежом. Новое открытие Л.Н. Андреева произошло в СССР только в 1956 году с выходом сборника рассказов, а открытию и осознание творчества Ю.И. Репина только начинается.

Подводя итог, можно с полным основанием сказать, что портрет Леонида Андреева кисти Юрия Репина стоит в одном ряду с портретами Андреева, созданными его отцом И.Е. Репиным и В.А. Серовым. Они разнятся по исполнению, но с разных сторон отражают незаурядную личность писателя.

²⁶ Письмо Ю.И. Репина от 16.12.1949 г. к сыну Гаю из Хельсинки. Фонд Ю. Репина в Музее-усадьбе И.Е. Репина «Пенаты».

²⁷ О жизни Ю.И. Репина подробнее см.: Ю.Д. Балащенко. Незаслуженно забытый художник Юрий Репин (1877–1954) // Курортный район. Страницы истории. Выпуск 7. СПб. 2012. С. 35–46.

*Л.И. Андрущенко,
музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты»*

Забытая модель Ильи Ефимовича Репина (Портрет Анны Ильиничны Андреевой)

Осталось немало свидетельств дружеского отношения и взаимного интереса двух ярких русских художников, Ильи Ефимовича Репина и Леонида Николаевича Андреева. В начале XX века они стали соседями, далекими, но все же, соседями по Карельскому перешейку: Репин поселился в Куоккале, а Леонид Андреев – на Черной Речке. Еще до личного знакомства с молодым писателем в доме Ильи Ефимовича «Пенатах» часто звучали его произведения. Репин любил, когда во время работы в мастерской, Наталья Борисовна или кто-нибудь из домашних читал ему вслух. Н.Б. Нордман-Северова, спутница Репина, также была страстным поклонником литературного таланта Леонида Андреева, поэтому с удовольствием читала новые произведения молодого писателя.

Впервые семья Андреевых посетила «Пенаты» в 1904 году, тогда еще с первой женой Леонида Николаевича – Александрой Михайловной Велигорской¹. В этом же году Репин создал первый живописный портрет Леонида Андреева. За ним последовал «Портрет в красной рубахе» и портрет 1912 года на борту его яхты

¹ Первая жена Л.Н. Андреева, Александра Михайловна (урожд. Велигорская; 1881–1906), мать старших сыновей писателя – Вадима и Даниила, умерла в 1906 году в Берлине при родах.

*Леонид Николаевич Андреев
и Александра Михайловна
Велигорская в «Пенатах».
1905 год.
Фотография К. Буллы*

имством хозяина «Пенатов», и даже некоторое время жила здесь, а маленькая Вера Андреева однажды прожила в усадьбе все лето⁴. Здесь же, в «Пенатах», был написан портрет Анны Ильиничны Андреевой (1921). Этому произведению и посвящена наша статья.

О портрете Андреевой вспоминает дочь Репина Вера Ильинична в своем письме к Петру Ивановичу Нерадовскому в апреле

«Савва», в образе бравого шкипера². При читке новой пьесы Леонида Андреева «Не убий» в «Пенатах» в сентябре 1913-го Илья Ефимович нарисовал портрет писателя пастелью и графитным карандашом³.

Память об их встречах и общении домами осталась в мемуарах современников, запечатлена на многочисленных фотографиях, сохранилась в письмах Ильи Ефимовича к писателю и его второй жене Анне Ильиничне Андреевой. Плодотворная дружба писателя и художника продолжалась вплоть до смерти писателя в 1919 году.

После смерти Леонида Андреева его семья продолжала пользоваться неизменным гостеприимством

² Эти портреты находятся сегодня: 1. Портрет писателя Леонида Николаевича Андреева. 1904. Холст, масло. 76 х 66,6. Москва. Государственная Третьяковская галерея;

2. Портрет писателя Леонида Николаевича Андреева. 1905. Холст, масло. 93×71,5. Омский областной музей изобразительных искусств; 3. Портрет писателя Леонида Николаевича Андреева. 1912. Холст, масло. 124×95. Калининская областная картинная галерея.

³ 15 сентября 1912 года К.И. Чуковский пишет Н.Б. Нордман-Северовой: «Есть у меня друг, Александр Сергеевич Вознесенский, поэт. У него жена актриса Юренева, прелестная, премьерша театра Незлобина. Она в дружбе с Леонидом Андреевым. Леонид Николаевич третьего дня был у них и пригласил их к Вам слушать «Не убий». Так что не удивляйтесь. Но зачем Фальковский в газетах объявил, что Андреев читает у Вас?» НА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. ед.хр.1913. Л.1-3. Сохранилась фотография этого события. На чтении были В. Бехтерев, Л. Рейснер, А. Вознесенский, Чуковские, К. Льдов, Н. Кульбин и др. См. фотографию: // Новое о Репине. Вклейка между С. 160, 161.

⁴ В.Л. Андреева описала свое бытование в «Пенатах» в автобиографической повести «Дом на Черной речке». М. Советский писатель. 1986 г.

*Чтение пьесы Л.Н. Андреева «Не убий!» «Пенаты», 1913 год.
Фотография К. Буллы*

1922 года, перечисляя новые работы отца: «...Еще портрет Анны Ильиничны Андреевой, большой портрет в кресле...».⁵ В 1922 году Вера Ильинична благодаря помощи К.И. Чуковского переехала из Петрограда в Финляндию. Свое впечатление от увиденных новых картин отца в мастерской она описывает в письме к Нерадовскому, хранителю художественного отдела Русского Музея и по совместительству сотруднику Третьяковской галереи. Этот портрет отметил и художник Василий Федорович Леви в своих воспоминаниях: «Прекрасный по композиции и по серым тонам, портрет этот, вероятно, и теперь находится у одного коллекционера в Таммерфорсе»⁶. Бывший присяжный поверенный и деловой партнер семьи Репиных В.Ф. Леви часто бывал в «Пена-

⁵ «Еще портрет Анны Ильиничны Андреевой, большой портрет в кресле и переделанный Пушкин: — он стоит и спокойно, без аффектации смотрит на город — теперь совсем хорошо и в другом роде, только бы папа не трогал больше. Много работал папа и этюды, есть интересные». Письмо В.И. Репиной П.И. Нерадовскому 17 апреля 1922 года. ОР ГТГ /1356.6.

⁶ Репин И.Е. Художественное наследство. Издательство АН СССР. М.—Л.Т.1. С. 310—311.

тах» после 1917 года, учился живописи в мастерской у Репина и выполнял обязанности своеобразного импресарио, готовя выставки работ Ильи Ефимовича и Юрия Ильича за границей.

Сегодня портрет Анны Ильиничны Андреевой, о котором не вспоминают в больших монографиях о творчестве Репине, находится в городском художественном музее финского города Тампере (Таммерфорсе) – Niekan taidemuseo.

Умалчивалась эта работа в прежние времена по многим причинам: и потому, что была написана Репиным за границей, и потому, что сама модель не пользовалась любовью в среде литераторов и людей искусства, окружавших Леонида Андреева в последние годы его жизни⁷. А может и потому, что спасая от голодной смерти детей, Анна Ильинична предпочла эмиграцию.

Удивительна судьба этой молодой, красивой и умной женщины – «черноглазой и даже огнекокой» (по выражению Марины Цветаевой), долгое время умудрявшаяся поддерживать переписку и находить теплые сердечные слова для уже не молодого и одинокого художника⁸.

Она стала второй женой Леонида Андреева после смерти Александры Михайловны Велигорской. Это был «служебный роман» с продолжением. Популярны несколько версий знакомства Леонида Андреева с Анной Денисевич (в первом браке Карницкой). Самая распространенная и романтическая из них, очень напоминает историю знакомства Ф.М. Достоевского и его второй жены Анны Сниткиной.

После нескольких покушений на жизнь и последнего удара, смерти жены, Шуры Велигорской, Леонид Андреев самостоятельно писать уже не мог, ему почти перестала подчиняться кисть правой руки. Зимой 1907 года он подал объявление в га-

⁷ Многие мемуаристы тепло вспоминают первую жену писателя, и мало кто вспоминает о второй, хотя с ней он прожил вдвое больше. Судя по тому, какие характеристики давал К.И. Чуковский Анне Ильиничне в своем дневнике, если б не дружба с Л. Андреевым, с ней он не znalся бы. Хотя с семьей Денисевич Чуковский был знаком с детства, еще по Одессе. Одессизмы надолго оставались в языке Анны (Матильды). В 1914 г. Л. Андреев писал брату: «...и только Анечка в виду военного времени скопидомит керосин: недавно ругалась как черт, что два часа коптила лампа и масса выгорела «петролиума» (так по-одесски зовется керосин)». Русский современник. 1924. № 4. С.141.

⁸ Выдержки из некоторых писем А.И. Андреевой, хранящиеся в НА РАХ, опубликованы в статье Л.И. Ивановой. Илья Репин и Леонид Андреев //Репинские чтения. 2004. НИМ РАХ, СПб. С. 39–49.

зету о том, что ему нужна секретарша. И среди многих выбрал Матильду Денисевич. 22-летняя претендентка – образованная, бегло печатавшая на машинке, знавшая несколько языков и отлично разбиравшаяся в музыке и живописи сразу же получила это место.

Вторая версия описана в дневнике одесского знакомого семьи Денисевичей Корнея Ивановича Чуковского, который в детстве дружил с Толей Денисевич. Именно он познакомил Леонида Андреева с Анатолией (Толей) Денисевич, которой известный писатель Леонид Андреев сделал предложение выйти за него замуж. Но она отказала и, в свою очередь, познакомила его со своей сестрой Матильдой. На Матильде Андреев и женился, «переделав ее в Анну», как позже напишет Чуковский⁹.

Анна Ильинична приехала на еще не достроенную виллу писателя на Черной речке в качестве секретаря, а через три месяца стала его женой. Зимой 1908 года, когда закончилось строительство дома, новая семья переехала в финскую деревню Ваммельсуу. Дом был большой, настоящий дворец, построенный молодым архитектором Андреем Андреевичем Олем, по рисункам Андреева. В гости к Андрееву приезжали знаменитые писатели и художники, они любили подолгу оставаться в фантастических интерьерах дома, поражавших воображение. Анна Ильинична стала прекрасной хозяйкой, разделяя все увлечения, горячо любимого мужа. По воспоминаниям дочери Анны Ильиничны, Веры, «...мама следовала за всеми увлечениями папы, изучала живопись и историю искусства, знала и увлекалась наравне с ним цветной фотографией, мореплаванием, не говоря уже о литературе, которую она знала и ценила лучше, чем какое-либо искусство»¹⁰. Устроенный быт внес размеренность в работу писателя: дневные часы посвящались гостям, детям и отдыху, а ночные – творчеству. Андреев работал ночью: мастер живого рассказа, он, расхаживая по своему огромному кабинету, целыми абзацами диктовал рождающиеся тут же произведения, пил

⁹ Чуковский К.И. Указ. соч. Т.11. М. 2006. С. 155. Толя Денисевич в 1907 г. отказалась выйти за Л. Андреева, потому что уже тайно была замужем за Владимиром Абрамовичем Фельдманом.

¹⁰ Андреева В.Л. Указ. соч. С. 47.

Застолье в Ваммельсуу. Предположительно празднование дня рождения Анны Ильиничны Андреевой. Анна Андреева сидит во главе стола, далее по часовой стрелке: Леонид Андреев, Илья Репин, мать Леонида Андреева Анастасия, его сестра Римма Андреева, Наталья (жена его брата Всеволода), Михаил Петренко (воспитатель Вадима – сына писателя), неизвестная дама, Андрей Оль (второй муж Риммы Андреевой), Анна (жена Андрея Андреева), Андрей Андреев (младший брат Леонида Андреева), жена Репина Наталья Борисовна Нордман.

черный крепкий чай, а машинка Анны Ильиничны едва успевала печатать за ним.¹¹

Семья быстро пополнялась. После первенца Саввы, родилась дочь Вера, а через год – сын Валентин. Но даже с пятью детьми «своими, чужими и общими», как шутил Андреев, дом писателя на Черной речке оставался своеобразным культурным центром,

¹¹ «Диктую жене, а она барабанит за мной на пишущей машинке. Она по семи часов, не вставая из-за машинки, может барабанить! Вот, брат, какую выискал я себе супругу! Трагедию «Океан» мы с ней в две недели написали! Бегаю вот здесь из угла в угол, как сумасшедший, и диктую, а она пишет». Скиталец (Петров С.Г.). Леонид Андреев Светлые лучи любви. М. 1989. С. 501–528.

куда продолжали приезжать столичные знаменитости. Этому способствовал и темперамент Анны Ильиничны: «Очень образованная, всесторонне эрудированная, мама находила себе собеседников среди писателей и художников, бывавших у нас, и всегда находила больше удовольствия в разговоре с мужчинами, чем в праздной болтовне женщин [...]. У мамы был настоящий, мужской склад ума и недюжинные способности, и ничего ей не было так чуждо, как мещанство».¹² Новая семья Леонида Андреева продолжает поддерживать дружеские и творческие отношения с Ильей Ефимовичем Репиным. Сохранилась фотография 1912 года, на которой куоккальцы Репин и Нордман за столом, в кругу семьи Леонида Андреева в Ваамельсуу.

В декабре 1917-го, когда Финляндия обрела независимость, Андреевы, как и Репин, стали эмигрантами. Первое время семья не ощущала тягот ни войны, ни октябрьского переворота. Денег хватало. На пике популярности, до революции писатель Андреев получал в России «бешеные» гонорары – пять рублей золотом за строчку. Поэтому он мог себе позволить очень дорогие увлечения того времени, такие как цветная фотография или морские прогулки – у него был целый «флот», пришвартованный у плавучей пристани на Черной речке и состоявший из моторной лодки «Савва», двух «тузиков», длинной лодки «Смутьянка» и водовозной бочки «Хамойдол». Позднее прибавилась моторная яхта «Далекий». Роли моряка, лоцмана, а порой и повара были близки Андрееву. Он носился на своих «моторах» по Финскому заливу в брызгах и ветре, опьяненный чувством азарта, загорелый, сильный. Иногда после трехмесячного плавания по финляндским шхерам появлялась новая тяга к творчеству. Вот фрагмент очерка «Шхеры»: «...Эти воспоминания о шхерах я пишу зимой, когда за окнами иное, снежное море. Все красиво и печально... замерзли морские протоки между островов, и снежными холмами, молчаливыми курганами под темной шапкой сосен и елей высятся среди глади морской одинокие острова...». Свой знаменитый дом, построенный на гонорары от издателей, он прозвал виллой «Аванс».¹³

¹² Андреева В.Л. Указ. соч. С. 47. Возможно, она была интересна Илье Ефимовичу Репину и тем, что серьезно занималась музыкой и прекрасно играла на рояле, и по воспоминаниям дочери была прекрасным чтецом.

¹³ Григорьева Н. В. Путешествие в Русскую Финляндию. СПб, 2002. С. 33–56.

Но у 45-летнего писателя уже обнаружили болезнь сердца. После 1917 года Андреев в Россию не вернулся. Началась тяжелая и тоскливая жизнь невольных эмигрантов в Финляндии, где он не пожелал сотрудничать с антисоветскими организациями. Летом 1919 года писателю предложили пост министра пропаганды в правительстве Юденича, но он отказался.

За неделю до смерти Андреев пишет Н.К. Рериху: «Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом, дача в Финляндии и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом – искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома – холодная, промерзлая, оборванная дача с выбитыми стеклами, а кругом – чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...».¹⁴

12 сентября Леонид Андреев умер от паралича сердца на руках у Анны Ильиничны. Ему не было еще и пятидесяти. «Сильное, чуткое сердце, устав, разорвалось в куски», – написал Саша Черный.

По словам дочери Веры, после смерти отца из жизни матери «как будто вынули тот стержень, на котором она держалась, и она рухнула бесшумно и превратилась в грудку жалких обломков... Мы не подозревали, что наша мама находилась тогда на грани безумия или самоубийства».¹⁵ На руках молодой вдовы осталось пятеро детей. Анну Ильиничну спас дневник, который она начала вести сразу после смерти мужа, и хлопоты о детях. Осенью 1919-го Анна Андреева просит доброго друга семьи Илью Ефимовича Репина заняться живописью с ее сыном Саввой. Анна Ильинична продолжает навещать Репина в «Пенатах»: «Дорогой мой и родной Илья Ефимович! [...] и вот теперь, когда я немножко устроилась с детьми, мне ужасно хочется Вас навестить. Живу я на Сайм[ен]ск[ом] канале близ Выборга. И если бы можно было бы переночевать у Вас, я приеду. Мне так душевно хочется посидеть с Вами, поговорить...».¹⁶

Видимо, тогда и зародилась у художника мысль написать ее

¹⁴ <http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=andreev2&lang=ru>

¹⁵ Андреева В.Л. Указ. соч. С. 47.

¹⁶ Письмо А.И. Андреевой И.Е. Репину от 1 декабря 1919 г. НА РАХ, Ф.25. Оп.2. № 59. Л. 1.

*После смерти
Л.Н. Андреева.
Анна
Ильинична
Андреева с
детьми Саввой,
Вадимом, Верой и
старшей дочерью
от первого брака.
1920-е гг.*

портрет. 26 мая 1920 года Анна Ильинична была приглашена на сеанс в знаменитую мастерскую под стеклянной крышей в Куоккале. В этот день Илья и Юрий Репины собирались писать ее портрет. Позже, летом 1920 года вдова писателя привезла в «Пенаты» Репину в знак благодарности, кисти и краски Леонида Андреева, который в свое время очень серьезно занимался живописью.

Работа над портретом продвигалась медленно, посещения Анны Ильиничны были не аккуратны, в военное время железнодорожное сообщение Куоккала – Выборг было нарушено. И, не только поэтому.¹⁷ Но их дружеская переписка продолжается.¹⁸ А суровой зимой 1920–1921 годов Анна Андреева заболела испанкой – страшным гриппом, который свирепствовал в те годы. Ей удалось выжить, и после тяжелой болезни сеансы продолжились. После выхода из больницы Анна Ильинична перебралась с домочадцами поближе к «Пенатам» в Олиллу. Возвращение в дом на Черной речке было невозможно. После того, как фронт прошел через земли Ваммельсуу, дом был разграблен. Жить в нем было невозможно, да и все тут напоминало о смерти мужа.

В конце 1921 года портрет Анны Ильиничны Андреевой был почти закончен.

¹⁷ 1 сентября 1920 г., в период работы над портретом Анна Ильинична пишет Репину: «12- го годовщина смерти Леонида Николаевича и все мы едем в Нейвола. И сейчас у меня такое состояние, что никак не хочется уезжать до этого времени из дому, т. ч. вероятно и будущий сеанс пропущу. Но, если только это Вас очень сердит, то напишите и я приеду. Правда, тяжело очень». НА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. № 59. Л.5–5 об.

¹⁸ «Очень хочется поскорее переехать и быть аккуратной...». Письмо к Репину от 20 сентября 1920 г. НА РАХ, Фонд И.Е. Репина. Оп.54. №7. Письма корреспондентов к И.Е. Репину.

Сегодня рассматривая его и получив возможность прочитать страницы ее дневника, мы осознаем, что Анна Ильинична была честна перед собой и своим дневником. Перед нами еще молодая женщина, в светлом бальном наряде и широкополой шляпе, скрывающей длину волос. Они только начали отрастать после болезни: «...а у мамы совсем коротенькие волосы, ...она подвязывает себе локоны на тесемочке, когда надевает шляпку...».¹⁹

Ее портрет радости и легкости не излучает, как например портрет Беатрисы Леви, написанный в 1918 году. И хотя лицо модели заострилось после болезни и увяло («стареет, стареет», как позже расскажет художник К.И. Чуковскому), но «огненные глаза» ее делают образ неотразимым: «Мамин портрет у него (Репина. – Л.А.) получился замечательно, несмотря на то, что в лице было что-то неуловимое, трудно поддающееся изображению. Она позировала многим художникам, но ни один портрет не удался так, как репинский... Опираясь на локоть, одетая в белое бальное платье, она задумчиво и печально смотрит перед собой. Белая шея, руки, складки платья выписаны с таким мастерством, что кажется – шелк шелестит, приподнимаемый дыханием, а на шее ритмично бьется маленькая жилка. Лицо было удивительно, неправдоподобно похоже, с тем самым маминым выражением, что мне становилось неловко – вдруг мама встанет и скажет: “А что это ты тут делаешь?”».²⁰

В 1905 году здесь же в «Пенатах», в этом же креслом, был написан портрет другой Андреевой – Марии Федоровны, спутницы Алексея Максимовича Горького актрисы Московского Художественного театра²¹. Хотя кресло и знакомо нам по портрету Анны Ильиничны, но на нем художником сохранена видимая сквозь окна «киоска» перспектива «аллеи Пушкина». Согласно моде начала века Мария Федоровна одета в строгое темное платье, белая полоска воротника оживляет красивое лицо актрисы и останавливает на нем взгляд зрителя. Живописная манера автора подчинена изображению лица модели. Тщательно выписан передний

¹⁹ Андреева В.Л. Указ. соч. С. 91.

²⁰ Андреева В.Л. Указ. соч. С. 103.

²¹ Мария Федоровна Андреева (урожденная Юрковская, в первом браке Желябужская; (1868, Санкт-Петербург – 1953, Москва) – русская актриса, общественный и политический деятель.

план, ножка кресла, балясины подлокотников, тяжелый золотой медальон, украшающий платье модели – все готовит зрителя к встрече с глазами на спокойном, умиротворенном лице. Задний план портрета 1905 года живописен, очень тонкие цветовые отношения близкие к манере «барбизонцев». Этих художников Репин особо выделял среди французов.

Портрет 1921 года – Анны Ильиничны Андреевой, в отличие от портрета актрисы Андреевой, написан более обобщенно, без точной анатомической проработки фигуры. Цвет платья и окружения модели, которыми так восхищался В.Ф. Леви, взяты локально, чтобы подчеркнуть выражения лица портретируемой, выполненного в тонкой цвето-тональной гамме. Второй план работы близок к декоративному театральному занавесу. Дополнительную театральность репинскому произведению придают детали костюма Анны Ильиничны. Но при этом впечатление от портрета цельное, законченное, акцент сделан на движении головы, взгляде и передаче общего настроения портретируемой. Она декламатор, и общеизвестное увлечение Андреевой декламацией нашло отражение в этом произведении. Портрет А.И. Андреевой (1921) свидетельствует о новой живописной манере Репина, характерной для эпохи арт-деко.

У этого репрезентативного портрета, существует небольшой секрет. Белая нарядная колоннада второго плана – списана с эскиза к Государственному совету, который до конца жизни оставался в мастерской Репина в «Пенатах». Причиной, по которой художник решился на эту небольшую хитрость, явилось, по слова Репина, неувядающая красота Анны Ильиничны. Писать в интерьерах «сумрачной Андреевской крепости» у художника не было возможности, и в тяжелые военные времена он заменил расстекловку своего «киоска» ранее созданным эскизом «музыкального салона» Мариинского дворца. Репин не впервые прибегнул к этому «декоративному заднику». Двамя годами раньше на фоне этого же эскиза был написан портрет жены Василия Леви – Беатрисы Леви.

Вера, дочь Анны Ильиничны, вспоминала торжественное представление широкой публике оконченного портрета Анны

*И.Е. Репин и И.С. Куликов. Эскиз к картине
«Торжественное заседание Государственного совета».
1902. Холст, масло, 80×141.
Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты», Санкт-Петербург*

Андреевой в «Пенатах». Посадив Анну Ильиничну в кресло, поставленное перед эскизом к Госсовету: «...Илья Ефимович в своем замазанном красками халате похаживал среди людей, а мама в том самом платье, что на портрете, рассказывала и объясняла им что-то. Потом все сели, а мама подошла к столу и прочитала папин рассказ “Полет”. Мама славилась искусством выразительного чтения. Мама очень красива, когда читала, ее глаза блестели, рука делала выразительные жесты, голос звучал немного глухо от волнения...».²²

Портрет, который начал писать Юрий Ильич Репин, не сохранился.²³

²² Андреева В.Л. Указ. соч. С. 103.

²³ «Не знаю, как получилось, что мама согласилась позировать Юрию Репину для портрета, не помню и самого портрета. Знаю только, что он был не окончен, так как мама поссорилась с художником и отказалась от сеансов. Кажется, ее отказ послужил поводом к разным недоразумениям между ними, или, наоборот, недоразумения послужили поводом к отказу, во всяком случае, мама перестала посещать их дом».
Андреева В.Л. Указ. соч. С. 101.

После окончательного выздоровления Анна Ильинична занялась хлопотами по перезахоронению Леонида Андреева в Петрограде, но большевистское правительство отказала ей в этом.²⁴ Тогда Анна Ильинична с сыном Саввой организовали могилу Леонида Андреева на берегу любимой им Черной речки. Вплоть до 1959 года могила Андреева находилась в ограде церкви, построенной в память русской писательницы Марии Всеволодовны Крестовской.²⁵ Дом писателя – некогда знаменитая вилла «Аванс» была продана под снос, ее разобрали соседи-финны и соорудили школу, которая стоит и по сей день. Достопримечательность старой школы – крыша из черепицы, снятой с дома писателя. О возвращении в голодную и разрушенную Россию Анна Ильинична и думать не могла. Ради спасения детей она решила уехать в Европу. Кроме того, что детям требовалось дать образование, вдова Леонида Андреева решила увековечить память мужа, продолжив издание его Собрания сочинений, начатых в Петербурге еще в 1913 году издательством Гржебина.²⁶ Приехав в Германию, она энергично начала осуществлять свою идею, а далее были Италия, Чехия и Франция.

В Чехии Анна Ильинична по-настоящему сдружилась с поэтессой Мариной Цветаевой, которая характеризует ее как своего «большого женского друга».²⁷ Они сблизились настолько, что в 1924-м вместе переехали во Францию. В 1930-х годах их

²⁴ До 1924 года прах Леонида Андреева покоился в Нейволе, в часовне, граничившей с садом дома, где некогда отдыхал А.М. Горький. В 1959 г. прах писателя перенесен на Литераторские мостки в Ленинграде.

²⁵ 18 сентября 1925 года И.Е. Репин пишет в письме к дочери Вере, что 14 сентября встретился на могиле Л. Андреева с Анной Ильиничной. НА РАХ. Ф.25. Оп.2. Ед. хр. 14. Л. 16.

²⁶ С 1913 по 1917 гг. было выпущено в свет четыре тома Полного собрания сочинений Леонида Андреева. «Шиповник». Частное изд-во З. И. Гржебина, СПб.

²⁷ Внучка писателя Леонида Андреева Ирина Рыжкова-Андреева в своем интервью вспоминает: «Бабушка сначала уехала с детьми в Германию, где занялась изданием полного собрания сочинений Андреева на немецком языке. Уже накануне прихода фашизма переехали в Италию, а когда там появился дуче – в Прагу, где была большая русская колония. Там бабушка познакомилась с Мариной Ивановной Цветаевой. У бабушки был мужской характер, она терпеть не могла разговоров про рюшечки и фасончики, Марина Ивановна была такая же, и они сдружились. Цветаева в Праге совершенно нищенствовала, и когда бабушка в очередной раз собрала детей и отправилась во Францию, туда поехала и Марина Ивановна. Они вместе поселились на Ривьере: бабушка сняла там здоровый дом и половину его предоставила Марине Ивановне. Год они жили вместе. Но потом в Европе всем стало уже не до книг, их начали сжигать. Цветаева уехала в Россию, бабушка – в Америку. Но уже без детей». Наталья Давыдова. К 140-летию Леонида Андреева. Русский дом. Атланта.

<http://russiahousenews.info/art-story/leonid-andreev-pisatel/>

семьи жили в пригороде Парижа – Кламаре. Кламар в то время был заметным философским, литературным и идейным центром русской эмиграции во французской столице. Андреева много работала. Она держала чайную при балете Иды Рубинштейн, в котором танцевал ее сын Савва. Дети помогали ей вести это семейное предприятие: одна из дочерей работала прислугой, старший сын – швейцаром, не бросая учебы. На плоской крыше своего дома Анна Андреева устраивала музыкальные вечера с участием Сергея Прокофьева, чтение стихов. Анна Ильинична, несмотря на необходимость выживать, находила время помочь Цветаевой, перепечатывая ее письма и стихи. Анну Ильиничну и Марину Ивановну роднила истовая любовь к сыновьям, независимость и «мужской» склад ума, не вписывающийся в рамки бытования той среды. Они общались на равных. Уезжая в СССР, Цветаева не успела попрощаться с Анной Ильиничной. Она передала ей короткую записку карандашом, датированную 8 июня 1939 года: «Дорогая Анна Ильинична! Прощайте. Проститься не удалось, – все вышло молниеносно!... Помню и буду помнить все... Дружили мы с Вами 14 с половиной лет... Живописное, увлекательное, горячее дарование, неожиданное и, в чем-то глубоком – НАСТОЯЩЕЕ человека – я никогда не встречу... Желаю Вам счастливой Америки с Саввой. Ему – горячий привет. Я его очень оценила, и когда рассказываю о нем и о Вас СКАЗКА, которая – ПРАВДА. Обнимаю и НИКОГДА не забуду. Мою память, которая есть сердце, Вы знаете. М.»²⁸

В годы Второй мировой войны Анна Ильинична перебралась в Америку. Приют нашла у Александры Львовны Толстой, на знаменитой Толстовской ферме в окрестностях Нью-Йорка. Там и умерла в 1948 году.

²⁸ В письме к Анне Тесковой, говоря о своем одиночестве, Цветаева пишет: «И еще – благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А.И. Андреевой и Пастернаку. Больше у меня не было никого» // Цветаева М.И. Указ. соч. С. 103.

А.И. Роденков

Печи и камины дачи Леонида Андреева в Ваммельсуу

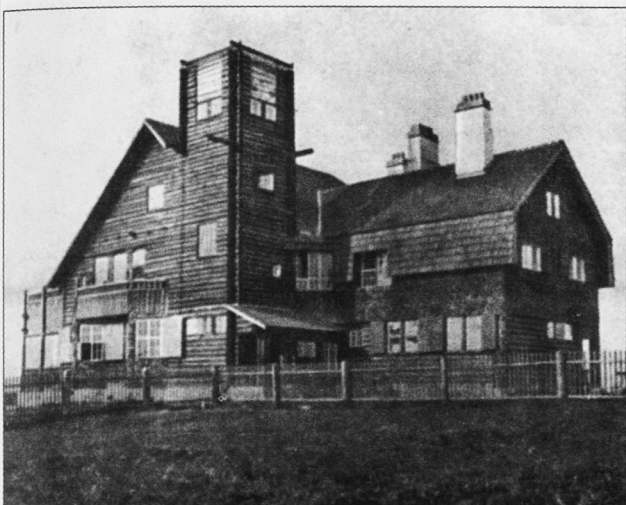
На территории Карельского перешейка и по сей день сохранилось немало количество дачных построек начала XX века, комнаты которых украшают отопительные приборы того же времени. Эти печи и камины, особенно изразцовые, являются подчас настоящими памятниками декоративно-прикладного искусства и художественной промышленности, вызывающими интерес и ждущими своих исследователей. В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем же вызвано внимание к утраченным печам и каминам несохранившегося дома Л. Андреева? Дело в том, что даже в таких знаковых для Карельского перешейка дачах, как «Пенаты» в Репино, дачи Мюзера и Новикова в Зеленогорске были в свое время установлены, хотя и ценнейшие в художественном отношении, созданные зачастую по проектам выдающихся архитекторов (например, замечательная печь в стиле национального романтизма по проекту Эл. Сааринена на даче «Макарова»¹ в Верхнем Рошино), но все же типовые, неоднократно тиражированные в соответствии с заводскими рекламными каталогами печи и камины. В то время как печи и камины в доме Леонида Андреева на Черной речке, были созданы по индивидуальным проектам, с учетом вкусов и пожеланий незаурядного заказчика для конкретных помещений именно этого дома. А если к этому добавить, что

¹ Эту дачу некоторые местные жители называют дачей адмирала Макарова. На самом деле владельцем дачи был купец Макаров. Прим. ред.

изразцовые облицовки были изготовлены не на финских, как в остальных случаях, заводах, а на известнейшем художественно-керамическом производстве «Гельдвейн-Ваулин» в Кикерино, то интерес к печам и каминам дачи в Ваммельсуу становится еще более обоснованным.

Прежде, чем перейти к характеристике самих отопительных приборов, уделим немного внимания архитектору, построившему дом и спроектировавшему в нем большинство печей и каминов. Речь идет об Андрее Андреевиче Оле (1883–1958), ставшим в 1920–1930-х годах одним из крупнейших ленинградских зодчих. А.А. Оля профессиональную подготовку получил в Институте гражданских инженеров (ИГИ, 1901–1910). В 1905 году, когда из-за студенческих волнений ИГИ был временно закрыт, Оля отправился в Гельсингфорс, где устроился стажером к Эл. Сааринену и А. Линдгрону – лидерам финской архитектуры национального романтизма. Творчество выдающихся финских зодчих оказало большое влияние на становление молодого архитектора. Как он сам писал впоследствии, «наибольшую дань я принес веяниям северной архитектуры. В ней привлекала ее крепкая связь с народными традициями и ее ясный и бодрый дух». Работая в мастерской Эл. Сааринена, Оля бывал на его знаменитой даче в Виттреске. Позднее он поместил фотографии этого здания, его интерьеров в свой рабочий альбом, рядом с собственными эскизами для дачи Л. Андреева.

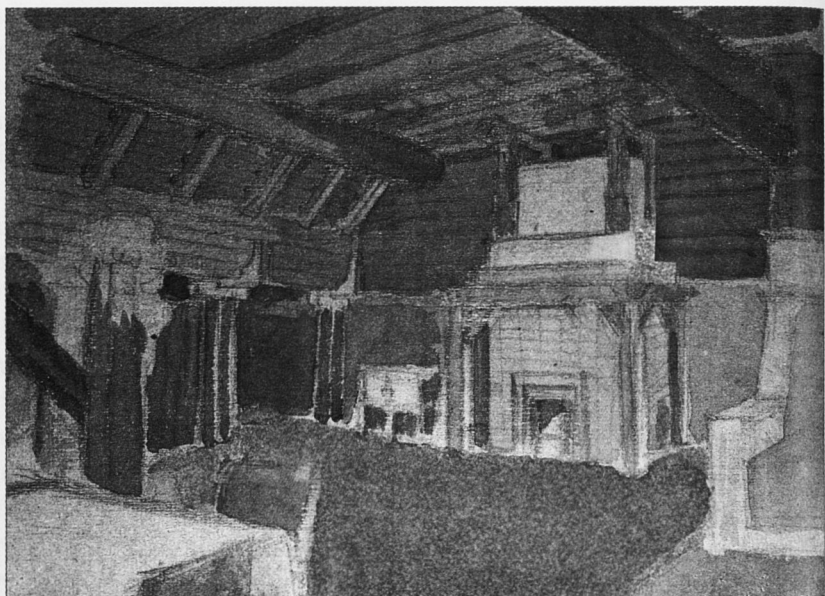
Знакомство А. Оля с Л. Андреевым произошло в 1907 года в Куоккале на даче издателя З.И. Гржебина. Сестра писателя Римма вскоре стала его женой. Леонид Андреев привлекает своего нового родственника к проектированию и строительству дачи на берегу Черной речки. Дом был задуман в необычном стиле, похожим на норвежский замок, с башней, – это была идея самого писателя. Леонид Андреев любил все огромное, и Оля к 1909 году построили огромное здание. Как писал впоследствии про дачу Борис Зайцев, «когда впервые подъезжал к ней летом, вечером, она напомнила мне фабрику: трубы, крыши огромные, несуразная громоздкость». Огромные дымоходные трубы выдавали наличие громадных печей и каминов. А.А. Оля красноречиво выявил

*Дом
Л. Андреева
на Черной
речке.
Рис. А.А. Оля*

северный характер всего сооружения и разработал эту тему до мельчайших деталей внутренней отделки, включая печи и камины. Благодаря воспоминаниям детей и друзей Леонида Андреева, а также сохранившимся эскизам и фотографиям попробуем коротко охарактеризовать их.

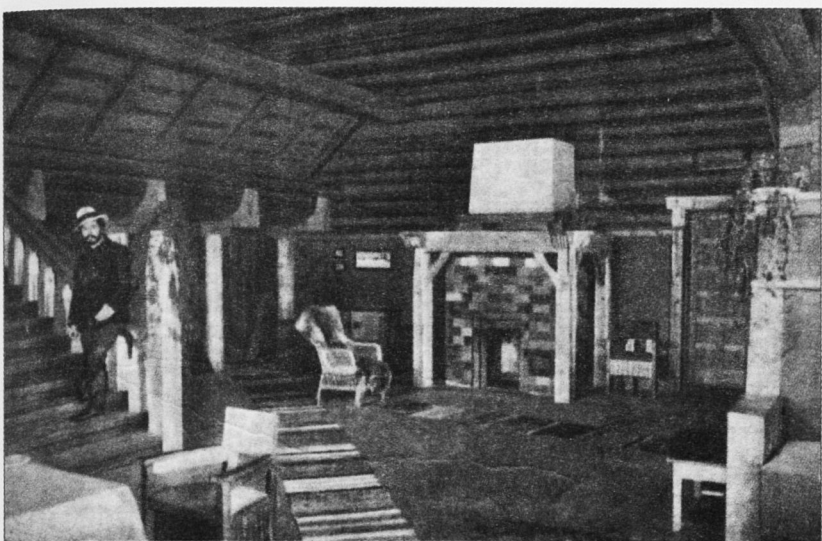
«На пятнадцать комнат было двадцать печей», – вспоминал Вадим Андреев, а Вера Андреева беспристрастно отмечала: «Наверное, Дрюнечка, как папа ласково называл шурина (А. Оля. – *A.P.*), не слишком успешно справился со своей задачей, потому что потолок папиного кабинета обрушился еще во время постройки, и его пришлось укреплять поперечными балками, тяжелая черепичная крыша протекала, башня очень скоро покосилась, и ее крен увеличивался с каждым годом. [...] Пятнадцать комнат, огромные печи и камины поглощали невероятное количество дров – дворник Никанор полдня таскал большие охапки и с грохотом сваливал их перед прожорливыми топками печей. Тем не менее многие комнаты оставались сырыми и холодными». Об этом же пишут Вадим Андреев: «Зимой все эти печи съедали больше сажени дров ежедневно, но в мороз в комнатах было холодно, по утрам в умывальниках замерзала вода и лопались трубы водопровода», и Корней Чуковский: «Он любил огромное. Его огромный

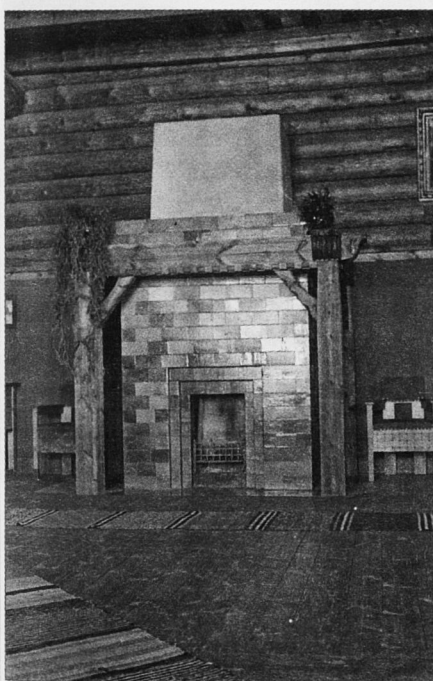
А.А. Оль. Проект холла на 1 этаже дома Л.Н. Андреева

камин поглощал невероятное количество дров, и все же в кабинете стоял такой лютый холод, что туда было страшно войти. Кирпичи тяжелого камина так надавили на тысячепудовые балки, что потолок обвалился, и в столовой нельзя было обедать.

В самом большом помещении первого этажа — столовой, оформление которой очень напоминает интерьеры холла дачи Эл. Сааринена в Виттреске, камин был, по словам Вадима Андреева «серо-зеленый, цвета морской воды, грандиозный, величиною с доменную печь, с деревянными колоннами по углам. Впрочем, в столовой кроме камина были еще две печки — одна серо-зеленая и другая темно-красная с длинной уютнейшей лежанкой». Камин, как и весь интерьер холла, проектировал А. Оль, о чем свидетельствуют сохранившиеся проектные эскизы архитектора. На старых фотографиях хорошо заметны матовые отблески глазурованных изразцов камина. О месте изготовления этих изразцов можно сделать вывод на основе анализа происхождения каминов в кабинете и библиотеке писателя.

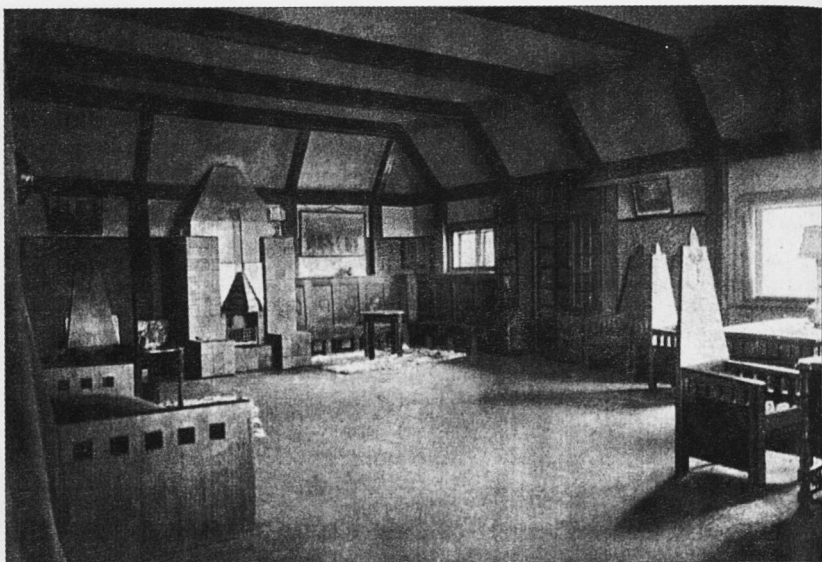

Столовая. Слева на лестнице — Л.Н. Андреев

В кабинете Л. Андреева, располагавшемся на втором этаже над столовой был, по воспоминаниям Вадима, «зелено-голубой камин». Нетрудно заметить, что трапециевидная форма камина соответствует трапециевидной форме потолка, дивана и кресел. Но самое замечательное, что авторский эскиз А. Оля этого камина мы встречаем в рекламном издании художественно-керамического производства «Гельдвейн-Ваулин», что позволяет судить о месте изготовления его керамического декора. «Художественно-керамический декор».

Камин в столовой

Кабинет Л.Н. Андреева

*Бильярд. Арх. А. А. Ош.
Дача Л. Андреева.*

Декоративка.

XIV

*Рекламный эскиз камина
в кабинете*

*Бильярд.
П. К. Воруль.*

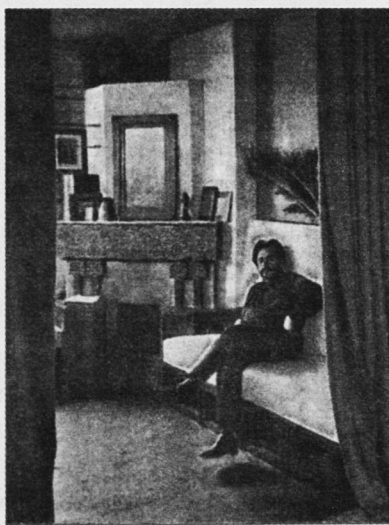
*Воспалка
П. К. Воруль.*

XXXV

*Рекламный эскиз камина
в библиотеке*

ственно-керамическое производство «Гельдвейн-Ваулин» было основано в 1906 году в Кикерино (Губаницкая волость Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии) выдающимся художником-керамистом П.К. Ваулиным (1870–1943), получившим к тому времени международное признание за камин по эскизу М. Врубеля, созданный для Всемирной выставки 1900 года в Париже. Майолики, изготовленные в Кикерине, и поныне украшают многие здания Петербурга и других городов нашей страны. В кикеринских мастерских был налажен и выпуск изразцовых облицовок печей и каминов. В уже упоминавшемся рекламном издании мы находим выполненный самим П.К. Ваулиным эскиз еще одной каминной печи, находившейся в библиотеки дачи Л. Андреева. Рельефный декор этой «темно-зеленой», по воспоминаниям, печи в стиле национального романтизма, не так строг, как у камина в кабинете и камина в комнате жены писателя. Как вспоминал Вадим Андреев, «в кабинете Анны Ильиничны – серая громада, грозившая провалить пол и обрушиться в детские». Каминная печь в комнате жены, похожая по форме и декору на камин в кабинете, проектировал А. Оль, о чем свидетельствуют авторские эскизы этой печи. В рабочих альбомах архитектора обнаруживаются и проекты печи в детской комнате. Нельзя не согласиться с исследователями творчества зодчества в выводе о том, что «его рабочие альбомы – свидетели повседневных упорных исканий геометрически четких обобщенных форм каминов и мебели».

Дети писателя, естественно, не забыли про печи в детских комнатах. «Последнее, – вспоминает Вера, – что я вижу, засыпая, это печь – большая кафельная печь, занимающая весь угол комнаты. Она светлая,

Библиотека

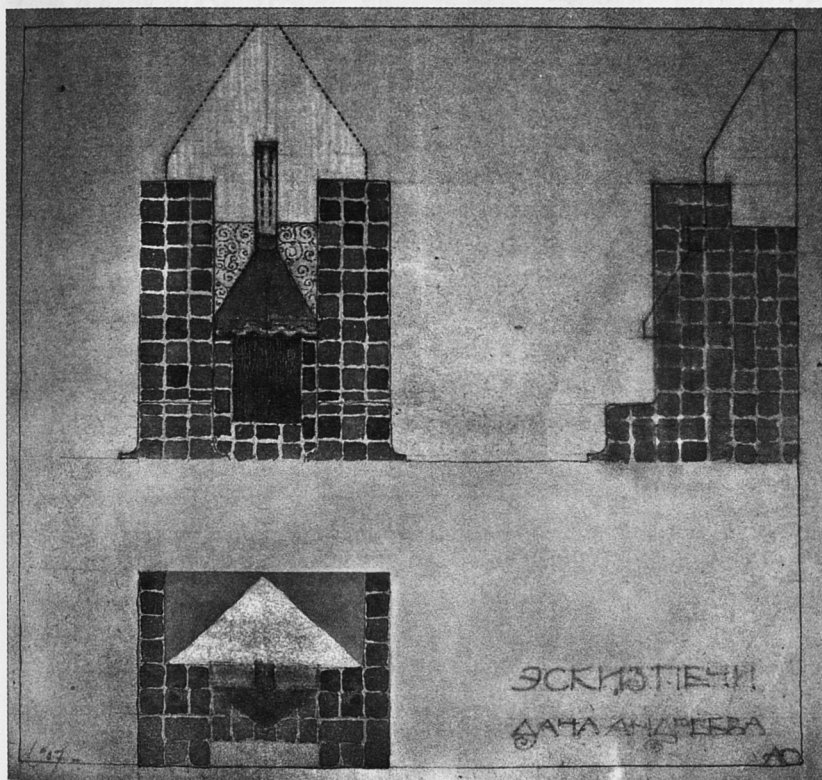

Комната А.И. Андреевой, жены Л.Н. Андреева

красивая, наверху цыплята – ярко-желтые, веселые, – идут себе друг за дружкой по зеленому полю». Вадиму в детских запомнились «белые гляцевитые кафели с вытравленными по краям черными рисунками – схематические вороны, деревья, человечки». Об остальных печах в доме мы также можем судить по их краткой характеристике, данной сыном писателя: «Такими же белыми блестящими кафелями были покрыты печи у отца в спальней, в

бабушкиной комнате, в людских и в наших с Ниной комнатах... В передней и в гимнастической — голубые, матовые, во всю стену, тяжелые печи. Синяя печка в башенной». О некоторых из них мы можем получить представление по цветным фотографиям, сделанным самим Л. Андреевым, которые были опубликованы в 1989 году в Англии хранителем архива Андреева Ричардом Дэвисом.

Не вызывает сомнений, что все перечисленные «кафели», как и изразцы каминов в кабинете и библиотеке писателя, были исполнены в кикеринских мастерских, отличительной чертой продукции которых как раз и являлась матовость изразцов. То есть, мы можем сделать вывод, что интерьеры дачи Л. Андреева на Черной речке украшал единственный в своем роде на Карельском

А.А. Оль. Проект печи в комнате жены А.И. Андреевой

перешейке, настоящий ансамбль высокохудожественных печей и каминов по проектам А.А. Оля и П.К. Ваулина, изготовленных в художественно-керамическом производстве «Гельдвейн-Ваулин».

К сожалению, время не пощадило дачу писателя и его печи и камины. Стоя у недавно установленной памятной доски на месте утраченного дома, невольно вспоминаются написанные о нем строки Бориса Зайцева: «И нет Финляндии. Нет майоликовых отделок, матовых кубов, нет модерна».

Источники

Андреев В.Л. Детство. М. 1966;

Андреева В.Л. Дом на Черной речке. М. 1974;

Архитектор Андрей Андреевич Оля. 1883–1958. Графика и документы в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Спб. 2008;

Быкова Г.Д. Андрей Оля. Л. 1976;

Зайцев Б.К. Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. Собр. Соч: В 5 т. Т.6 (доп.). М. 1999;

Оля А.А. Выставка архитектурных и художественных работ. Л. 1959;

Художественно-керамическое производство Гельдвейн-Ваулин. СПб. б. г.;

Автор благодарит А.Е. Браво, Р.М. Даянова, С.В. Ренни за предоставленные иллюстрации

И.Ю. Медведева

Ученик И.Е. Репина Алексей Иванович Фюк

А.И. Фюк (1888/1889–1942), иконописец и бывший послушник Валаамского монастыря, проживал в «Пенатах» в 1910-м и 1912–1913 годах и был на тот период единственным учеником Ильи Ефимовича Репина. Его имя до настоящего времени лишь упоминалось в литературе о великом русском художнике, но поскольку этот таинственный персонаж усадьбы «Пенаты» приходится мне прадедом, я решила составить по возможности развернутую историю его жизни.

Сознавая, что на его долю выпала редкая удача, Алексей Фюк писал своему учителю в 1911 году с места воинской службы: «...горжусь тем, что возымел случай, как великий дар, Богом ниспосланный, иметь с Вами такой близкий союз». Действительно, тех, кто хотел учиться у Репина, было так много, что его мастерская в Академии Художеств, где он преподавал с 1894 по 1907 год, не могла вместить всех желающих. Многим приходилось отказываться. И.И. Бродский (1884–1939) вспоминал, как в 1903 году, не смирившись с отказом, он дождался Илью Ефимовича на лестнице его профессорской квартиры и просил разрешения «работать в любом уголке».

Репин тогда находился в расцвете своей славы и был кумиром молодого поколения художников. Классик русской реалистической живописи был слишком велик для педагога. Под его

*Послушник Алексей Фюк (слева) на острове Валаам.
1906–1908 гг.*

началом будущие художники проходили высшую школу мастерства. Его излюбленным методом обучения были показательные сеансы и одновременная работа с учениками. Главное, он умел угадывать индивидуальность каждого и бережно охранять ее. Поэтому самые талантливые репинские ученики (Ф.А. Малявин, К.А. Сомов, Б.М. Кустодиев, И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь, А.П. Остроумова-Лебедева, И.И. Бродский, Н.И. Фешин) пошли каждый своим, отличным от учителя путем. Некоторые продолжили обучение в художественных центрах Европы – Париже и Мюнхене. В 1894–1998 годах Репин преподавал в частной Тенишевской студии, атмосфера в которой ему нравилась больше, чем в Академии. Среди учеников студии были З.Е. Серебрякова, С.В. Чехонин, Ю.И. Репин. Частные уроки Репин давал крайне редко. Например, со своим самым первым учеником – юным Валентином Серовым (1865–1911) Илья Ефимович начал заниматься, поскольку хорошо знал его мать В.С. Серову и покойного отца – композитора Александра Николаевича Серова. Исключением из правила были уро-

ки Репина с Е.Н. Званцевой (1864–1921), которой он был увлечен как женщиной (1889 – начало 1890-х годов). Позднее она открыла две частные художественные школы в Москве (1899) и в Петербурге (1906).

Закончив в 1907 году с официальной педагогической деятельностью, Репин продолжал поддерживать начинающих художников, если признавал у них талант. Друг и сосед Ильи Ефимовича Корней Иванович Чуковский (1882–1969), который заглядывал в «Пенаты» с 1909 по 1917 год почти ежедневно, выделял троих репинских учеников – А.И. Фюка, А.М. Комашку и М.А. Вербова. О двух последних следует сказать несколько слов.

Антон Михайлович Комашка (1897–1970) – земляк Репина, родом из Харьковской губернии проживал в «Пенатах» с мая 1915 по апрель 1918 года, проучившись до этого год в Харьковском художественном училище. Когда молодой человек был призван на фронт (1917), Илья Ефимович позаботился, чтобы его ученик попал не в действующую армию, а в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве военным корреспондентом. Там Комашка работал над портретами генералов М.В. Алексева и А.А. Брусилова. В начале 1920-х годов он поступил на Петроградский фарфоровый завод под руководство С.В. Чехонина, но вскоре вернулся к себе на родину в Харьков. Он оставил об учителе довольно обширные воспоминания «Три года с Репиным».

Примером жизненного успеха может служить судьба Михаила Александровича Вербова (1896–1996), который снимал дачу в Куоккале с 1914 по 1917 годы и часто заходил к Репину. В 1916-м Илья Ефимович даже разрешил ему поселиться в «Пенатах». Сын аптекаря, Миша Вербов, приехал из Ташкента и сначала поступил на юридический факультет Петербургского университета. Вскоре он стал вольнослушателем в Академии художеств. По словам Чуковского, это был «юноша очень напористый, честолюбивый, упрямый, с крепкой житейской хваткой». В 1923 году он окончил ВХУТЕМАС по классу Д.Н. Кардовского, также ученика Репина, а в следующем году эмигрировал в Германию. Он жил во Франции, в Италии, а с 1933 года – в Нью-Йорке. Еще в 1920-е годы Вербов встал на путь модного светского портретиста. На протя-

жении своей долгой жизни он создал портретную галерею выдающихся деятелей русской и мировой культуры, королей и президентов. Его работы хранятся в музее Метрополитен в Нью-Йорке, в Национальной галерее в Вашингтоне, в Прадо в Мадриде.

Совсем по-другому сложилась судьба художника Алексея Ивановича Фюка, самого загадочного персонажа из окружения И.Е. Репина, поскольку его работы имели свойство загадочным образом исчезать. Что-то было утрачено в годы мировых войн, что-то было подарено или продано. Последний сохранившийся портрет зятя художника пропал в 1990-е годы. К тому же Фюк занимался копированием, а значит, не ставил подписи. В музее «Пенаты» имеется копия репинского портрета Л.Н. Толстого в яблоневом саду (1912), которую он начал писать в 1913 году, но завершил работу уже сам Репин. В том же году Фюк по просьбе Репина сделал копию его портрета В.М. Бехтерева (1913, ГРМ), которая находится в музее НИПНИ им. В.М. Бехтерева в Петербурге.

Алексей Иванович Фюк родился в крестьянской семье в деревне Буряжки Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии и прошел обучение в иконописной мастерской. В то время это была единственная возможность для человека низшего сословия стать художником. В «Пенатах» он появился примерно в 1909 или 1910 году, после пребывания на Валааме с 1906 по 1908 годы. Как произошло знакомство учителя и ученика, осталось тайной. В журнале «Солнце России» за 1914 год есть краткий рассказ о жизни Алексея Фюка, записанный с его же слов. Там говорится о том, что, не выдержав строгого монастырского распорядка, он отправился путешествовать по России и, наконец, оказался в Финляндии. В 1926 году И.Е. Репин в письме Фюку вспоминал: «Вы пришли ко мне форменным босяком и служили у меня искусству верой-правдой». Глубоко верующий Алексей все объяснял Божьей волей. «Сам Господь послал меня в обучение к Учителю, «Богу надо было, чтобы я в зрелом возрасте попал под покровительство великого русского художника». Пребывание в монастыре настолько отразилось на его манере излагать мысли, что в 1929 году Илья Ефимович сказал своему сыну Юрию, что Алексей Иванович «может любого

проповедника за пояс заткнуть». И.Е. Репин, сын бедного военного поселенца, сам начинал свой путь в искусство с иконописной артели. Он радовался каждому новому дарованию, вышедшему из народа, и по-отечески оказывал ему всяческую поддержку. В Академии Художеств его учениками крестьянского происхождения были Ф.А. Малявин и Н.П. Богданов-Бельский.

Итак, И.Е. Репин приютил у себя талантливую и набожную юношу с благообразной внешностью Алеши Карамазова. Тот, в свою очередь, стал его «покорным работником, верным слугой и ревностным учеником». Он был помощником художника и в мастерской, и в хозяйстве: мыл кисти, чистил палитры, топил камин, работал в саду, зимой убирал снег.

С февраля 1911 года до лета 1912 года Алексей служил в Нарве в составе 92-го Печорского пехотного полка. Весной 1911 года И.Е. Репин, находясь в Риме на Всемирной выставке, получил от «бывшего ученика, а в настоящее время солдата» письмо, с просьбой о поддержке и сожалением, что приходится тратить дорогое время на «ненавистную науку». Репин ответил прямо из-за границы и даже написал в полковую канцелярию. Магия его имени подействовала. Фюк был частично освобожден от строевой службы и обрел особый статус художника. Он работал в полковой церкви – выполнял росписи и иконы для иконостаса. Для рот полка он писал портреты императора Николая II в мундире Лейб-гвардии Гусарского полка, а также императрицы Александры Федоровны и наследника в форме Беломорского полка. Он создал декорации в зале офицерского собрания и сделал несколько копий картин на продажу. К сожалению, все это было утрачено еще в Первую мировую войну. Не сохранилась и полковая церковь во имя св. Александра Невского. На протяжении полутора лет Илья Ефимович исправно удовлетворял многочисленные просьбы своего ученика, которого он с тех пор называл «солдатиком». Он отправлял ему посылки с одеждой, обувью, красками, высылал деньги. С лета 1911 года Фюк брал частные уроки, чтобы в краткий срок закончить восемь классов гимназии и расходы опять взял на себя Репин.

Алексей обращался в письмах не только к Репину, но и к его жене Наталье Борисовне Нордман (1863–1914). Так, в апреле 1912

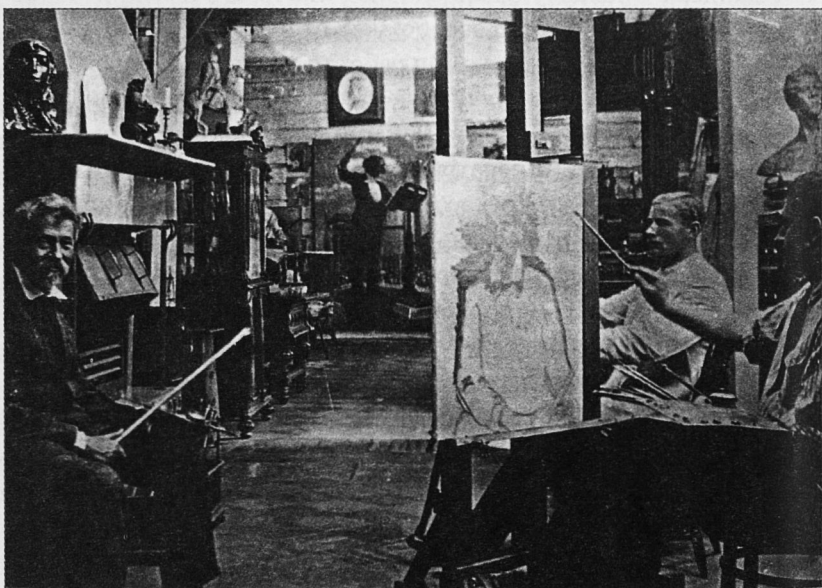

*А.И. Фюк занимается
закаливанием*

года он сообщил, что стал вегетарианцем и организовал в полку соответствующий кружок, поэтому просил прислать ему литературу о вегетарианском питании.

Самое яркое, насыщенное событиями время своей жизни – вторую половину 1912-го и 1913 год Алексей Фюк проводит в «Пенатах», разделяя заведенное Натальей Борисовной вегетарианство и закалывание. В 1914 году в журнале «Солнце России» была помещена фотография, на которой Фюк предстает босиком на снегу во время физических упражнений.

В тот период частыми гостями репинских сред были писатели Л.Н. Андреев и В.Г. Короленко, основатель

И.Е. Репин позирует Ю.И. Репину и А.И. Фюку. 1912 г.

Психоневрологического института В.М. Бехтерев. Ближайшее окружение Репина составляли К.И. Чуковский и И.И. Бродский. Разумеется, все они позировали Илье Ефимовичу. Он едва ли мог провести «продолжительное время с каким-то человеком без того, чтобы не зарисовать его». В августе 1912 года Репин сам позировал своим ученикам. Есть фотография, на которой запечатлен сеанс одновременной работы А. Фюка, Ю. Репина и И. Бродского над портретом Ильи Ефимовича (работы И. Бродского и Ю. Репина сохранились).

Важным событием для Фюка стала его поездка с Репиным его сыном Юрием, Чуковским и Бродским в Гельсингфорс летом 1912 года. В этом «уголке Европы» они «очень хорошо провели время» и посетили музей «Атенеум».

В сентябре 1913 года Репин сообщил Чуковскому, что «Алексей Иванович недавно сподобился обручению. Весь обряд и мы тут с дьяконом и попом состояли. В это же время Алексей отправил своим родителям фотографию, на которой он сам, его невеста Мария Даниловская, теща и Репин сняты у колодца «Посейдон». На изображении мы видим элегантного молодого человека в широкополой шляпе, довольного собой и своим окружением. Будущее тогда представлялось ему исключительно в радужных картинах. Никто тогда не предполагал, какие катастрофы принесут последующие годы жителям России. Однако событие, круто изменившее судьбу Алексея Фюка и перечеркнувшее его прежние достижения, произошло еще раньше, в конце 1913 года.

Алексей подружился с Юрием Репиным (1877–1954), который жил в доме «Вигвам», буквально в двух шагах от дома его отца. В 1905 году Юрий закончил обучение в Академии Художеств и женился на Прасковье Андреевне Андреевой, в прошлом домработнице в профессорской квартире Репина в Петербурге. Этот неравный брак весьма огорчил Илью Ефимовича, который «стремился к продвижению вверх, в образованные слои общества». Многие считали Юрия странным человеком, но с Алексеем у него оказалось немало общего. Оба признавали друг у друга талант художника, оба отличались религиозностью, оба чувствовали свой недостаток образования рядом с известными представителями

*И.Е. Репин,
А.И. Фюк,
его невеста
М. Данилов-
ская и гости
у артезиан-
ского колодца
«Посейдон»
в «Пенатах».
Сентябрь
1913 г.*

науки и искусства, которые собирались в «Пенатах» за знаменитым круглым столом.

В доме у Юрия проживала хорошенькая 15-летняя племянница его жены Ольга. Из-за связи Алексея с этой несовершеннолетней девочкой и разразился скандал, виновник которого лишился руководства Репина и вынужден был к своему великому сожалению покинуть Куоккалу. Покровительница девочки Прасковья

Две известные фотографии, сделанные в «Пенатах». На них виден и А.И. Фюк, о чем раньше не упоминалось. Слева: И.Е. Репин и Н.Б. Нордман с гостями на ступеньках «Шехерезады». Предпоследний слева – А.И. Фюк. 20 июля 1912 г. – день именин И.Е. Репина. Внизу: В столовой «Пенатов» после чтения пьесы Л.Н. Андреева «Не убий». На заднем плане крайний слева А.И. Фюк. 18 сентября 1913 г.

Андреевна не только сообщила о случившемся Репину, но и подала на Алексея в суд. Первое время Алексей надеялся обвенчаться с Даниловской и восстановить прежние отношения с учителем. Осознав, что навсегда потерял невесту из зажиточной семьи торговцев и покровительство знаменитого художника, он от отчаяния уезжает в Киев с целью «освежить свою совесть, переменить образ жизни и там продолжить работать». Находясь в чужом городе без денег, он обратился за помощью к соседу Репина виолончелисту Андрею Цезаревичу Пуни. Тот послал ему 20 рублей, которых хватило на обратную дорогу, и строгий выговор. Наставления Пуни подействовали. В январе 1914 года Фюк пришел к единственно правильному, как ему казалось, решению – жениться на обиженной им девочке. Он написал Репину, что оставляет «лживый путь» и вступает в «семейную нравственную жизнь», но, соединив свою жизнь с необразованной бесприданницей, он не мог рассчитывать на возвращение в «Пенаты». Даже спустя десять лет в письме к Чуковскому Репин вспоминает Алексея фразой: «... в какого подлеца этот произошел? А ведь тоже хороший мастер вышел».

В октябре 1914 года Ольга родила Алексею дочь, которую он, как художник, назвал – Муза. Однако в творческой жизни муза покинула его на целых 12 лет. Сначала Алексей обосновался в Петрограде. В период революции и гражданской войны, спасаясь от голода и разрухи, он с семьей возвращается в родную деревню. В 1919 году родилась вторая дочь, Галина, что еще дальше отодвинуло возможность заняться искусством. В Петрограде во времена нэпа бывший художник становится пролетарием. В письме своему учителю Репину Фюк с тоской и болью высказал горькую правду о себе: «Многие души есть, в которые сам Бог засеял добрые семена различных дарований... и поручил им Бог...приобретать талант на талант. Но некоторые из душ в борьбе за существование, в борьбе с наследственными инстинктами страстей...позволили божьим зернышкам таланта попасть в песок сухой бесплодный по своему малодушию и лености лукавой. От них первый есть я».

Судьба дала ему еще один шанс стать художником. В августе 1926 года в Ленинград после восьми лет отсутствия приезжа-

*А.И. Фюк,
его жена
О.И. Фюк
и дочь Муза.
1915 г.*

ет Юрий Репин. Он остановился у И.И. Бродского, но, конечно, зашел в гости к Алексею Фюку. Эту теплую дружескую встречу Юрий еще долго будет вспоминать. Алексей в свою очередь счел второе появление в его жизни Юрия Репина благосклонностью высших сил: «Ангел Божий, который был послан в мой семейный очаг в лице Юрия, напомнил мне про таланты и дары Божии. Молитва моя была услышана, и всем моим исканиям пришел конец». Юрий, а по его просьбе и Илья Ефимович помогли Алексею своими рекомендациями вновь влиться в художественную жизнь.

В сентябре 1926 года Фюк пишет первое после большого пере-

рыва письмо Репину. В нем он помимо речи о зернах таланта сравнивает свою жизнь с притчей о блудном сыне. Илья Ефимович в ответном письме дает понять, что не забыл о том, что произошло в 1913 году «Любезнейший Алексей Иванович! У Вас превосходные способности в искусстве и вы, как уже много искушенный в подвигах не прозевайте! Ваши работы обещают. Портреты ваши ждет справедливый успех. Желаю вам успеха, который вы вполне заслуживаете. Ваш учитель Илья Репин». Окрыленный поддержкой учителя Алексей отвечает: «Теперь я, как возрожденный, получивший новый приток сил... Я поступил в студию АХРР... на вечерние занятия. Я решил под руководством хороших учителей подкрепить себя в рисунке, а также и в живописи, а то я за время войны, революции и разных других причин отстал. В Академию я не мог попасть в виду семейных обстоятельств, так как невозможно существовать на стипендию 22 рубля. Надеюсь начать писать давно вросшие в мою душу картины, которые я обязан проявить».

Период художественного бездействия Фюка совпал с затянувшимся кризисом традиционного реалистического искусства и расцветом русского авангарда. Это время параллельного существования большого количества группировок и педагогических систем, поощрявших эксперименты с формой (школы К.С. Малевича, К.С. Петрова-Водкина, М.В. Матюшина, П.Н. Филонова). Представители авангарда, воодушевленные идеей создания нового революционного искусства, с энтузиазмом начали сотрудничество с советской властью. Однако к 1926 году стало очевидно, что «левое» искусство не находит опоры в массовом эстетическом сознании. Художественная политика советской власти начинает меняться. Власть перестает сотрудничать с «левыми». Укрепляются позиции самого многочисленного творческого объединения с броским названием Ассоциация художников революционной России – АХРР. В его декларации было записано: «Мы изобразим сегодняшний день: быт Красной Армии, быт рабочих, крестьянства, деятелей революции и героев труда». По сути, объединение стояло у истоков соцреализма и стало предтечей будущего союза художников СССР.

Именно в студии этого объединения Фюк занимался в 1926–1927 годах. По мнению Репина по составу художников студия стоила Академии. Из числа преподавателей выделялись М.В. Авилов (1882–1954), Е.М. Чепцов (1874/1875–1950) и А.Р. Эберлинг (1872–1951), которые в 1930–1940-е годы действительно стали преподавать в ЛИНЖСА. М.В. Авилова Репин в письме Фюку отметил особо: «очень талантлив. Он превосходно komponует картины и в будущем он еще себя покажет». Репин оказался прав. Позднее Авилов прославился работой «Поединок Пересвета с Челубеем» (1943, ГТГ). Е.М. Чепцов – автор «Заседания сельской ячейки» (1924) и других хрестоматийных картин на тему социалистического строительства. А.Р. Эберлинг – блестящий портретист салонного толка, в прошлом ученик Репина. В списке его дореволюционных работ портреты членов царской семьи, в советский период – портреты Ленина и Сталина. В целом, студия, где преподавали выпускники Императорской Академии, прошедшие классическую систему подготовки, больше соответствовала консервативным вкусам Алексея Фюка, чем новаторские открытия «левого» искусства. Малевич еще в 1924 году писал: «Художники АХРР бытописатели и изобразители события, левые же художники – сами творцы этого быта и участники революционных событий».

Однако даже после занятий в студии Фюк, который и раньше демонстрировал недостаток целеустремленности, не сумел вписаться в советскую художественную жизнь. Слишком религиозный, он был бесконечно далек от участия в создании нового революционного искусства и не рвался пропагандировать советскую власть, как это делали члены АХРР. Алексей решил сосредоточиться на том, что у него получалось и раньше – на портретном жанре. В 1928 году он сообщает Юрию Репину, что работает на заводе и лишь иногда выполняет портреты на заказ. То есть, несмотря на мастерство, которое неоднократно подтверждал Репин, Фюк остается художником-любителем без мастерской и нередко без денег на краски и холст.

В сентябре 1930 года умирает И.Е. Репин. Страстный коллекционер И.И. Бродский заинтересован в возвращении в Рос-

сию Юрия Ильича – одного из наследников творчества великого художника. 25 ноября 1930 года Бродский пригласил к себе в мастерскую Алексея Фюка, который, как известно, вел с Юрием дружескую переписку. Сначала Исаак Израилевич показал свою коллекцию, подвел Алексея к работам Юрия Ильича, начал разговор о живописи и в конце беседы попросил написать Юрию письмо с советом переехать в Ленинград. Алексей немедленно отправил в Куоккалу послание. Очевидно, он и сам хотел возвращения друга. В его письме есть обещание, что художественных заказов здесь «будет предостаточно». Есть и отрывок в духе советской пропаганды: «Во имя правды, во имя освобождения трудящихся наших братьев всего мира от гнета и рабства капитализма я прошу Вас как честного работника искусства, вернитесь в свою родную семью трудового люда». Для Юрия уже тогда началась цепь трагических событий, когда один за другим уходили из жизни близкие ему люди. Он так и не приехал, но Алексей навсегда остался благодарным этому человеку за поддержку в 1926 году. В 1935 году Фюк дал имя Юрий появившемуся на свет внуку (сыну дочери Музы и моему отцу).

Визит к И.И. Бродскому – официальному художнику советской власти и основоположнику соцреализма, не прошел для Фюка бесследно. В 1930-е годы Фюк подрабатывал в его мастерской. Бродский по заказу советского государства продолжает работать над циклом масштабных историко-революционных картин («Выступление В.И. Ленина на проводах частей Красной Армии на польский фронт 5 мая 1920 года» 1933 г., «Демонстрация на проспекте 25 Октября» 1934 г.) и над портретами руководителей партии и правительства. Все это предназначалось для массового тиражирования и пропаганды. К.И. Чуковский посетив однажды мастерскую художника, записал в дневнике, что увидел несколько дюжин одинаковых картин и портретов, которые выполняют копировальщики, а Бродский чуть-чуть подправляет копии и ставит на них свою фамилию. Таким образом, творческая жизнь оказалась для Фюка замкнутым кругом. Он начинал с икон, с церковной росписи, с портретов Николая II, а закончил портретами коммунистических вождей.

Он оказался идеальным подмастерьем. Он был таковым у Репина – самого знаменитого художника дореволюционной России, а в 1930-е – у репинского ученика, Бродского, который тогда стал настолько влиятельным, что в 1934 году возглавил Всероссийскую Академию Художеств.

Судя по письмам И.Е. Репину, мысли, чтобы стать «образованным художником» и подобно своему учителю «служить человечеству» у него иногда появлялись. Но для этого у Алексея не хватало железной воли Бродского, сумевшего добиться особого расположения власти, не было и подвижничества мастеров «левых» течений, которые в тяжелой для них атмосфере 1930-х продолжали честно работать, не рассчитывая ни на выставки, не на материальный успех. Видимо, еще с тех пор, как он чудесным образом стал учеником Репина, Алексей продолжал наивно верить в божий промысел. Вместо того чтобы совершенствовать мастерство, он совершил нелепую ошибку в 1913 году. Неверным решением был и отказ учиться в Академии Художеств в 1926-м из-за денежных проблем. Проблемы с деньгами остались, равно как и нереализованные способности, а также привычка плыть по течению и все откладывать на потом. Особенно обидно перечитывать письмо И.Е. Репина Фюку с замечательными словами поддержки: «Действуйте, действуйте, не захолаживайте, разрабатывайте ваши эскизы. Помните, на Валааме вы были подвижником. Вот и здесь в студии старайтесь сделаться подвижником! Не заленитесь. Вы сами будете рады, когда ваш талант начнет идти вперед. Желаю Вам успеха и надеюсь, вы поднимите свое имя на должную высоту. Ваш учитель Илья Репин».

После смерти Бродского в 1939 году Фюк занимался искусством урывками. Его внук Юрий вспоминает, как дед приводил на квартиру хорошеньких женщин, которые позировали ему, а затем получали созданные портреты в дар, что, конечно вызывало недовольство и упреки жены.

Алексей Фюк умер от голода в первую и самую страшную блокадную зиму – 6 февраля 1942 года. Волею судьбы в то же самое время в Ленинграде скончался другой репинский ученик И.Я. Билибин, но в отличие от знаменитого иллюстратора рус-

ских сказок, А.И. Фюк так и остался лишь учеником Репина. Его биография как в зеркале отражает смысл репинского напутствия ученикам о том, что одной природной одаренности в искусстве недостаточно: «И при гениальном таланте только великие труженики могут достичь в искусстве абсолютного совершенства форм».

При создании статьи использованы материалы Научного Архива Российской Академии Художеств и личный архив автора.

Е.М. Травина

К биографии архитектора Г.В. Барановского

В поселке Комарово (б. Келломяки) Курортного района Санкт-Петербурга находилась дача архитектора Гавриила Васильевича Барановского. Она была разрушена в конце Второй Мировой войны, но от парковых построек сохранились двухъярусная терраса, встроенная в обрыв, пруд в виде палитры художника и беседка. Облик виллы сохранился на нескольких фотографиях, что касается портрета самого Барановского, то известен пока лишь один, опубликованный на страницах «Юбилейного сборника сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров», изданного в 1893 году.

Несмотря на значимость для Петербурга построек, возведенных по проектам Григория Васильевича Барановского, работ, ему посвященных, ничтожно мало.¹

Чем можно это объяснить?

Негативным отношением к эклектике и модерну, сложившемся в советской архитектурной школе? Неоднозначным отношением к самим постройкам Барановского? Противоречивостью его личности? Выпадением из «архитектурного процесса» в первые

¹ Архитекторы-строители Петербурга-Петрограда начала XX века. Каталог выставки. Л., 1982. С. 21–22; Кириков Б.М., Федоров С.Г. Зодчий-энциклопедист. О творческом пути архитектора Г. В. Барановского // Ленинградская панорама, №2, 1984. С. 29–32; Горюнов В.С., Таратынова О.В. Новое о творчестве архитектора Г.В. Барановского // Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. Л., 1985. С. 83–88; Горюнов В.С., Исаченко Н.В., Таратынова О.В. Гавриил Барановский // Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века. СПб, 1998. С. 609–627.

годы советской власти? Создается впечатление, что после 1917 года человек как будто испарился. Вот он был – действующий архитектор, непреременный участник различных комиссий, преподаватель, редактор-издатель журналов, составитель «Архитектурной энциклопедии». И вот его нет. То ли умер от голода в Петрограде, то ли расстрелян в дни «красного террора», как было написано в статьях и в Википедии. И почти забыт.

Почему Барановский оказался не интересен профессиональному сообществу на протяжении почти семидесяти лет – это отдельная тема для историков архитектуры. Мы же попробуем напомнить малочисленные известные факты его биографии и вести новые, недавно найденные.

О ранних годах Барановского и времени его обучения в Институте гражданских инженеров лучше всего рассказывает автобиографическая справка в Юбилейном сборнике ИГИ, личные дела вольнослушателя Императорской Академии художеств и учащегося строительного училища Гавриила Барановского, а также документы, имеющиеся в деле «Об определении гражданского инженера Барановского архитектором при глазной лечебнице». Более поздние биографические сведения находятся в деле его сына, Василия Гавриловича Барановского, в фонде Петербургской консерватории.² Последние по времени сведения – в приходских книгах Духовской церкви в Келломяки (Национальный архив Финляндии).

Гавриил Васильевич Барановский родился в Одессе 25 марта 1860 года. Его отцом был дворянин, коллежский асессор Василий Иванович Барановский, матерью – дочь подполковника Розалия Константиновна Малиновская. Кроме Гавриила у них были сыновья Георгий (1855) и Марк (1861), а также дочь Антонина (1858).³ Аттестат, основанный на формулярном списке В.И. Барановского, оканчивается 1866-м годом. Можно предположить, что он вскоре скончался. Как и когда – предстоит еще выяснить.

² Дело Строительного училища МВД об учащемся Гаврииле Барановском. ЦГИА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 39. С. 1. Об определении гражданского инженера, титулярного советника Гавриила Барановского архитектором при глазной лечебнице. ЦГИА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 170 и ЦГИА. Дело Барановского В. Г., 1914 г. Фонд Императорской консерватории. Ф. 361. Оп. 3. Д. 11.

³ Личное дело Барановского Гавриила Васильевича. РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 160. Док. № 2.

Первоначальное образование Барановский получил в кишиневской гимназии, а затем в 5-м и 6-м дополнительном, классах Одесского реального училища св. Павла. В 1880 году он поступил вольнослушателем на архитектурное отделение Академии художеств в Санкт-Петербурге, но вскоре был отчислен за политическую неблагонадежность. В день казни членов организации «Народная воля» Барановский, согласно доносу на него, «...среди собравшегося народа в ожидании смертной казни государственных преступников высказал окружавшей его публике и солдатам Лейб-гвардии Семеновского полка сожаление и сочувствие к осужденным, при чем, хотя не вдавался по этому предмету в особенные объяснения, но выражал симпатии свои к идеям революционеров».⁴

Это «сожаление и сочувствие» стоило ему «отобрания билета» на право держания экзамена в Академию художеств. Правда, могло быть и хуже – всё же это был не «волчий билет». Спустя полгода после отчисления из Академии художеств, в июле 1881 года Барановский подал прошение о допуске к приёмному экзамену на 2-й курс Строительного училища (которое в 1882 году в результате реорганизации получило название Институт гражданских инженеров).

Жительство на прошении указано следующее: Санкт-Петербург, 8-я Рота Измайловского полка, д. № 8, кв. № 2. Резолюция на прошении гласила, что Барановский зачислен в число учащихся 2-го курса 28 августа 1881 года, что было утверждено г. Министром Внутренних дел 1 сентября того же года.⁵

Немедленно по зачислении начались проблемы с оплатой обучения: уже с 16 сентября того же года ему запретили посещение лекций. Барановский пишет ходатайство о назначении стипендии ввиду несостоятельности. Первое ходатайство было отклонено из-за того, что не были представлены свидетельства этой несостоятельности. Ко второму ходатайству были приложены удостоверение из Одесского реального училища (что

⁴ Личное дело Барановского Гавриила Васильевича. РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 160. Док. № 7. При этом надо отметить, что казнь народовольцев Квятковского и Преснякова состоялась утром 4 ноября 1880 г. у Иоанновского рavelина Петропавловской крепости.

⁵ Дело Строительного училища МВД об учащемся Гаврииле Барановском. ЦГИА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 39. С. 1.

воспитанник Барановский был освобожден от платы за право учения вследствие бедности) и свидетельство о несостоятельности его матери и невозможности для нее оплачивать обучение сына.

Последний документ интересен тем, что раскрывает ранее неизвестную страницу биографии будущего архитектора. В свидетельстве, подписанном в Управлении Одесского полицмейстера в 1882 году, мать Гавриила Васильевича названа вдовой греческо-подданного Диамантиди, бывшей вдовой Барановского. Таким образом, теоретически у Барановского могли быть кроме родных и сводные братья и/или сестры Диамантиди. Фамилия в Одессе была распространена, во всяком случае спустя полвека в списке греков, репрессированных советской властью на территории Одесской области в 1937–1938 годах, значится несколько человек по фамилии Диамантиди.

Второе ходатайство о назначении стипендии было удовлетворено, и Барановский получал стипендию все последующие годы обучения.

Еще одной проблемой студента Барановского была воинская повинность. Он был приписан к Петропавловскому призывному участку Одессы, и должен был туда сообщить о себе и своей семье сведения. Полгода его искало письмо из Одесского городского по Воинской повинности Присутствия и «нашло», наконец, в Строительном училище, когда он снова стал студентом и снова получил отсрочку. Правда, сразу же после выпуска снова посыпались письма из Одессы с требованием известить о его местонахождении. В последнем письме Барановский ставит в известность Одесское присутствие, что он намерен отбывать воинскую повинность вольноопределяющимся в Петербурге, о чем и будет официально сообщено в Одессу.

Но все эти хлопоты были досадными помехами главному – учебе в Институте. А успехи здесь Барановским были продемонстрированы отменные. На последних курсах он стажировался у архитектора П.Ю. Сюзора и профессора Д.Д. Соколова, который был о нем очень высокого мнения. Г.В. Барановский был выпущен в мае 1885 года с правом на чин X класса (коллежский секретарь), удостоен звания гражданского инженера и награжден серебряной

медалью за архитектурные проекты. Согласно тексту в свидетельстве об окончании Строительного училища (ИГИ.), «предъявитель сего, Гавриил Барановский... при отличном поведении оказал отличные успехи. Во время пребывания в Институте Гавриилу Барановскому в 1883 и 1884 гг. Советом присуждены награды за лучшие практические летние отчеты».⁶

Приказом по Министерству Внутренних дел от 12.7.1885 г. за №21 был определен на службу в Министерство. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 20 августа 1886 года за №3699 утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством с 3 июля 1885 года.⁷ В 1887-м откомандирован младшим техником по чертежной части при Техническо-Строительном комитете. Как младший техник Барановский получал жалованье 400 рублей, и к ним 200 рублей «столовых», то есть всего 600 рублей в год.

Как пишет в биографической справке сам Г.В. Барановский, «техническая деятельность... за это время, не считая нескольких мелких построек, ограничивалась ролью помощника — сначала у профессора архитектуры Э.И. Жибера (1886–1887. – *Е.Т.*), бывшего тогда архитектором Главного дворцового управления и заведовавшего группой придворных зданий у Прачешного моста, а затем (1888) — у инженера архитектора А.Ю. Новицкого при возведении им трех зданий больших мастерских на Балтийском судостроительном заводе в СПб».⁸

В 1888 году Барановский участвовал в конкурсе на составление проекта часовни-усыпальницы семейства Д.А. Поливанова. Он получил первую премию, и осуществил свой проект в Александро-Невской лавре. Первой большой самостоятельной работой стала постройка в 1889–1890 годах пятиэтажного доходного дома для Г.Г. Елисева.

В июне 1888 года Барановский был награжден орденом св.

⁶ Дело Строительного училища МВД об учащемся Гаврииле Барановском. ЦГИА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 39. С. 17.

⁷ Формулярный список о службе состоящего при Министерстве Внутренних дел младшего техника по чертежной части при техническо-строительном комитете гражданского инженера, титулярного советника Барановского. Составлен по: август 1891 г. //ЦГИА. Ф. 201. Оп.1. Д. 170. Л. 4.

⁸ Барановский Гавриил Васильевич. Автобиографическая справка //Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. С. 21–22.

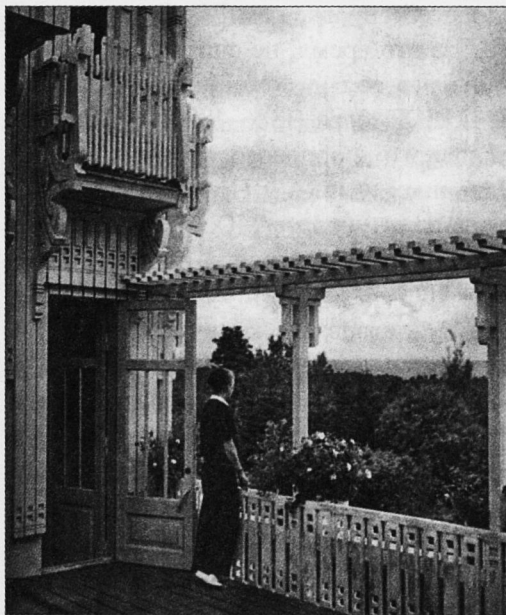
Станислава 3-й степени, и в декабре 1888-го приказом Правительствующего Сената за № 4492 произведен за выслугу лет в титулярные советники (чин IX класса) со старшинством с 3 июля 1888 года.⁹ Еще через три года, в июне 1891-го, был представлен к награждению орденом св. Анны 3-й степени.

В июне 1891 года Гавриил Васильевич подал прошение на имя директора Санкт-Петербургской глазной лечебницы об

*Архитектор
Г.В. Барановский*

определении на должность архитектора лечебницы, находившейся при Собственной Е.И.В. Канцелярии Императрицы Марии, с оставлением в то же время на службе при техническо-строительном комитете Министерства Внутренних дел. Прощение было подписано 20 июля 1891 года. Согласно резолюции, зачисление Барановского состоялось. Более того, он сам и главный врач лечебницы Веерт были немедленно приглаше-

Вилла «Арфа»

⁹ Формулярный список о службе состоящего при МВД младшего техника по чертежной части при техническо-строительном комитете гражданского инженера, титулярного советника Барановского. Составлен по: август 1891 г. //ЦГИА. Ф. 201. Оп.1. Д. 170. Л. 5.

ны на прием к попечителю «с соображениями о предстоящих ремонтных работах в лечебнице».

До Барановского должность архитектора глазной лечебницы исправлял неклассный художник Павел Алиш, который по расстроенному здоровью попросил отставки с 1 июля 1891 года. Как явствует из документа о его увольнении, жалованье на этой должности положено не было, он лишь получал на разъезды 100 рублей.

Тем не менее должность архитектора при этом учреждении не была «общественной работой». Архитектор получал 1% от стоимости реализованного проекта, и более того согласно Высочайшему Повелению от 13.06.1870 года, «...за составление планов на новые постройки или переделки, если осуществление проектов было отменено не по вине их составителя, сей последний сохраняет за собой право на денежную выдачу 1% с стоимости проекта». Таким образом, когда Попечительский совет глазной лечебницы отказал в финансировании переустройства зданий больницы, Барановский написал прошение на выплату ему 854 рублей 48 копеек за составление двух проектов и двух смет, уже прошедших утверждение в Техническо-Строительном комитете. Согласно выписке из Журнала Опекунского совета учреждений императрицы Марии, вознаграждение должно было быть выплачено, правда, в урезанной сумме 500 рублей.

Всего же за четыре года работы архитектором при глазной лечебнице, как пишет Барановский, им «...по распоряжению начальства составлено несколько проектов на постройку новых и переустройство старых зданий глазной лечебницы».

1 марта 1894 года Г.В. Барановский пишет прошение о предоставлении ему отпуска на два месяца для поездки за границу. 19 апреля 1895 года он подает прошение об увольнении «по многочисленности служебных занятий в Министерстве внутренних дел». Правда, на бумаге, на которую наложило свою резолюцию начальство, причина названа другая – «не имея возможности по домашним обстоятельствам продолжить службу». Видимо, так звучало менее обидно для глазной лечебницы...

За четыре года службы архитектором при лечебнице Баранов-

ский поднялся еще на одну ступеньку в Табели о рангах: получил чин VIII класса (коллежский асессор). В октябре 1893 года он был награжден перстнем с двумя бриллиантами из Кабинета Е.И.В. В январе 1895 года – орденом св. Станислава 2-й степени «за отлич-но-усердную службу».

Уволен из глазной лечебницы в июле 1896 года.

С момента окончания ИГИ Барановский построил в Петербурге:¹⁰

1. Деревянный дом. Широкая, 20. (Разрушен во время блокады).¹¹
2. Деревянный мост шпренгельной системы через Смоленку.
3. Рельсовый путь на о. Голодай.
4. Надстройка в доме Г.П. Елисеева (мастерская художника). Биржевая линия, 12. 1887.
5. Двухэтажный каменный дом г-на Долгополова. В.О., 7-я линия.
6. Часовня-усыпальница семейства Д. А. Поливанова. Александро-Невская лавра.
7. Отделка церкви в доме гр. Шереметева. Гагаринская наб., д. 4.
8. Пятиэтажный каменный дом Г.Г. Елисеева, наб. р. Фонтанки, 64. 1889–1890. (Управляющий Г.В. Барановский).
9. Надгробный памятник А.И. Дурдину на Митрофаньевском кладбище.
10. Пятиэтажный каменный дом Г.Г. Елисеева, Чернышов пер., 14. 1891–1892. (Управляющий Г.В. Барановский)
11. Капитальный ремонт доходного дома Г.Г. Елисеева. Наб. р. Фонтанки, 66/12
12. Особняк Г.Г. Елисеева. Биржевая линия, 12, 14. Реконструкция и отделка интерьеров. 1893-1894.
13. Особняк И.А. Дурдина. Свердловская (бывш. Полюстровская) наб., 36. 1895. Перестроен.
14. Доходный дом Г.В. Барановского. Ул. Достоевского/Ямская, 36. 1897.
15. Здание женской гимназии кн. Оболенской (А. Б. Мещерского). Басков пер., 8. 1899-1900. Расширено.
16. Комплекс Торгового Дома т-ва «Братья Елисеевы». Невский

¹⁰ По данным, содержащимся в автобиографической справке из Юбилейного сборника ИГИ и материалам сайта citywalls.ru

¹¹ См.: <http://www.citywalls.ru/house6854.html>

пр., 56/8. Перестройка. Сооружение нового углового здания. 1900, 1902–1903.

17. Здание Русского географического общества. Пер. Гривцова, 10. 1907–1909.
18. Здание ломбарда. Наб. р. Мойки, 72. Перестройка. 1909.
19. Жилой дом при Буддийском храме. Приморский пр., 93. 1909–1910.
20. Буддийский храм. Приморский пр., 91. 1909–1915. Первоначальный проект Н.М. Березовского.

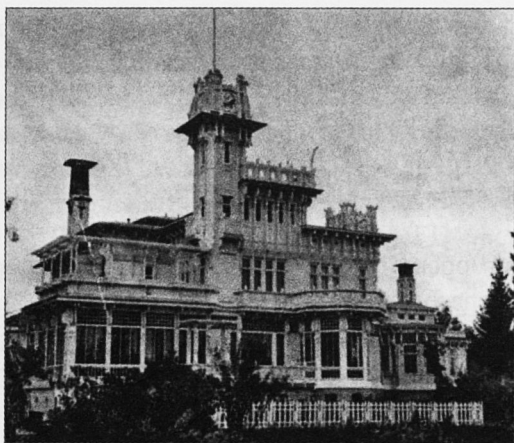
Кроме того, известны постройки Барановского для Елисеевых в Москве, в Могилевской губернии (деревянная церковь на 350 человек, до 1892 г.), в Эстляндии (имение в Тойла), собственная дача в Келломяках (Финляндия).

При изучении списка сразу бросается в глаза, что значительная часть построенных или перестроенных зданий принадлежали семье Елисеевых. Благодаря этому Барановского часто называют «придворным архитектором» семейства Елисеевых. Из этого факта публикой был сделан совершенно неожиданный вывод: Барановский получал заказы, видимо, по той причине, что породнился с Елисеевыми, женившись на девице из этой семьи. Правда, специалисты по генеалогии рода Елисеевых, к примеру А.В. Краско, такую гипотезу даже не рассматривают.¹² Но всегда хочется иметь подтверждение или опровержение того или иного факта, на котором стояли бы подпись и печать. В данном случае подпись и печать, заверенные нотариусом В.К. Ивашкевичем в его конторе, что на углу Литейного и Невского №64/78 от 4 февраля 1914 года, стоят на свидетельстве о рождении сына Г.В. Барановского, Василия.

Согласно записи в метрической книге у гражданского инженера титулярного советника Гавриила Васильевича Барановского и законной жены его Екатерины Васильевны, обоих первобрачных и православных сын Василий родился 20 января, а крещен 6 февраля 1890 года.¹³

¹² Краско А.В. Дома купцов Елисеевых. СПб, Белое и черное. 1997. 160 с. Краско А. В. Елисеевы. (Свод поколенных росписей. Вып. 3). СПб, ВИРД. 1998. 52 с.

¹³ Свидетельство о рождении Василия Барановского, выданное СПб Духовной Консistorией. ЦГИА. Ф. 361, оп. 1, д. 11. С. 3-4. «При купели» была бабушка, Роза Константиновна Диамантиди.

Вилла «Арфа». 1930-е гг.

Согласно Форумулярному списку о службе состоящего при МВД младшего техника по чертежной части при Техническо-Строительном комитете, гражданского инженера, титулярного советника Барановского, составленного в августе 1891 года, явствует, что он женат на дочери унтер-шталмейстера Высочайшего Двора, статского советника Кобелева, девице Екатерине Васильевне. Имеет сына Василия, родившегося 20 января 1890 года.

Жена Барановского, Екатерина Васильевна, была дочерью унтер-шталмейстера Высочайшего Двора, действительного статского советника Василия Васильевича Кобелева и его жены Дарьи Александровны. У Екатерины были братья, гражданские инженеры Александр и Михаил, а также сестры Лидия, Елена и Анна.

Известно, что именно шталмейстер В.В. Кобелев доставил сообщение наследнику престола, великому князю Александру Александровичу, о смертельном ранении его отца, императора Александра II 1 марта 1881 года. «Сани с Августейшим страдальцем, следуя от Мошкова переулка по Миллионной, остановились у собственного Его Величества подъезда, внутри тамбура. Прибывший в то же время великий князь Михаил Николаевич приказал унтер-шталмейстеру Кобелеву ехать в Аничков дворец для извещения о случившемся Государя Наследника Цесаревича. Наследник Цесаревич, было как уже упомянуто, отправился прямо с развода в свой дворец и сидел с семьей за завтраком, когда раздался один за другим оба взрыва. Наследник и Цесаревна не могли себе разъяснить их причины, но сразу почувствовали ка-

кое-то тяжелое предчувствие, которое несколько минут спустя еще усилилось при виде прискакавшего во двор Аничковского дворца шталмейстера Государя. Оба поспешили ему навстречу, но он не мог в первую минуту произнести ни слова от волнения, и только после отчаянной просьбы Их Высочеств ему удалось проговорить: “Он ужасно ранен”. Этих слов было достаточно, чтобы понять ужасную действительность. Наскоро заложили сани, и Их Высочества поспешили в Зимний дворец, куда прибыли первыми после Михаила Николаевича»¹⁴.

Жена Василия Васильевича, Дарья Александровна (1840–1918) после смерти мужа, последовавшей между 1898 и 1904 годами, переселилась из служебной квартиры на Конюшенной пл., 1 к дочери и зятю Барановским на Фонтанку, 66. Из записей приходских книг Духовской церкви в Келломяках известно, что Дарья Александровна Кобелева скончалась 1 июля 1918 года и погребена на Келломякском (Комаровском) кладбище. Местоположение могилы утеряно.

Гражданский инженер Александр Васильевич Кобелев (1860, Царское Село – 1942, Киев) окончил 3-ю военную гимназию в Петербурге¹⁵. Он поступил в ИГИ (тогда еще Строительное училище) в 1880 году. Во время обучения был на летних строительных занятиях в Киеве, на московско-брестской и киево-бендерской железных дорогах. Окончив курс в 1887 году со званием гражданского инженера и чином X класса, был причислен к Техническо-Строительному комитету и откомандирован для технических заданий в Киев – младшим инженером технического отделения службы ремонта пути и зданий¹⁶. Там он построил несколько сооружений для железной дороги, а впоследствии и ряд доходных домов и общественных зданий в Киеве, которые по сей день украшают город. Потомки А.В. Кобелева живут в настоящее время в Украине.

Гражданский инженер Михаил Васильевич Кобелев служил

¹⁴ Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года. Спб, 1882.
<http://globallib.ru/read.php?id=251197>

¹⁵ По семейному преданию, его крестным был император Александр II.

¹⁶ Кобелев Александр Васильевич. Биографическая справка //Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. С. 158–159.

Один из интерьеров виллы «Арфа». 1930-е гг.

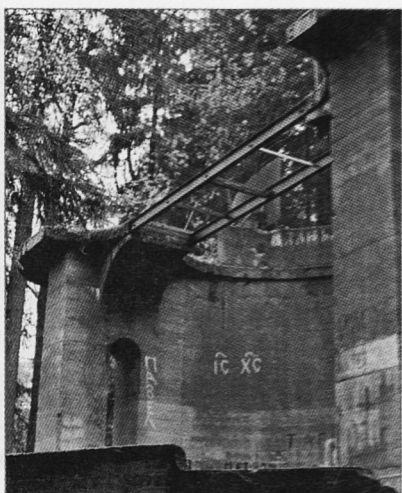
в Петербурге. В последнем предреволюционном указателе «Весь Петроград» сведения о нем следующие: действительный статский советник, гражданский инженер; архитектор Главного управления почт и телеграфов; Общество гражданских инженеров; член Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел. Н.-Исаакиевская 18. С ним – жена Елена Васильевна и сын Михаил Михайлович.¹⁷

Лидия Васильевна Кобелева (1877–1955) вышла замуж за гражданского инженера, коллежского асессора Николая Викторовича Крюкова, который служил в Министерстве Императорского Двора. Он умер вскоре после 1904 года.

Елена Васильевна Кобелева вышла замуж за Николая Александровича Гирса, который служил в Дворянском земельном банке. Он скончался в июле 1914 года. В приходской книге Духовской церкви в Келломяках за 1915 год содержится исповедная запись о вдове надворного советника Елене Васильевне Гирс и ее сыне Илье, 8 лет.

Анна Васильевна Кобелева после смерти отца жила с матерью и сестрой Екатериной Барановской на Фонтанке, 66. Местом

¹⁷ Весь Петроград на 1917 год. С. 320.

Терраса виллы «Арфа». В 1930-е гг. (слева) и в наши дни

ее службы значится Типо-литография. Видимо, это типография журнала «Строитель», находившаяся в том же доме на Фонтанке, 66.

Сын Гавриила Васильевича и Екатерины Васильевны, Василий Барановский, окончил Императорское Училище правоведения в 1911 году. Согласно паспортной книжке, выданной канцелярией Совета министров 8 февраля 1912 года, титулярный советник Василий Гаврилович Барановский был причислен к данной Канцелярии. Был женат первым браком на экспедиторе Канцелярии Евгении Ричардовне.¹⁸

В 1914 году Василий Барановский подал прошение на имя директора Санкт-Петербургской консерватории Императорского Русского музыкального общества о допуске его к «окончательным испытаниям по классу фортепиано на диплом свободного художника в качестве экстерна».¹⁹

Местом своего жительства Василий Барановский называет ст. Келломяки по Финляндской железной дороге, собственный дом. В записях приходских книг Духовской церкви в Келломяках

¹⁸ Копия паспортной книжки В. Г. Барановского. ЦГИА. Ф. 361. Оп. 3. Д.11. С. 6–6 об.

¹⁹ Прощение о Василия Барановского о допуске к испытаниям в Консерватории. ЦГИА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 11. С. 2.

*Беседка
виллы «Арфа».
Современный
вид*

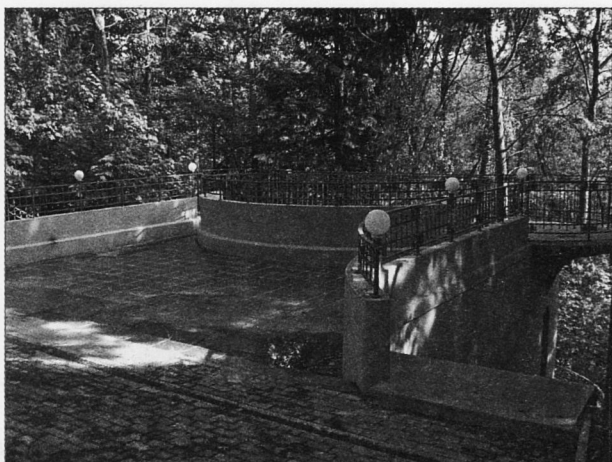
от 18 августа 1913 года значит, что Василий Гаврилович Барановский был свидетелем со стороны невесты на бракосочетании Александра Александровича Рейнке и Аполлинии Григорьевны Племянниковой.

Участок в Келломяках «Нордиска вилла» был приобретен Барановскими в 1905 году на имя жены, Екатерины Барановской. Это был один из самых больших участков в поселке; находился на Морской стороне, на территории, ограниченной Церковной улицей, Большим проспектом и Духовской улицей. С юга участок выходил на обрыв. На участке Г.В. Барановский построил по своему проекту дачу, которую называли вилла «Арфа». К даче было подведено электричество и водопровод. На участке был разбит парк с фонтанами и бетонным прудом в форме палитры художника перед южным фасадом дома. В обрыв была встроена 2-ярусная смотровая терраса с прекрасным видом на залив, Кронштадт и форты. Сохранились воспоминания о том, что терраса использовалась в качестве летнего театра.²⁰ Участок сохранился в первоначальном размере, также сохранились пруд, беседка и смотровая терраса. До наших дней дошло также несколько фотографий, сделанных до 1939 года, на которых изображены виды виллы и ее интерьеры.

К 1917 году Гавриил Васильевич Барановский был заметной

²⁰ По устному свидетельству потомков певца, профессора Консерватории И. С. Томарса, дача которого находилась по соседству с виллой «Арфа» (в настоящее время на территории дома творчества писателей).

Терраса.
Современный
вид

и уважаемой фигурой в архитектурном сообществе: действительный статский советник; член технико-строительного комитета МВД и Совета по горнопромышленным делам; глава комитета по фабричным и горнозаводским делам.²¹ За плечами были здания, построенные по его проектам, семитомная «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века», журнал «Строитель», теоретические работы. Только в 1916–1917 годах в журнале «Зодчий» вышли его статьи: «О проекте пожарного устава», «Судьбы русского строительного законодательства», «Строительное управление в демократической России», «Какой нам нужен, наконец, строительный устав?», «К вопросу о строительном управлении в демократической России» (№ 39–42, октябрь 1917 г.) № 47–52 за 1917 год был последним номером «Зодчего».

Родственные семьи Барановских и Крюковых остались после революции в Келломяках, с ними и мать сестер Кобелевых, Дарья Александровна. Наверное, они, как многие тогда, думали, что это ненадолго, что большевики скоро исчезнут. Но, что можно сказать точно — им было очень трудно. Физически — потому что не было средств к существованию. Морально — потому что привычная жизнь в одночасье исчезла и делать в Келломяках архитектору Барановскому было нечего — только выживать.

В приходской книге Духовской церкви за 1920 год имеется

²¹ Весь Петроград на 1917 год. С. 43.

*Пруд в виде
палитры.
Современный
вид*

запись о том, что гражданский инженер Гавриил Васильевич Барановский скончался в Келломяках 28 июня от паралича сердца 60 лет от роду и погребен 30 июня на келломякском православном кладбище.²² Местоположение могилы в настоящее время утеряно.

Вскоре после смерти Г.В. Барановского Екатерина Васильевна и Василий уехали из Финляндии в Швецию. Там Василий женился вторично (судьба его первой жены неизвестна). Последнее письмо родственникам в Финляндию пришло от Екатерины Васильевны в 1963 году, после этого связь оборвалась.

Рукописи, как известно, «не горят». Поэтому где-то, наверное, лежат чертежи виллы «Арфа» архитектора Барановского, по которым можно было бы когда-нибудь ее воссоздать, пусть и в виртуальном виде. Где-то живут потомки рода Барановских, о которых в настоящее время мы ничего не знаем.

²² Национальный архив Финляндии. ORT 1669 KEL IC11 1920.

Л.И. Амирханов

Кое-что из жизни Зеленогорска

Бравый солдат Швейк со свойственной ему твердостью однажды заявил: «Газеты врут!» И за это едва не был обвинен в государственной измене. Наши газеты тоже не всегда отражали истинное положение в стране, но в годы «перестройки и гласности» постепенно стали прорываться на газетные полосы правдивые материалы, горестные истории, гневные письма.

Замечательная газета «Ленинградская здравница», основанная в 1937 году, долгие годы была единственным местным источником информации в Курортном районе Ленинграда и Санкт-Петербурга, направляя народ на борьбу за светлое будущее. В перестроечное время она продолжала эту борьбу, но появились «новые» задачи и проблемы: воровство, мелкое хулиганство, пьянство...

Потом встанут еще более «новые» задачи и проблемы – преступления государственного масштаба... Но начиналось с малого – иногда даже с робких публикаций о преступлениях мелких и очень мелких.

Ниже – некоторые материалы «Ленинградской здравницы», опубликованные в 1987–1989 годах. Они посвящены Зеленогорску. В 10-м, юбилейном, выпуске сборника «Курортный район. Страницы истории» будут опубликованы материалы «Ленинградской здравницы», посвященные Сестрорецку.

«Ивушка» плакучая

Уважаемая редакция! Есть в Зеленогорске детский сад с поэтичным названием «Ивушка». Но зайдите сюда, и здешний микроклимат напомнит Вам не детское дошкольное учреждение, а кукую-то, простите, коптильню.

Дело в том, что в подвале здания находится котельная, построенная без соблюдения технических норм и правил, с укороченной дымовой трубой. Дым от нее нередко стелется по территории детсада, проникает в помещение. И так продолжается уже не один год.

Куда только не обращались работники детского сада и родители: в РОНО, исполком Зеленогорского горсовета, санэпидемстанцию, трест «Теплоэнерго-2». Однако воз и ныне там.

В Зеленогорске, на улице Александровской, построена мощная котельная, которая по проекту должна обеспечивать теплом и горячей водой новостройки города-курорта, а также расположенную по соседству «Ивушку». Увы, пока этого нет. Когда, наконец-то, будут созданы нормальные условия в «Ивушке» для детей и обслуживающего персонала?

*Б. Иткин,
член домового комитета Треста № 2 ОЖХ*

«Несуны»

Наша газета неоднократно поднимала вопрос борьбы с «несунами» в здравницах. Однако конца хищениям не видно. Легкая нажива манит, бесконтрольность развращает. Подтвердим это на примере санатория «Северная Ривьера».

В этой здравнице работники милиции недавно задержали во время очередного рейда сразу восемь «несунов». Можно представить, насколько оскудела меню отдыхающих, когда на смену выходили повара Н.Н. Л*, Р.А. З*, А.А. В* и другие. Достаточно сказать, что только у Л* при задержании было обнаружено ни много ни мало 7 килограммов 700 граммов сливочного масла, а всего продуктов на сумму 38 рублей 66 копеек.

Все лица, избалованные в воровстве, были наказаны судом соразмерно содеянному. Но напрашивается вопрос: почему так вольготно чувствуют себя «несуны» в этом санатории (впрочем,

как и в ряде других здравниц)? Ответ может быть только один – отсутствие элементарного учета продуктов и контроля за правильным их использованием, создают почву для хищений. Борьба с воровством подменяется в этих коллективах пустыми разговорами.

*И. Голянд,
нешт. корр.*

1 500 000 цветов

На Зеленогорском участке объединения «Цветы» полным ходом идет реализация рассады. Уже продано садово-парковым хозяйствам Ленинграда свыше 400 тысяч корней летних цветов. Около 300 тысяч их отправлено для украшения территорий пионерских лагерей, санаториев, домов отдыха. Всего намечено вырастить и реализовать полтора миллиона кустов цветочной рассады.

С конца июня планируется начать срезку ириса, ромашки, пеллетриума и других цветов для продажи в специализированных магазинах города. Всего на участке города-курорта выращивается 12 наименований летних цветов и 6 многолетних.

Весна и начало лета выдались тяжелыми для цветоводов. Еще маловато солнечных дней, но мастера своего дела Л.С. Секало, С.И. Федотова и другие вкладывают много труда, чтобы красочный цветочный ковер украсил улицы города на Неве, территорию всесоюзной здравницы. Здесь также отлично трудится В.Ф. Генералов, ветеран Великой Отечественной войны, находящийся на заслуженном отдыхе, но продолжающий работать в хозяйстве участка.

*И. Львов,
нешт. корр.*

Позаботимся о парке все вместе

Зеленогорский парк культуры и отдыха (филиал «Дубков») является одним из самых привлекательных уголков курортной зоны Ленинграда и любимым местом отдыха трудящихся. Он был создан в пятидесятые годы при активном участии комсомольцев и молодежи района на запущенном лесном участке вдоль береговой зоны Финского залива.

Парк в настоящее время занимает площадь более 30 гектаров, а в недалеком будущем будет расширен – за счет освоения нового участка между улицами Малинной и Театральной. В парке произрастает 222 вида травянистых растений, из них 65 – ценных лекарственных. 19 видов редких исчезающих, занесенных в Красную книгу природы и запрещенных к сбору.

Наш коллектив прилагает много сил в деле благоустройства парка и содержания его территории в надлежащем состоянии. Ежегодно здесь высаживается 20 видов цветочной рассады. Большинство посетителей парка высоко оценивают цветочное оформление парка, в которое вкладывают свое мастерство и любовь ветераны парка: старший мастер Т.М. Осадчая, мастер оранжереи В.И. Быстрова, садовый рабочий Н.И. Чистова.

И до слез обидно, когда плоды этого нелегкого труда варварски губятся. Находятся люди, которые не только не ценят труд всего коллектива, но и уничтожают красоту: вырывают цветы, ломают кустарник, ходят по газонам.

Вопиющий случай произошел в ночь с 7 на 8 июля, когда неизвестным мотоциклистом была уничтожена клумба у центрального входа в парк. Нанесен значительный материальный ущерб.

Уважаемые зеленогорцы и гости нашего города, наш парк открыт для всех, это ваш парк. Добро пожаловать к нам. Но давайте вместе сохранять его красоту и зеленый наряд.

*В. Курылев,
заведующий зеленогорским филиалом парка «Дубки»*

Искоренить зло

Более двух лет прошло со дня принятия правительственного постановления о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения. В нем было отмечено, что в современных условиях, когда все полнее раскрываются созидательные силы нашего социалистического строя, преимущества советского образа жизни, особое значение приобретают строгое соблюдение принципов коммунистической морали и нравственности, преодоление вредных привычек и пережитков. И, прежде всего, такого уродливого явления, как пьянство.

У меня, как, наверное, и у всех жителей Зеленогорска вызыва-

ет озабоченность то обстоятельство, что борьбе с пьянством и алкоголизмом уделяется недостаточно внимания. Больше того, мне кажется, что сейчас дело в этом плане обстоит даже хуже, чем до известных постановлений и Указов. Раньше по городу постоянно патрулировали милицейские машины, совершали регулярно обходы дружинники. Сейчас их увидишь редко. И пьяницы чувствуют себя вольготно.

Явно не на месте, в самом центре города рядом с детской площадкой расположен винный магазин, у которого, особенно по выходным, выстраиваются длиннющие очереди, стоит шум и гам. Жители не раз обращались по этому поводу в горсовет, к депутату, но ничего не изменилось. Регулярно некоторые покупатели распивают водку тут же в кустах. А потом начинается выяснение отношений, ругань, драка. Не удивительно, что здесь не встретишь ни одного милиционера, ни одного дружинника.

Пора, мне кажется, покончить с самообманом, мол, пьяниц поубавилось, порядка стало больше. Пьяницам в городе-курорте вообще не должно быть места. Для этого надо, чтобы опять в полную силу заработала милиция, дружинники, чтобы любой из нас не закрывал глаза на поведение нарушителей норм нашей жизни и правопорядка.

*В. Иваницкий,
г. Зеленогорск*

Перспективы города-курорта

Среди перемен, которые принесла в нашу жизнь перестройка, выделим очень важную: сейчас приоритет отдается решению социальных вопросов.

Для Зеленогорска, как и для всего нашего района, важнейшее место занимает жилищное строительство, улучшение торгового, медицинского, транспортного обслуживания, всех сфер услуг. Но и здесь есть свои важнейшие зоны. Главная из них – благоустройство. И это не случайно. Целительный микроклимат, богатство природы привлекают на отдых и лечение в город-курорт все большее число ленинградцев, гостей из других районов страны.

Город растет. На глазах меняется его облик. Все эти про-

исходящие и будущие перемены – в центре внимания и забот Сестрорецкого районного и Зеленогорского городского Советов. Сегодня на вопросы нашего корреспондента о развитии города отвечает председатель исполкома горсовета Зеленогорска В.А. Плотницкий.

– Владимир Алексеевич, учитывая важность жилищной проблемы как одного из главных направлений перестройки, нашим читателям хотелось бы знать о перспективах жилищного строительства в городе.

– Как известно, оно уже ведется несколько лет в квартале № 8, выходящем на главную магистраль – проспект Ленина, и ограниченном улицами Комсомольской, Привокзальной и Разъезжей. Здесь на площади 17 гектаров поднялись и заселены первые дома оригинальной архитектуры со своего рода «пульсирующей» этажностью, удачно вписанные в окружающий лесной массив. В этом году будет введен еще один корпус общей площадью 13 тысяч квадратных метров жилья. Но особо скажу о корпусе № 13. Он рассчитан на 10 тысяч квадратных метров жилья и вырастет вдоль проспекта Ленина и, конечно же, облагородит его. В корпусе откроется городская библиотека с фондом 100 тысяч томов, сберкасса, отделение почтовой связи, магазин «Оптика», парикмахерская, Помещения, которые сейчас занимают эти службы, будут отданы для новых ателье бытовых услуг.

Надо сказать, подрядчик застройки квартала – коллектив Главленинградстроя сделал определенные выводы после допущенного брака при возведении первых домов три года назад, и все же качество строительства еще далеко не всегда удовлетворяет новоселов и, конечно же, нас работников исполкома. Есть еще недоделки, не всегда на должном уровне осуществляется гарантийный ремонт.

Горисполкому понятна и обеспокоенность жителей неблагоустроенностью территории квартала № 8. В ближайшее время должна выйти проектно-сметная документация и сразу же начнется реконструкция улиц Комсомольской, Разъезжей, Объездной, будут приведены в порядок дворовые территории квартала.

– С вводом новых корпусов общая жилая площадь микро-

района составит 60 тысяч квадратных метров. Будет ли дальше развиваться строительство?

— Безусловно, прорабатывается вопрос о строительстве в квартале № 12 (проспект Ленина – улица Красноармейская) жилого здания, в котором наряду с жилыми и служебными помещениями должен быть размещен мебельный магазин. В дальнейшей перспективе развитие города должно продолжиться севернее железной дороги. Но решение этого вопроса сопряжено с немалыми трудностями и прежде всего – с прокладкой многих коммуникаций. Необходимо построить новую котельную, подвести питьевую воду из поселка Молодежное.

— **Не кажется ли Вам, что мы становимся свидетелями кем-то допущенного просчета: с одной стороны, решаются вопросы строительства, с другой – возникает проблема торгового обслуживания. И она будет расти с вводом в строй всего микрорайона, население которого составит несколько тысяч.**

— Согласен с таким выводом. Вполне справедливо жители уже сейчас не удовлетворены торговым обслуживанием, что, естественно, беспокоит и горисполком. Если в зимний период еще можно в какой-то мере мириться с работой торговли, то этого не скажешь о летнем сезоне, когда число покупателей значительно увеличивается за счет отдыхающих. Торговых точек явно не хватает. Задача состоит в том, чтобы добиться от плановой комиссии Ленсовета строительства универсального магазина, где можно было бы купить и продовольственные и промышленные товары. Добавлю к вопросу, что в связи с ростом населения возникла и проблема полного удовлетворения дошкольными и школьными учреждениями. Для ее решения в 1990 году будет построен детский сад на 280 мест, предусмотрено и строительство школы.

— **Без преувеличения можно сказать, что в нашем районе многое делается для охраны окружающей среды. И это естественно – район курортный. И тем не менее еще можно увидеть и дымящие трубы котельных, и не всегда обдуманную вырубку деревьев. Сегодня, например, читателей волнует лесоповал в районе типографии.**

— Вопрос закономерен. Но начатая вырубка деревьев, о которой спрашивают читатели, неизбежна и будет продолжаться в

связи с прокладкой окружной дороги. Она пройдет от проспекта Ленина в районе типографии вдоль улиц Красных курсантов, Выборгской, Мира, Широкой с выходом на Приморское шоссе. Строит СУ-4 «Лендорстроя». В течение текущего и будущего года ему предстоит освоить 250 тысяч рублей. С вводом в эксплуатацию эта магистраль, шириной 7,5 метров, позволит разгрузить проспект Ленина, который кстати, летом этого года будет капитально отремонтирован, на что выделено 100 тысяч рублей. Но надо помнить, что вырубка деревьев – это и необходимые меры. Скажем, за три года было снесено около трех тысяч буреломных и сухостойных деревьев. Только трестом садово-паркового хозяйства ежегодно ведется необходимая рубка на площади 40 гектаров, санитарная – 12. Но есть случаи и самовольной порчи деревьев, за что четыре организации в минувшем году были оштрафованы на 800 рублей.

Что же касается дымящихся труб котельных, то число их постоянно уменьшается. Закрыты котельные детского сада № 30, речной, станционной, интерната № 69, детского санатория «Жемчужина». В текущем году планируется закрыть еще 10 котельных – школы № 450, предприятий торговли, детского сада № 19, яслей № 12 и других.

В этом году начнутся большие работы по подключению домов, расположенных на четной стороне проспекта Ленина, к горячему водоснабжению. К концу пятилетки горячая вода поступит во все дома, выходящие к проспекту. Естественно, это потребует прокладки новых коммуникаций и создаст неудобства для жителей. Но другого выхода нет, если мы хотим улучшить комфорт в своих квартирах. Улучшится он и с подключением жилых домов к природному газу. К 15 мая наконец-то Гипроспецгаз должен выдать проектную документацию на прокладку газопровода. Ленгазспецстрою предстоит проложить 13-километровую трассу от поселка Ильичево. В числе первых на природный газ перейдут дома кв. 8, Александровская котельная.

Благоустройство и охрана окружающей среды всегда в центре внимания горисполкома. Об этом свидетельствует и присуждение ему первых мест Ленсоветом во втором и четвертом кварталах 1987 года. Но было бы опрометчиво утверждать, что программа «Экология» осуществляется в полной мере. Еще нередко зани-

мает выжидательную позицию Зеленогорская СЭС, не лучшим образом в зимнее время работал «Спецтранс», не уделяют должного внимания содержанию прилегающих территорий ряд здравниц, большего мы вправе ждать и от общественности.

– **Зеленогорск – это район здравниц. За последние годы заметное развитие здесь получила организация семейного и однодневного отдыха, курсовое лечение, оказание платных услуг. Можно ли сейчас с оптимизмом говорить о перестройке работы здравниц?**

– С большой натяжкой, хотя и они стараются поспевать за временем. К сожалению, дальнейшее наступательное развитие индустрии лечения и отдыха сдерживается крайне запущенным материально-техническим состоянием ряда здравниц. Не лучшим образом обстоят дела и во многих детских санаториях, которыми ведает Леноблздрав. Сестрорецким районным и Зеленогорским городским Советами принят ряд мер по этим вопросам, но многое зависит в первую очередь от Лентерсовета, Главного управления здравоохранения, других заинтересованных организаций.

– **И последний, но немаловажный для жителей вопрос: почему до сих пор пустыют помещения нового рынка? Если к ним не подведено отопление, то не лучше ли торговать пусть и в холодных, но под крышей, а не на улице, как это происходит сегодня?**

– Не могу согласиться с этой точкой зрения. Затронутый вами вопрос, конечно же, беспокоит районный и городской исполкомы, но его надо решать в комплексе. Мало будет проку, если рынок начнет работу в неотопливаемых помещениях на неподготовленной территории. Для приведения ее в порядок, а также благоустройства привокзальной площади в этом году будет освоено 100 тысяч рублей. Перед Управлением рынками Ленинграда поставлен вопрос о необходимости создания круглогодичной, а не сезонной торговли в Зеленогорске овощами и фруктами, изделий кооперативов и другой продукцией. Рынок в этом году откроется 15 мая.

К сказанному добавлю, что в период демократизации и гласности все жизненно важные вопросы развития Зеленогорска, как

и всего района, решаются и будут решаться при непосредственном участии населения. Об этом свидетельствуют прошедшая на днях встреча председателя исполкома райсовета В.С. Капустинского с жителями Зеленогорска, День открытого письма, который проводил Зеленогорский горсовет.

Интервью взял В. Федоров

Не дожидаясь жалоб

Почти каждый выходной мы выезжаем из шумного города на природу. Едем электричкой до Зеленогорска, а дальше – рейсовым автобусом. И так уже лет десять.

На вокзале в Зеленогорске всегда покупали с собой лимонад, пепси-колу, минеральную воду. На этот раз никаких напитков, несмотря на то, что стоял жаркий день, в продаже не было. Не удалось купить лимонад и в ресторане.

– Здесь пейте сколько угодно, а с собой брать нельзя, – сказала буфетчица, – испытывает дефицит тары.

Вот и пришлось нам за лимонадом ехать в центр, а оттуда – обратно на вокзал и лишь только потом до места отдыха. Пока искали в курортном городе лимонад, потеряли немало времени. Да и настроение было испорчено.

Что же происходит? Неужели в выходные дни, когда резко увеличивается приток в наши края отдыхающих туристов, нельзя предусмотреть продажу прохладительных напитков на вокзале в большем количестве, чем в обычные дни? Так всегда было. Неужели только тогда наша торговля начинает думать о людях, когда в ее адрес пойдут письма и жалобы?

*Г. Иванова,
Ленинград*

Почетная профессия

Приезжая в Ленинград, Людмила Николаевна Чумакова непременно заходит в расположенный неподалеку «детский мир». И вовсе не с целью сделать покупку. Просто подойдет к секции верхней одежды и смотрит. Отмечает про себя: «Берут, пользуется спросом продукция. А на этикетке-то штампик наш. Кажется, это самое платье я на днях еще в руках держала...»

Людмила Николаевна работает мастером Зеленогорского

участка Сестрорецкого филиала ЛПШО «Салют».¹ Шьют здесь платья для девочек: от ясельного возраста до старшего школьного.

– Платья выпускаем самых разных фасонов, – рассказывает бригадир Таисия Дмитриевна Харина. – Ассортимент постоянно обновляется. В месяц примерно от 7 до 12 моделей меняется. Продукцию поставляем в основном в магазины Ленинграда, чаще всего – в ДЛТ. Кое-что делаем и на экспорт. Жалоб на качество изделий не получаем, рекламаций нет.

Бригада Т.Д. Хариной передовая на филиале. Коллектив все время занимает призовые места в социалистическом соревновании. Хотя и оборудование точно такое же, как у других, а условия труда, возможно, даже и похуже: теснота, скученность, здание давно нуждается в капитальном ремонте. Сейчас все швеи Зеленогорского участка отправятся в коллективный отпуск, а в помещении тем временем проведут кое-какой косметический ремонт. Однако это не выход из положения, справедливо считает мастер Л.Н. Чумакова, нужна полная реконструкция.

Зато уж в похвалах бригаде Т.Д. Хариной мастер не скупится. Пожалуй, главное, что отличает каждого из членов бригады, так это чувство ответственности. Ошибка, небольшой брачок, допущенный одной швеей, обязательно отразится и на другой. Потому что такова специфика производства – пооперационная.

[...]

Еще об этой бригаде можно применить пословицу: «Молодо – не зелено». Ветеранов в коллективе раз-два и обчелся: сама Таисия Дмитриевна, Олимпиада Евгеньевна Юркова, Мария Яковлевна Александрова да Лидия Анатольевна Кузнецова. А самая юная – Люба Андропова. Она еще на преддипломной практике, ПТУ заканчивает. Но, судя по всему, хорошо прижилась в бригаде, освоила все операции, и осенью девушку ждут уже как постоянную, кадровую работницу.

[...]

В обязательствах, принятых коллективом Зеленогорского участка Сестрорецкого филиала ЛПШО «Салют», было намечено выпустить сверх плана к своему профессиональному празднику,

¹ Участок находился по адресу пр. Ленина, 21. Сейчас здесь располагается Зеленогорский суд.

Дню работников легкой промышленности, 100 единиц. Иными словами, сто платьев. Обязательство перекрыто. Как сообщили в плановом отделе предприятия, участок сшил дополнительно к заданию 573 платья разных фасонов и расцветок.

М. Асин

Следствие ведут едоки Четвертая серия²

*Умел в гости звать.
Умей и угощать
(народная мудрость)*

Жительница Зеленогорска Т.И. Данилина действовала в полном согласии с народной мудростью. И потому повела приехавшую к ней в гости приятельницу обедать в ресторан «Олень». Ах, какую превосходную оленину в горшочках здесь подавали когда-то!

Однако ничего хорошего из этой затеи не вышло. Вышла сплошная конфузия, за которую до сих пор Татьяне Ивановне стыдно перед приятельницей. Ресторану, правда, хоть бы хны. Но не будем забегать вперед.

Итак, 14 августа, около четырех часов вечера, приняв подходящему моменту вид, обе подруги прибыли в «Олень». Отсутствие убранных и сервированных столиков их поначалу не удивило, поскольку все же нашелся один, за который можно было присесть.

– Я обслуживать не буду, – буркнул, однако, подошедший официант, мотивировав отказ тем, что-де с 17 до 19 – санитарный час, а с 19 часов этот столик заказан.

Через некоторое время тот же официант, довольно нелюбезно поглядывая на посетительниц, начал выставлять на их столик закуски, предназначенные кому-то другому. На их просьбу подать хотя бы жалобную книгу официант ответил решительным отказом.

Разыскав администратора, подруги изложили ему, что они думают о подобном качестве обслуживания посетителей и повторили требование о жалобной книге.

Не моргнув глазом, администратор стал отрицать и само су-

² Первые три серии к Зеленогорску не относятся.

ществование подобной книги. Мол, понимаете, перестройка, хозрасчет, новые веяния... И проводил в зал, где посадил за неубранный столик к другому официанту.

Что они ели и вкусно ли было приготовлено, – этого подружки не помнят. Потому что все внимание их было сосредоточено на том, как бы не опрокинуть всю сервировку себе на платье: столик оказался почему-то с неприкрепленной крышкой. Настроение было вконец испорчено.

Об этом они еще раз осмелились поведать администратору, спросив заодно его фамилию и фамилию отказавшегося их обслужить официанта.

– Моя фамилия Фоменко В.В., а фамилию официанта я вам не скажу, – отвечив последний, добавив, что ни Капустинского, ни Меньшова он не боится.

[...]

«Следствие» показало, что перестройка в системе общественного питания района, увы, еще не коснулась конечного результата деятельности этого отряда сферы обслуживания. Обеды пока не стали вкуснее и сытнее, а обслуживание – культурнее. Думается, читатели, пользующиеся услугами общепита, дополнят наше «следствие» собственными материалами. Редакция надеется также, что проведенная нами акция поможет депутатам районного Совета в подготовке к предстоящей, которая, как известно, рассмотрит вопрос о состоянии торгового обслуживания в нашем районе.

*Репортаж вели: А. Сергеев, А. Павлов,
Н. Шмитко, А. Медведев, М. Сахновский*

Горбатый стакан

В кабинете начальника медицинского вытрезвителя № 2 в Зеленогорске Ивана Федоровича Козеняшева мы беседуем о проблемах этой нелегкой службы.

– **Иван Федорович, как сегодня относиться к явному росту пьянства в стране?**

– Действительно, такой грустный рост налицо. Могу засвидетельствовать: число поступающих в вытрезвитель по сравнению с прошлым годом выросло. Ежедневно мы доставляем 10–14 бело-

век, бывает и больше. Все дело, конечно, в не конца продуманной антиалкогольной политике в стране. Известные указы и постановления просто-напросто не срабатывают. Понятно было стремление руководства страны «отрезвить» народ, когда только начиналась перестройка. Но в резких антиалкогольных мерах все же был просчет. Он ударил не только по бюджету страны, но и не смог кардинально изменить ситуацию. Напротив, увеличил всесоюзный позор – длиннющие очереди в винно-водочные магазины. Резко возросло самогонование, спекуляция спиртным. Увеличился «спрос» на одеколоны, лосьоны и тому подобные спиртосодержащие вещества. Возросло соответственно число отравлений.

– И где же выход?

– Анализируя ситуацию, занимаясь проблемой пьянства и алкоголизма, я пришел к выводу: сейчас сделаны все-таки правильные шаги в оздоровлении обстановки. Имею в виду, прежде всего, увеличение времени продажи спиртного. Но хотелось бы, чтобы шло равномерное распределение товара по магазинам. Если из трех магазинов в Зеленогорске два одновременно спиртным не торгуют, можете представить, что творится у третьего. Толкотня, давка. Приходится присылать наряд милиции. Особенно часто к магазину в центре города. Но и то нет гарантии, что при этом здесь все будет спокойно. Часты драки. И не всегда удается совладать с хулиганами. У нас не так много прав.

– А приходится ли их успокаивать с помощью появившихся дубинок?

– Этот вынужденный атрибут не имеют работники вытрезвителя. В самом вытрезвителе нет даже спецкресла для буйного клиента. Очень тяжело с автотранспортом. За вытрезвителем числятся две автомашины, одна из них окончательно сломана, другая требует ремонта. Да и внешний вид у нее такой, что просто стыдно. Эту проблему необходимо решить в первую очередь. Мы, конечно, не в Америке, где к вопросу отрезвления клиента подходят по-другому. Там пьяного держат в вытрезвителе двое суток. Уже второе попадание в вытрезвитель грозит водворение в психиатрическую больницу на три месяца. Мы же с колоссальным трудом отправляем алкоголика в ЛТП. Например, отсутствие согласия близкого родственника – и мы уже ничего не можем по-

делать. А ведь у нас есть свои алкоголики-рекордсмены, которые попадают в вытрезвитель до 15 раз в год. Многие из них нигде не работают, не прописаны. Они сегодня даже защищены – сейчас привлечь человека к ответственности по статьям 198 (нарушение паспортного режима) или 209 (тунеядство) это целая проблема. Законы совершенствуются, все ближе приводятся к соответствию Международному пакту о правах человека, к Итоговому документу участников Венской встречи. Но работать со спецконтингентом нам стало гораздо труднее.

– **Тем более, что контингент строптивый...**

– Мягко сказано. В вытрезвителе такие «концерты» устраивают! Площадная ругань, оскорбления работников вытрезвителя. Как необходимы были бы магнитофоны и видеокамеры! Имея бы подобные свидетельства, и судьи относились бы к хулиганам гораздо строже. Но о снабжении нашей службы подобной техникой приходится только мечтать.

– **Да, служба у вас не из легких.**

И она заключается не только в работе с пьяницами. С помощью наших сотрудников удалось раскрыть несколько преступлений. Мы участвуем в раскрытии краж, боремся со спекуляцией спиртным, с самогонщиками. Проводим профилактическую работу. Часто приходится проявлять настойчивость. Например ищем контакты с директорами винно-водочных магазинов. На них они, к сожалению, не идут. Иногда это объяснимо. Вот вам случай: долго пытались наладить отношения с бывшим директором торгового отдела Ивановой. Она на такой союз не шла. Как выяснилось позже – продавал ящиками из-под подоы «своим». С трудом, но мы добились ее увольнения. Проводим мы целенаправленные проверки некоторых мест, где постоянно пьют прямо на рабочем месте. К примеру, на овощебазе или продовольственном складе...

В 16 часов милицейский наряд медвытрезвителя заступает на дежурство. И уже заранее знает: спокойным оно не будет.

Беседа вел В. Соловьев

Трамплин круглый год

Любители спорта хорошо знают, что на чемпионате мира-89 в Лахти двоеборец Андрей Дундуков завоевал серебряную медаль.

Несомненно, это успех советских спортсменов и можно считать, что состоялось возвращение наших двоеборцев на международную арену. Но оболящаться рано, ибо у них еще много проблем и главная из них – слабая материальная база для развития этого вида спорта.

За последний год принят ряд кардинальных мер по решению этого вопроса и радуется, что на территории нашего района вы пос. Молодежное создается спортцентр ЛСО «Трудовые резервы» по прыжкам на лыжах с трамплина и двоеборью. Недавно бригада монтажников МК-6 «Севзапэлектросеть» под руководством бригадира Н.Н. Василевского закончила монтаж конструкции большого трамплина, изготовленного в эстонском городе Ахтма. Эту сложную и уникальную операцию, потребовавшую от монтажников большого мастерства и мужества, они завершили успешно.

В проведении работ им помогали тренер спорткомплекса Е.В. Фомин и большой поклонник спорта, пенсионер Л.Л. Ошерович.

Комиссия Ленгорспорткомитета под руководством зам. Председателя П.А. Трескова 30 апреля приняла объект с оценкой «отлично».

Итак, завершён монтаж большого трамплина, а малый уже введён в эксплуатацию, и прошедшей зимой на нем состоялся чемпионат Ленинграда среди юношей. Самыми заинтересованными зрителями состязаний были местные мальчишки из поселков Молодежное и Сосновая Поляна. Многие из них позже пришли в действующую ныне секцию по прыжкам с трамплина, возглавляемую тренером, мастером спорта В.Д. Озеровым. Хочу пригласить мальчишек, желающих заниматься прыжками с трамплина и двоеборьем, приходить на тренировки в субботу с 15.00 и в воскресенье с 11.00. Вас здесь ждут! И не откладывайте до осени, ведь малый трамплин имеет синтетическое покрытие, позволяющее совершать прыжки на лыжах даже летом.

Так что есть надежда, что через несколько лет мы узнаем о новых мастерах в прыжках с трамплина и лыжном двоеборье из Зеленогорска и близлежащих поселков. От кого это зависит? От вас, мальчишки.

М. Иванов

Содержание

И.Н. Аверина. Моя семья	3
Л.П. Кряжева. О книге Вадима Соловьева «Живите радостно. Сестрорецкая скоропись» и не только	10
И.М. Александрова. Иринкины рассказы	17
Ю.Д. Балаценко. «S.O.S.» Портрет Леонида Андреева кисти Юрия Репина	37
Л.И. Андрущенко. Забытая модель Ильи Ефимовича Репина	55
А.И. Роденков. Печи и каминны дома Леонида Андреева в Ваммельсуу	69
И.Ю. Медведева. Ученик И.Е. Репина Алексей Иванович Фюк	79
Е.М. Травина. К биографии архитектора Г.В. Барановского	95
Л.И. Амирханов. Кое-что из жизни Зеленогорска	111

Курортный район. Страницы истории.

Выпуск 9

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»

Адрес для писем:

199034, Санкт-Петербург, а/я 1, Амирханову Л.И.

E-mail: zitadel@bk.ru

Составители *Л.И. Амирханов, Р.Н. Гараева*

Редактор *Л.И. Амирханов*

Корректор *Н.Н. Никифорова*

Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 8,0.

Зак. № 336. Тираж 700 экз.

ООО «Издательско-полиграфический комплекс «Гангут»»

Адрес: 191024, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная,
д. 16, офис-центр 3, офис 10.

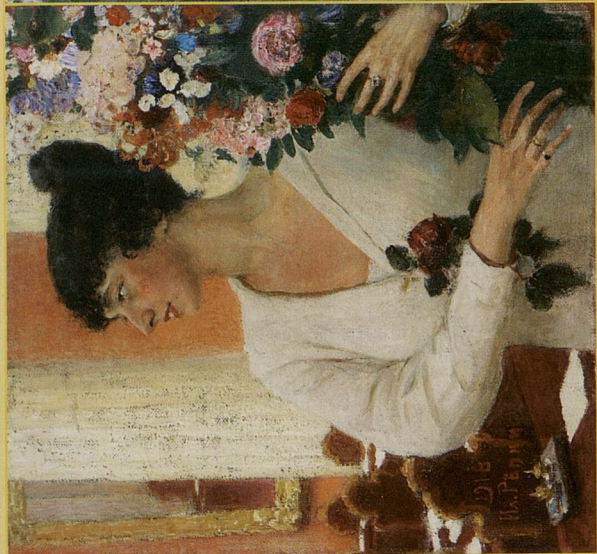
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 91.

Тел./факс: (812) 336-50-24, 325-28-21.

E-mail: gangutprint@yandex.ru

www.gangut.su

ЦБС Курортного района № 09 00678D6

130.00

A portrait painting of Leonid Andreev. He is depicted from the chest up, wearing a dark, heavy fur collar. His hair is dark and wavy, and he has a mustache and goatee. He is looking directly at the viewer with a serious expression. His right hand is raised to his forehead, with fingers spread. The background is a textured, abstract composition of blue, white, and brown tones. The overall style is expressive and somewhat somber.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

"SOS"

Л. Андреев